

ИЗВЕСТИЯ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ. СОЦИОЛОГИЯ. ЭКОНОМИКА. ПОЛИТИКА

Издается Тюменским индустриальным университетом с 2002 г.
Журнал «Региональные социальные процессы» сменил название на
«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика» в 2008 г.

**Регистрационный номер ПИ № ФС 77–89190 от 17 марта 2025 года
выдан Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)**

Учредитель журнала:
**Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Тюменский индустриальный университет»**

Издатель: **ФГБОУ ВО «Тюменский индустриальный университет»,
625000, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Володарского, 38, +7(3452)28-35-91**

Периодичность: 4 раза в год

Условия распространения материалов:
контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License

Главный редактор М. Л. Белоножко

Редакторы — В. И. Карашлийска, Н. В. Шуваева

Адрес редакции: **625027, Тюменская область, г. Тюмень, ул. Киевская, 52, к. 306**
Тел./факс: **8 (3452) 28-30-76, <http://www.sep-tyuiu.ru>**
E-mail: **belonozhkoml@tyuiu.ru**

**Включен в перечень ВАК Министерства науки и высшего образования РФ
ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, индексируется в РИНЦ**

PROCEEDINGS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS. SOCIOLOGY. ECONOMICS. POLITICS

Published by Industrial University of Tyumen, Since 2002
In 2008 the Journal "Regional Social Processes" changed the title to "Proceedings from higher
educational institutions. Sociology. Economics. Politics"

**Registration number of PI № FS 77–89190 dated March 17, 2025
Issued by the Federal Service for Supervision of Communications,
Information Technology, and Mass Media (Roskomnadzor)**

Founder:
**Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
"Industrial University of Tyumen"**

Publisher: **Industrial University of Tyumen,
625000, Tyumen, 38, Volodarskogo St., +7(3452)28-35-91**

Frequency: 4 times a year

Distribution: content is distributed under
Creative Commons Attribution 4.0 License

Editor-in-Chief M. L. Belonozhko

Editors — V. I. Karashliyska, N. V. Shuvaeva

Address of editorial office: **625027, Tyumen, 52 Kievskaya St., office 306**
Telephone/Fax: 8 (3452) 28-30-76, <http://www.sep-tyuiu.ru/>
E-mail: belonozhkoml@tyuiu.ru

**Included in the RF Ministry of Science and Higher Education SAC List
of leading reviewed scientific journals and publications, and in the RISC database**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор Белоножка Марина Львовна, д. с. н., профессор, зав. кафедрой маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Зам. гл. редактора Хайруллина Нурсафа Гафуровна, д. с. н., профессор кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Алексеев Александр Николаевич, д. ист. н., профессор, директор НИЦ «Алтайтану» Восточно-Казахстанского государственного университета им. Сарсена Аманжолова (Казахстан)

Барбаков Олег Михайлович, д. с. н., профессор, зав. кафедрой бизнес-информатики и математики Тюменского индустриального университета

Батырова Назыгуль Турсынхановна, к. э. н., доцент программы «Государственное управление и региональное развитие» в Высшей школе «Государственного управления и экономики», Международном казахско-турецком университете имени Ходжа Ахмеда Ясави

Гаврилюк Вера Владимировна, д. с. н., профессор, консультант кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Гасанов Эльнур Лятиф оглу, PhD (доктор философии по истории), ученый секретарь Гянджинского отделения НАН Азербайджана

Генин Влад, PhD, глава факультета бизнеса и информационных технологий университета Феникса, Кампус в мегаполисе Сан-Франциско, Силиконовая долина (США)

Голенкова Зинаида Тихоновна, д. ф. н., профессор, руководитель Научно-образовательного центра, руководитель Центра исследования социальной структуры и социального расслоения Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН

Данилов Александр Николаевич, д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Белорусского государственного университета (Белоруссия)

Докторов Борис Зусманович, д. ф. н., профессор, независимый аналитик и консультант, ассоциированный сотрудник Социологического института РАН в Санкт-Петербурге

Енгоян Ашот Пайлакович, д. полит. н., зав. кафедрой теории и истории политической науки Ереванского государственного университета (Армения)

Енсен Канат Алексеевич, к. ист. н., ведущий научный сотрудник Института истории Государственного комитета по науке Министерства образования и науки Республики Казахстан

Зборовский Гарольд Ефимович, д. ф. н., профессор кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления Уральского федерального университета им. первого Президента России Б. Н. Ельцина

Ильиных Светлана Анатольевна, д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Новосибирского государственного университета экономики и управления

Левашов Виктор Константинович, д. с. н., профессор, руководитель отдела стратегических социальных и социально-политических исследований Института социально-политических исследований РАН

Максимова Светлана Геннадьевна, д. с. н., профессор, зав. кафедрой психологии коммуникаций и психотехнологий Алтайского государственного университета

Мартынов Михаил Юрьевич, д. полит. н., профессор, зав. лабораторией социологических и правовых исследований Сургутского государственного университета

Нагымжанова Каракат Мукашовна, д. пед. н., доцент, зав. кафедрой педагогики и психологии университета Туран

Нарбут Николай Петрович, д. с. н., профессор, зав. кафедрой социологии Российского государственного университета дружбы народов

Пленкина Вера Владимировна, д. э. н., профессор, зав. кафедрой менеджмента в отраслях топливно-энергетического комплекса Тюменского индустриального университета

Рой Олег Михайлович, д. с. н., профессор, зав. кафедрой региональной экономики и управления территориями Омского государственного университета им. Ф. М. Достоевского

Сартбекова Нуржан Коодоевна, д. пед. н., доцент, зав. кафедрой философии, межкультурной коммуникации и психологии Международного университета инновационных технологий

Силин Анатолий Николаевич, д. с. н., профессор, главный научный сотрудник кафедры маркетинга и муниципального управления Тюменского индустриального университета

Тараданов Александр Ардалионович, д. с. н., профессор кафедры социальной работы и социологии Челябинского государственного университета

Укубасова Галия Сагандыковна, Доктор (PhD) экономики и бизнеса, к. э. н., Казахский университет экономики, финансов и международной торговли, ученый секретарь

Янчаркова Юлие, PhD, научный сотрудник Славянского института Академии наук Чехии (Чехия)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief Marina L. Belonozhko, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Deputy Editor-in-Chief Nursafa G. Khairullina, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Aleksander N. Alekseenko, Doctor of History, Professor, Director of NITS(SIC) "Altaytanu", East Kazakhstan State University named after Sarsen Amanzholov

Oleg M. Barbakov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Business Informatics and Mathematics, Industrial University of Tyumen

Nazygul T. Batyrova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Program "Public Administration and Regional Development" at the Higher School of Public Administration and Economics, the International Kazakh-Turkish University named after Khoja Ahmed Yasawi

Vera V. Gavriluk, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Scientific Consultant of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Elnur L. Hasanov, PhD in History, Academic Secretary of Ganja Branch of Azerbaijan National Academy of Sciences

Vlad Genin, PhD, Chair, School of Business and IT University of Phoenix, Bay Area Campus (San Francisco Silicon Valley Metropolitan Area) (USA)

Zinaida T. Golenkova, Doctor of Philosophy, Professor, Head of Scientific and Educational Center, Head of the Center for Researches of Social Structure and Social stratification, Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences

Alexander N. Danilov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Sociology Department, the Faculty of Philosophy and Social Sciences, Belarus State University (Belarus)

Boris Z. Doctorov, PhD (in Philosophy), Professor, Independent Analyst and Consultant, Associate Researcher at the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Saint-Petersburg

Ashot P. Engoyan, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of Department of Theory and History of Political Science, Yerevan State University

Kanat A. Yensenov, Candidate of Historical Sciences, Leading Researcher at the Institute of History of the State Committee for Science of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan

Garold E. Zborovsky, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Sociology and Technologies of Public and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin

Svetlana A. Iljinyh, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Sociology, Novosibirsk State University of Economics and Management

Viktor K. Levashov, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Analytical Center for Strategic Socio-Political Research, of the Institute of Socio-Political Researches of the Russian Academy of Sciences

Svetlana G. Maximova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Psychology of Communication and Psychotechnologies, Altai State University

Mikhail Yu. Martynov, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Sociological and Legal Researches, Surgut State University

Karakat M. Nagymzhanova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology, "Turan-Astana" University

Nikolai P. Narbut, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Peoples' Friendship University of Russia

Vera V. Plenkina, Doctor of Economic Sciences, Head of Department of Management in Branches of Fuel and Energy Complex, Industrial University of Tyumen

Oleg M. Roy, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chair of the Department of Regional Economy and Management of Territories, Omsk State University named after F. M. Dostoevsky

Nurzhan K. Sartbekova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy, Intercultural Communication and Psychology, International University of Innovative Technologies

Anatoliy N. Silin, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Chief Researcher of the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Aleksandr A. Taradanov, Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Chair of Social Work and Sociology, Chelyabinsk State University

Galia S. Ukubasova, Doctor (PhD) of Economics and Business, PhD in Economics, Kazakh University of Economics, Finance and International Trade, Scientific Secretary

Julie Jančárková, PhD, Researcher of the Slavic Institute of the Academy of Sciences of the Czech Republic (the Czech Republic)

СОДЕРЖАНИЕ

Гапич А. Э., Шаповалов А. В.

Легитимация и институционализация цифровых форм политической активности молодежи Северного Кавказа 7

Дроздова А. А.

Оценка межпоколенческой солидарности в российском университетском сообществе 22

Киселева А. М., Гокова О. В.

Демографическое пространство региона: управленческий подход к анализу и регулированию (на материалах Омской области) 40

Легостаева И. В., Белоножко Л. Н., Фомичев И. Ю., Толмачева С. В.

Проблемы формирования здорового образа жизни студенческой молодежи 60

Михалевич И. Я.

Перспективы развития частной медицины в условиях реформирования системы здравоохранения (социологический анализ) 79

Силин А. Н., Конев Ю. М.

Устойчивое развитие человеческого капитала в Российской Арктике 91

Танатова Д. К., Королёв И. В., Леонтьева Т. В.

Социокультурные установки и повседневные практики мужчин по сохранению здоровья 103

Фомушкин А. В.

Социально-организационные механизмы регулирования проектной деятельности 125

CONTENTS

Gapich A. E., Shapovalov A. V. Legitimization and institutionalization of digital forms of political activity of North Caucasus youth	7
Drozdova A. A. Assessment of intergenerational solidarity in the Russian university community	22
Kiseleva A. M., Gokova O. V. Governing demographic space: an analytical framework based on evidence from the Omsk region	40
Legostaeva I. V., Belonozhko L. N., Tolmacheva S. V., Fomichev I. Yu. Problems of developing a healthy lifestyle for students	60
Mikhalevich I. Y. Prospects for the development of consumption of commercial services in healthcare in the context of industry reform (sociological analysis)	79
Silin A. N., Konev Y. M. Sustainable development of human capital in the Russian Arctic	91
Tanatova D. K., Korolev I. V., Leonteva T. V. Men's health-related stereotypes as a risk factor for disease	103
Fomushkin A. V. Socio-organizational mechanisms for regulating project activities	125

Научная статья / Original research article

УДК 316.472

DOI: <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-7-21>

EDN: OQDVTD

Легитимация и институционализация цифровых форм политической активности молодежи Северного Кавказа

А. Э. Гапич*, А. В. Шаповалов

Северо-Кавказский федеральный университет, Ставрополь, Российская Федерация

*eversor@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу процессов легитимации и институционализации цифровых форм политической активности молодежи Северного Кавказа, рассматриваемых как ключевой фактор трансформации гражданского участия в условиях гибридной институциональной среды. Опираясь на результаты масштабного социологического исследования, реализованного во всех субъектах макрорегиона, авторы реконструируют сложную архитектуру политической социализации цифрового поколения. В работе эмпирически и теоретически обосновывается феномен «цифровой немоты», понимаемый как устойчивый разрыв между высокой латентной вовлеченностью в информационную повестку и низкой готовностью к открытому публичному высказыванию. Показано, что этот феномен формируется на пересечении восприятия цифровых рисков, дефицита институционально защищенных каналов артикуляции и социокультурных ограничений публичной субъектности молодежи. Особое внимание уделено верификации гипотезы о компенсаторной природе цифрового активизма, согласно которой сетевое пространство выступает альтернативным каналом сублимации гражданского запроса для социальных групп, исключенных из официальных контуров молодежной политики. Результаты исследования актуализируют необходимость пересмотра подходов к правовому регулированию цифровой среды с целью преодоления дивергенции между официальными и сетевыми треками социализации и создания условий для безопасной конвертации технологического потенциала молодежи в конструктивное гражданское сотворчество.

Благодарности: Статья выполнена в рамках реализации государственного задания FSRN-2025-0010 «Маркирование и классификация политических ориентиров молодежи Северного Кавказа в социальных медиа» при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации.

Ключевые слова: молодежь, цифровая политическая активность, легитимация, институционализация, социальные медиа, цифровая немота, компенсаторный активизм, правовое регулирование, гражданская идентичность

Для цитирования: Гапич, А. Э. Легитимация и институционализация цифровых форм политической активности молодежи Северного Кавказа / А. Э. Гапич, А. В. Шаповалов. – <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-7-21> // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2026. – № 1. – С. 7–21. – EDN: OQDVTD

Legitimization and institutionalization of digital forms of political activity of North Caucasus youth

Alexander E. Gapich*, Alexey V. Shapovalov

North Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

**alex-shapoval@yandex.ru*

Abstract. This article examines how digital forms of political activity among youth in the North Caucasus gain legitimacy and become institutionalized. It treats these processes as a key factor shaping the transformation of civic participation in a hybrid institutional environment. Drawing on a large-scale sociological study conducted across all regions of the macroregion, the authors reconstruct the complex patterns of political socialization within the digital generation. The work empirically and theoretically argues the phenomenon of “digital muteness”, which describes a stable gap between high hidden engagement with the information agenda and a low willingness to speak publicly. The authors show that this phenomenon emerges from the combined effects of perceived digital risks, a deficit of institutionally protected channels for expression, and sociocultural limitations of the public subjectivity of youth. The authors focus on the verification of the hypothesis that digital activism has a compensatory nature. Under this hypothesis, online space provides an alternative channel for expressing civic demands, especially for groups excluded from official youth policy frameworks. The results highlight the need to rethink legal regulation of the digital environment. They aim to overcome the divergence between official and online paths of socialization and creating conditions that help young people turn their technological potential into constructive civic co-creation.

Acknowledgements: The article was prepared within the framework of the implementation of state assignment FSRN-2025-0010 «Marking and classification of political orientations of North Caucasus youth in social media» with the support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation.

Keywords: intergenerational solidarity, higher education, university community, research and pedagogical staff, administrative staff, conflict

For citation: Gapich, A. E., Shapovalov, A.V. (2026). Legitimization and institutionalization of digital forms of political activity of North Caucasus youth. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (1), pp. 7-21. (In Russ.). <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-7-21>

Введение

В современной политической и правовой науке назрела необходимость концептуального переосмысления роли цифровых платформ, эволюционировавших в условиях российских реалий из простых каналов трансляции информации в самостоятельную институциональную среду. Именно в цифровой среде сегодня формируются новые нормы публичной коммуникации, механизмы признания и санкционирования, а также рамки восприятия политических процессов [1]. Социальные медиа фактически превра-

тились в пространство острой конкуренции, в котором традиционные институты социализации сталкиваются с горизонтальными сетевыми структурами и алгоритмически детерминированными формами мобилизации, фундаментально меняя архитектуру политических предпочтений молодежи.

В этой аналитической оптике исследовательский фокус закономерно смещается от фиксации статичных установок к анализу динамических процессов. Ключевым становится понимание того, как в потоке цифровых коммуникаций производятся основания допустимости политического участия и как эти эфемерные практики обретают устойчивые организационные и процедурные формы [2]. Подобный переход осуществляется через деятельность лидеров мнений, формирование новых репертуаров коллективных действий и адаптацию к инфраструктурным ограничениям самих платформ.

Особую эвристическую ценность эта проблема приобретает в контексте Северо-Кавказского макрорегиона. Здесь политические ориентации молодежи, отягощенные сложным переплетением социокультурных и этноконфессиональных идентичностей, не поддаются линейному измерению [3]. Они требуют реконструкции как многомерного феномена, собираемого по распределенным «цифровым следам», что предполагает синтез когнитивных механизмов, дискурсивных режимов и сетевой архитектуры.

Принципиально важным представляется и нормативно-правовое измерение проблемы. Институционализация цифровой активности неизбежно входит в противоречие с регулированием интернет-среды, порождая дилемму баланса между государственным императивом и сетевым саморегулированием. В отечественной юридической доктрине этот вызов осмысляется через призму пределов правового воздействия на цифровую реальность, развитие институтов информационной среды и трансформацию нормативного контура цифровой экономики [4]. Для настоящего исследования этот контекст является определяющим. Так, легитимация цифровой политики происходит не в вакууме коммуникации, а в зоне высокого напряжения на пересечении платформенных алгоритмов, практик модерации, государственных цифровых сервисов и трансформирующихся правовых ожиданий молодежи.

Таким образом, предлагаемый материал призван стать концептуальным мостом между эмпирически наблюдаемыми цифровыми практиками и теоретическим осмыслением механизмов их закрепления в устойчивые институциональные форматы. Такой подход позволяет не только диагностировать текущее состояние политической субъектности молодежи, но и интегрировать политологический анализ в широкое поле правовых и социологических дискуссий, обеспечивая результатам исследования высокую научную релевантность и прогностический потенциал.

Категории «легитимация» и «институционализация» в контексте цифровой политики используются в настоящем исследовании как взаимосвязанные, но не тождественные аналитические измерения цифровой политической активности. Бинарность этой конструкции понимается не как жесткая дихотомия и не как противопоставление

двух взаимоисключающих состояний, но как выделение двух осей анализа одного и того же процесса [5]. Первая ось связана с легитимацией и фиксирует степень нормативно-ценностного, символического и группово-коммуникативного признания тех или иных цифровых практик в качестве допустимых, оправданных и социально нормальных форм публичного действия. Вторая ось связана с институционализацией и отражает степень закрепления этих практик в устойчивых правилах, повторяющихся форматах участия, механизмах координации, сетевой саморегуляции и, в предельном случае, в формально-правовых режимах.

Подобное разграничение позволяет рассматривать легитимацию и институционализацию не как линейно следующие друг за другом стадии, а как континуум возможных сочетаний. В одних случаях легитимация действительно выступает условием последующей институционализации, когда общественно признаваемая практика постепенно получает организационное и нормативное оформление. Однако возможны и иные конфигурации. В частности, определенные формы цифровой самоорганизации могут приобретать устойчивость, повторяемость и внутренние правила координации при дефиците широкой внешней легитимации. Именно поэтому для анализа цифровой политической активности молодежи принципиально важно различать легитимированные, но слабо институционализированные практики, и, напротив, институционализирующиеся, но лишь частично легитимированные формы сетевого участия.

Для российской действительности этот дуализм приобретает особую остроту в свете динамичной трансформации правового поля. Как справедливо указывает Э. В. Талапина, интернет как объект регулирования находится в состоянии перманентного поиска баланса между государственным императивом и механизмами самоорганизации, а также между национальным суверенитетом и транснациональной природой сети [6]. Согласно концепции Т. Я. Хабриевой эта коллизия свидетельствует о становлении новой цифровой реальности, не просто дополняющей, но трансформирующей базовые социальные институты, требуя фундаментальной пересборки правовых подходов к регулированию общественных отношений [4]. Доктринальный фундамент для осмысления этих процессов заложен в трудах И. Л. Бачило, систематизировавшей развитие информационного права как ответа на вызовы технологической революции [7].

Важным понятийным узлом настоящего исследования выступает феномен «цифровой немоты», который в рамках анализа цифровой политической активности молодежи Северного Кавказа требует специальной теоретической проработки. В рабочем определении под цифровой немотой понимается не отсутствие интереса к общественно-политической повестке и не полное выпадение субъекта из цифровой коммуникации, а устойчивый разрыв между включенностью в информационное пространство и готовностью к открытому публичному высказыванию в нем. Речь идет о таком состоянии цифровой среды, при котором субъект активно потребляет политически значимую информацию, может быть включен в обсуждение на уровне наблюдения, лайков, скры-

тых реакций, локальных комментариев или закрытых коммуникационных контуров, однако избегает артикулированного, авторизованного и социально различимого публичного выражения собственной позиции.

Теоретически цифровая немота формируется на пересечении как минимум трех групп факторов. Во-первых, она представляет собой рискогенный фактор, связанный с восприятием цифровой среды как пространства потенциальной уязвимости, цифрового следа, санкций, стигматизации или небезопасности публичного высказывания. Во-вторых, структурно-институциональный фактор, выражающийся в слабой представленности понятных, социально признанных и защищенных каналов включения молодежи в публичное обсуждение общественно-политических вопросов. В-третьих, это социокультурный фактор, обусловленный спецификой нормативной среды, в которой публичная артикуляция позиции молодежью может сталкиваться с ограничениями, вытекающими из высокой значимости репутации, статусной иерархии, межпоколенческого контроля, а также повышенной чувствительности к пересечению личного, семейного и общественного измерений высказывания.

Следовательно, цифровая немота интерпретируется в статье не как индивидуально-психологическая черта и не как простая коммуникативная пассивность, а как социально производимое состояние ограниченной публичной субъектности. В ней сочетаются информированность без артикуляции, включенность без публичного авторства и наличие гражданского запроса без безопасных и легитимных каналов его выражения. Именно в таком качестве феномен цифровой немоты позволяет объяснить, почему в молодежной среде Северного Кавказа цифровая инфраструктура уже стала повседневной средой политического информирования, но еще не стала в полной мере легитимным и институционально защищенным пространством открытого гражданского высказывания.

При этом цифровая политическая активность молодежи Северного Кавказа не может интерпретироваться исключительно как результат действия универсальных платформенных или правовых механизмов. Макрорегион представляет собой внутренне неоднородное пространство, в котором общие цифровые инфраструктуры накладываются на различные режимы нормативного контроля, репутационного давления, семейной регуляции и символических ожиданий. В этой связи правовые, платформенные и социокультурные факторы цифрового участия не следует смешивать в единую причинную модель. Если правовые ограничения связаны с восприятием санкций, неопределенности и уязвимости публичного высказывания, платформенные — с архитектурой видимости, цифровым следом и алгоритмической логикой распространения контента, то культурные факторы выражаются в плотности неформального социального контроля, значимости авторитета семьи, репутационных рисках и специфике допустимых границ публичности. Для регионов Северного Кавказа такая дифференциация особенно важна, поскольку одна и та же внешне наблюдаемая практика сдержанного цифрового

поведения может иметь различную социальную природу. Так, в одних случаях она объясняется риском институционального санкционирования, в других же может быть обусловлена давлением семейно-родовых норм.

В политологическом измерении проблема усугубляется тем, что цифровые коммуникации окончательно утратили статус внешнего медиаканала и эволюционировали в самостоятельную инфраструктуру производства политического опыта. В отечественной политической науке этот сдвиг фиксируется через развитие теории политической коммуникации [8] и концептуализацию феномена цифрового гражданства [9] как новой совокупности практик потребления информации и гражданского участия. Эмпирические исследования подтверждают тезис, согласно которому социальные сети стали ключевым инструментом мобилизации, способным структурировать коллективные действия через механизмы символической координации.

Несмотря на обилие исследований цифрового активизма, в научном поле по-прежнему остается существенный пробел. Современному дискурсу недостает работ, способных свести в единую аналитическую модель связь между микропрактиками сетевого поведения и макроуровнем правового регулирования, а также понимание легитимации не как разрешения «сверху», а как процесса внутреннего вызревания нормы участия. Кроме того, весьма актуальным представляется и учет уникального контекста Северного Кавказа, где любые общероссийские тренды неизбежно трансформируются под влиянием сложной этнокультурной специфики.

Исходя из этого, цель настоящей статьи заключается в реконструкции механизмов легитимации и институционализации цифровой политической активности молодежи Северного Кавказа. Исследование призвано продемонстрировать, каким образом когнитивные установки и медиапрактики нового поколения интегрируются в дискурсивные стратегии нормализации участия и адаптируются к меняющимся институционально-правовым рамкам цифровой публичности. Политологическая суть проблемы кроется в изменении статуса цифровых коммуникаций. Они перестали быть внешней надстройкой над политикой и превратились в ее фундамент. Именно внутри этой цифровой инфраструктуры сегодня создается политический опыт, аккумулируется доверие и запускаются механизмы (де)легитимации.

Материалы и методы

Эмпирический фундамент работы сформирован на основе данных масштабного социологического исследования, реализованного во всех семи субъектах Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). Объектом наблюдения выступила молодежь в возрасте от 18 до 35 лет. Общий объем выборочной совокупности составил 2 356 респондентов. Распределение респондентов по СКФО следующее: Республика Дагестан — 745, Чеченская Республика — 360, Республика Ингушетия — 122, Кабардино-Балкарская Республика — 208, Карачаево-Черкесская Республика — 107, Республика Северная Осетия — Алания — 155, Ставропольский край — 659. Структура выборки

формировалась по многоступенчатой стратифицированной схеме. На первом этапе осуществлялось квотирование по субъектам СКФО на основании официальных статистических данных, на втором — стратификация по полу и возрастным группам, обеспечив сопоставимость региональных сегментов и репрезентативность по ключевым социально-демографическим параметрам.

Сбор первичной социологической информации выполнялся посредством технологии веб-анкетирования CAWI на базе платформы «Анкетолог». Процедура верификации данных носила многоступенчатый характер. Валидность инструментария подтверждена на этапе предварительного пилотажа с использованием фокус-групп, а чистота итогового массива обеспечивалась алгоритмами логического контроля и жесткой фильтрацией анкет с признаками формального заполнения. Реализованный методологический дизайн позволил сформировать надежную доказательную базу, необходимую для корректной классификации латентных политических ориентиров молодежи региона.

Вместе с тем подобный дизайн исследования имеет и некоторые селективные ограничения. В исследование с большей вероятностью попадали молодые люди, обладающие устойчивым доступом к интернету, смартфону и цифровым сервисам, а также минимальной готовностью к прохождению онлайн-анкет. Поэтому молодежь с низким уровнем цифровой вовлеченности, прежде всего, часть жителей сельских территорий, респондентов из малообеспеченных домохозяйств, а также молодых людей с ограниченным и нестабильным интернет-доступом потенциально могла быть представлена в массиве слабее, чем более подключенные группы. Это обстоятельство не отменяет аналитической значимости полученных результатов, однако требует интерпретировать их, прежде всего, как описание политико-коммуникативных установок молодежи, реально включенной в цифровую инфраструктуру макрорегиона.

Существенным ограничением исследования является и то, что при охвате всех семи субъектов СКФО округа анализ в настоящей статье реализован преимущественно на макрорегиональном уровне. Хотя такой подход помогает выявить общие закономерности цифровой политической активности молодежи, он не позволяет в полной мере увидеть различия внутри отдельного региона. Подобная внутренняя неоднородность зависит от этнического и религиозного состава, силы традиционных устоев, специфики местной политики и устройства институтов социализации. Вследствие этого феномены цифровой немоты, компенсаторного цифрового участия и гендерной асимметрии в статье интерпретируются как общие паттерны, тогда как их конкретные механизмы в различных субъектах СКФО могут существенно различаться и требуют отдельного сравнительного анализа.

Результаты и обсуждение

Итак, социологический анализ, базирующийся на масштабном массиве данных, фиксирует в молодежной среде макрорегиона высокий уровень декларативной включенности в публично-политический контур. Вербальная артикуляция интереса к поли-

тике характерна для 57,5 % респондентов, в то время как субъективная самоидентификация с активной гражданской позицией достигает еще более внушительных показателей и составляет 70,1 %.

На уровне поведенческих практик эти нормативные установки конвертируются в реальные формы институционального участия. Так, 47,6 % опрошенных имеют опыт добровольческой деятельности, а 41,6 % респондентов интегрированы в экосистему молодежной политики (форумы, конкурсы, слеты). Эти параметры выполняют критически важную методологическую функцию, а именно — маркируют предел насыщения потенциальной институционализации, позволяя четко дифференцировать символическое согласие с нормой гражданственности и актуальные репертуары социального действия.

В теоретическом измерении выявленная конфигурация подтверждает классическую политологическую модель публичной политики как системы двусторонних коммуникаций в диаде «власть — общество», обеспечивающих гомеостазис политической системы через механизмы обратной связи [10]. Однако цифровая трансформация фундаментально перестраивает эту архитектуру. Онлайн-платформы эволюционируют из технических каналов передачи информации в пространство конкурентного политического позиционирования и фабрикации идентичностей. В этой новой среде традиционные институты социализации вынуждены вступать в соперничество с горизонтальными сетевыми альянсами и формами мобилизации, детерминированными алгоритмическими механиками.

Медиаландшафт респондентов характеризуется выраженной платформенной доминантой. Безусловным лидером выступает Telegram (80,0 %), существенно опережающий социальные сети (55,0 %) и традиционные новостные сайты (35,0 %). Показательно, что телевидение (30,0 %) здесь оказывается в одном ряду с развлекательным сегментом TikTok (30,0 %), утрачивая статус монопольного источника. Принципиально важным маркером цифровой компетентности и стремления к информационной автономии является тотальная распространенность инструментов обхода блокировок. Так, 94,4 % респондентов подтверждают использование VPN-сервисов или прокси-технологий, что свидетельствует о формировании навыков существования в условиях регуляторных ограничений.

Проведенный анализ фиксирует фундаментальное противоречие, согласно которому цифровое пространство воспринимается молодежью как безальтернативная инфраструктура информированности, но одновременно и как зона высокого социального и правового риска. Восприятие угрозы носит системообразующий характер. Лишь 11,1 % опрошенных считают онлайн-обсуждение общественно-политических тем безопасным для себя, тогда как 38,9 % квалифицируют его как угрозу, а половина респондентов (50,0 %) занимает выжидательную нейтральную позицию. Следствием этой презумпции опасности становится низкая легитимация собственного высказывания. Даже в условиях мягкой анонимизации готовность выразить свою позицию демонстрируют

лишь 5,6 % респондентов, в то время как 44,4 % заявляют о прямой неготовности.

Сложившаяся ситуация «цифровой немоты» находит объяснение в плоскости правовой теории. В условиях цифровой реальности правовой режим неизбежно сталкивается с дилеммой балансировки свободы коммуникации и императивов безопасности. Как отмечается в современной юридической доктрине, интернет-регулирование представляет собой сложный гибрид государственного принуждения и саморегулирования [11]. В логике информационного права цифровая среда формирует особый тип общественных отношений, требующий высокой правовой определенности [12]. Именно дефицит внятных нормативных границ, усиливаемый репрессивными ожиданиями аудитории, блокирует легитимацию публичной активности и вынуждает молодежь прибегать к стратегиям защитного самоограничения.

Судя по данным исследования, фиксируемая повседневная микроактивность остается заметной, поскольку за контрольную неделю ровно половина респондентов ставила лайки под общественно-политическим контентом, а треть оставляла комментарии. При этом переход к сопряженным с публичной ответственностью сильным формам участия происходит гораздо сложнее, так как опыт репостинга имеют лишь 16,7 % опрошенных, а созданием собственного контента занимались 33,3 % респондентов.

Важным эмпирическим открытием исследования стала фиксация обратной зависимости между уровнем институциональной инкорпорации и интенсивностью цифровой артикуляции проблем. Анализ основного массива выявил нетривиальную закономерность, согласно которой практики гражданского онлайн-реагирования статистически достоверно доминируют в среде с пониженной институциональной вовлеченностью.

Выявленная диспропорция наиболее рельефно проявляется в сегменте событийной активности, где молодежь, дистанцированная от официальных мероприятий, прибегает к инструментам цифровой артикуляции в полтора раза интенсивнее своих институционализированных сверстников (15,1 % и 10,4 % соответственно). Еще более глубокий онтологический разрыв обнаруживается на уровне самоидентификации, порождая феномен скрытого активизма, при котором респонденты, отрицающие наличие у себя активной гражданской позиции, де-факто демонстрируют существенно более высокую цифровую реактивность (16,3 %), нежели те, кто декларативно утверждает свою гражданскую субъектность (11,9 %). Дополняет этот портрет гендерная асимметрия цифрового поля, маркирующая практики полемического участия как имеющие выраженно маскулинный характер с показателями 15,2 % у мужчин против 12,1 % у женщин.

Зафиксированная гендерная асимметрия требует, однако, более осторожной интерпретации. Более высокая представленность мужчин в полемических и публично-артикуляционных цифровых практиках не должна автоматически трактоваться как свидетельство преимущественно маскулинной привлекательности соответствующего контента. В условиях Северного Кавказа это различие может быть связано и со структурно неравномерным распределением допустимости публичного участия. Для части моло-

дых женщин цифровая артикуляция позиции потенциально сопряжена с более высокими репутационными издержками, усиленным семейным контролем и более жесткими санкциями за выход в публичность. Следовательно, гендерный разрыв в цифровой политической активности следует интерпретировать не только как характеристику медийного спроса, но и как индикатор асимметрии условий публичного самовыражения, укорененной в регионально специфической конфигурации социальных норм.

В плоскости теоретической интерпретации эти данные служат доказательством гипотезы о компенсаторной сущности цифрового активизма, превращающего сетевое пространство в альтернативный и ресурсно доступный механизм сублимации гражданского запроса для исключенных из формальных практик сегментов молодежи макрорегиона. Это обстоятельство позволяет постулировать отсутствие тождества между цифровой активностью и институционализацией, поскольку онлайн-участие часто маркирует сознательное дистанцирование от официальных структур при сохранении императива публичного самовыражения. Полученный вывод органично встраивается в дискурс современных российских политологических исследований нелинейности гражданских траекторий, допускающих, что сетевые и институциональные треки могут не просто не совпадать, но и развиваться в диаметрально противоположных векторах [13].

Верификация устойчивости выявленных корреляций посредством логит-моделирования подтвердила структурную дивергенцию траекторий участия. Результаты регрессионного анализа свидетельствуют, что при прочих равных вероятность обращения к цифровой артикуляции значительно выше у мужчин (отношение шансов $\approx 1,30$) и ниже у групп, интегрированных в волонтерство ($\approx 0,80$) и молодежную политику ($\approx 0,91$). Таким образом, институционально интегрированные группы молодежи макрорегиона реализуют свой потенциал через признанные офлайн-форматы, тогда как цифровая среда аккумулирует протестный и проблемный дискурс менее включенного большинства.

Обобщение полученных результатов открывает возможность для концептуализации процессов легитимации и институционализации цифровой политической активности молодежи Северного Кавказа как сложного и неоднородного феномена, реализующегося посредством трех взаимосвязанных механизмов.

Первым выступает инфраструктурный механизм, характеризующийся превращением цифровых платформ и мессенджеров в базовую среду доступа к политической повестке при сохранении значимой доли традиционного формата телепросмотров в массовом сегменте. Данная гибридность формирует модель двухконтурной социализации, в рамках которой легитимность цифровых практик не является априорной данностью и постоянно соотносится с конкурирующими режимами доверия к различным источникам информации.

Действие институционально-альтернативного механизма проявляется в том, что практика цифровой артикуляции проблем коррелирует не с усилением институциональной включенности, а с ее дефицитом, что находит свое подтверждение в более

низких показателях вовлеченности в волонтерство и молодежные мероприятия на фоне ослабленной самооценки гражданской позиции. Это позволяет рассматривать часть цифровой активности как функциональную альтернативу официальным форматам участия, а не как их прямое продолжение или дополнение.

Функционирование нормативно-правового механизма раскрывается через данные пилотного модуля, демонстрирующие, как субъективное восприятие небезопасности онлайн-обсуждений и низкая готовность к публичным высказываниям сдерживают переход от реактивного участия в виде лайков к публично-распространительным практикам создания контента. В юридической плоскости данная проблема перекликается с вопросами правовой определенности и поиска баланса между государственным контролем и саморегулированием, дефицит которого, согласно современной российской правовой доктрине, провоцирует эффекты самоограничения пользователей и их уход в теневые зоны коммуникации [14].

Представленный эмпирический анализ доказывает, что институционализация цифровой политической активности молодежи северокавказского макрорегиона не сводится к линейному росту онлайн-вовлеченности, а представляет собой глубокое структурное расслоение. В то время как цифровая инфраструктура массово используется для информирования и слабых форм участия, публично-артикуляционные практики остаются социально дифференцированными, а их легитимация детерминирована сложной конфигурацией институциональных альтернатив, субъективных оценок безопасности и действующих нормативно-правовых рамок.

Выводы

Осуществленное концептуальное осмысление цифровых форм политической активности молодежи Северного Кавказа позволяет интерпретировать их не как сумму разрозненных сетевых реакций, а как целостный, но внутренне противоречивый социокультурный феномен, динамика которого определяется сложным взаимодействием процессов легитимации и институционализации.

Раскрывая специфику легитимации, необходимо констатировать наличие фундаментального нормативного разрыва, проявляющегося в том, что цифровая среда, утвердившись в статусе безальтернативной инфраструктуры политического информирования, так и не обрела в массовом сознании молодежи Северного Кавказа статуса безопасного пространства для публичного действия. Это порождает феномен цифровой немоты, понимаемой как социально воспроизводимое состояние ограниченной публичной субъектности, при котором информированность и латентная включенность не переходят в открытое гражданское высказывание. Его формирование обусловлено не только доминирующей презумпцией рискогенности и дефицитом правовой определенности, но и слабостью институционально признанных каналов цифровой артикуляции, а также социокультурными ограничениями публичного самовыражения молодежи. В результате онлайн-участие часто ограничивается пассивным потреблением контента,

слабыми реакциями и стратегиями защитного самоограничения, не трансформируясь в устойчивую норму открытого гражданского действия.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о несовпадении траекторий легитимации и институционализации цифровой политической активности молодежи Северного Кавказа. Эмпирически фиксируются ситуации, при которых цифровые практики получают ограниченное признание внутри конкретных сетевых сред, но не конвертируются в общественно признанную норму публичного гражданского действия. Вместе с тем наблюдаются и обратные случаи, когда определенные формы сетевой координации, повторяющегося взаимодействия и распределения ролей уже приобретают признаки институциональной устойчивости, хотя за пределами собственных коммуникативных контуров сохраняют спорный, ограниченный или фрагментарный статус легитимности. В этом смысле институционализация не всегда является прямым следствием полной легитимации. Она может носить локальный и сегментарный характер, формируясь как внутри признанных, так и внутри еще не оформившихся режимов цифрового участия.

Анализируя траектории институционализации, следует определить их характер как преимущественно компенсаторный и альтернативный, поскольку сетевые структуры, аккумулируя социальную энергию групп, исключенных из привычных форматов, способствуют кристаллизации новых горизонтальных моделей самоорганизации. Данная теневая институционализация, развиваясь вне государственного контура и часто в противовес ему, создает условия для формирования автономных субъектов политического действия, чьи ценностные ориентиры и поведенческие паттерны остаются непрозрачными для традиционных инструментов управления.

Синтезируя эти наблюдения, можно заключить, что перспективы бесконфликтной интеграции цифровых форм политической активности молодежи северокавказского макрорегиона в правовое и общественное поле зависят от преодоления дивергенции между официальными и сетевыми треками социализации. Достижение этой цели требует создания инклюзивной экосистемы, обеспечивающей не только процедурную институционализацию новых медийных практик через понятные правовые режимы, но и их глубинную ценностную легитимацию, позволяющую молодежи Северного Кавказа конвертировать свой высокий технологический потенциал в конструктивное гражданское сотворчество без страха перед публичностью.

Вклад авторов

Ганич А. Э.: концептуализация исследования; формулирование основной идеи, гипотезы, цели и задач; разработка теоретико-методологической рамки; интерпретация результатов; подготовка и научное редактирование текста.

Шаповалов А. В.: организация и проведение эмпирического исследования; сбор, систематизация и анализ материалов; участие в разработке методологии; участие в написании статьи.

Authors' contributions

Alexander E. Gapich: conceptualization of the study; formulation of the key idea, hypothesis, aim and objectives; development of the theoretical and methodological framework; interpretation of the results; preparation and scientific editing.

Alexey V. Shapovalov: organization and implementation of the empirical study; collection, systematization and analysis of materials; participation in methodology; participation in writing.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests. The authors declare no conflicts of interest.

Список источников

1. Рыжкова, М. В., Чиков М. В. Институциональная природа цифровых платформ / М. В. Рыжкова, М. В. Чиков. – Текст : непосредственный // Вестник БГУ. Экономика и менеджмент. – 2019. – № 4. – С. 72–80.
2. Брега, А. А. Особенности легитимации политической власти в условиях становления сетевого общества / А. А. Брега. – Текст : непосредственный // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. – 2022. – № 3 (848). – С. 18–22.
3. Иванова, С. Ю., Шульга М. М., Ягьяев Э. Р. Гражданская позиция как индикатор политической социализации молодежи Северо-Кавказского федерального округа / С. Ю. Иванова, М. М. Шульга, Э. Р. Ягьяев. – Текст : непосредственный // Общество: политика, экономика, право. – 2023. – № 5 (118). – С. 14–20.
4. Хабриева, Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности / Т. Я. Хабриева. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2018. – № 9 (261). – С. 5–16.
5. Абгаджав, Д. А. Проблемы легитимизации и институционализации конфликтов в современной России / Д. А. Абгаджав. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2008. – № 4. – С. 64–70.
6. Талапина, Э. В. Сравнительное цифровое право: становление и перспективы / Э. В. Талапина. – Текст : непосредственный // Журнал российского права. – 2021. – № 9. – С. 18–32.
7. Бачило, И. Л. Понятийный аппарат информационного права и система обеспечения информационной безопасности / И. Л. Бачило. – Текст : непосредственный // Труды Института государства и права РАН. – 2016. – № 3. – С. 5–16.
8. Соловьев, А. И. Латентный функционал публичной политики / А. И. Соловьев. – Текст : непосредственный // Политическая наука. – 2022. – № 3. – С. 57–79.
9. Бродовская, Е. В. Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность / Е. В. Бродовская. – Текст : непосредственный // Власть. – 2019. – № 4. – С. 65–69.
10. Нисневич, Ю. А. Информационно-коммуникационная стабилизация политической системы / Ю. А. Нисневич. – Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2006. – № 1 (6). – С. 68–80.
11. Купцова, А. С. Правовое регулирование использования интернета вещей / А. С. Купцова. – Текст : непосредственный // Образование и право. – 2021. – № 7. – С. 225–230.

12. Институционализация цифровизации: правовые проблемы и перспективы / Н. А. Шеяфетдинова, С. С. Гостев, А. А. Ильягуева, О. В. Игнатова. – Текст : непосредственный // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 7 (223). – С. 69–72.

13. Абрамова, С. Б., Антонова, Н. Л. Вовлечение молодежи в цифровой гражданский активизм: от онлайн-столкновения к участию / С. Б. Абрамова, Н. Л. Антонова. – Текст : непосредственный // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. – 2023. – № 2. – С. 18–22

14. Зуев, С. В. Государственный контроль в цифровой среде уголовного судопроизводства / С. В. Зуев. – Текст : непосредственный // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. – 2024. – № 3. – С. 29–36.

References

1. Ryzhkova, M. V., Chikov, M. V. (2019). The institutional nature of digital platforms. Bulletin of BSU. Economics and Management, (4), pp. 72-79. (In Russ.).

2. Brega, A. A. (2022). Features of political power legitimation in the context of network society formation. Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences, (3), pp. 18-22. (In Russ.).

3. Ivanova, S. Yu., Shulga, M. M., Yagiyaev, E. R. (2023). Civic position as an indicator of political socialization of youth in the North Caucasian Federal District. Society: Politics, Economics, Law, 5(118), pp. 14-20. (In Russ.).

4. Khabrieva, T. Ya. (2018). Law facing the challenges of digital reality. Journal of Russian Law, 9(261), pp. 5-16. (In Russ.).

5. Abgadzava, D. A. (2008). Problems of legitimization and institutionalization of conflicts in modern Russia. Bulletin of Saint Petersburg University. International Relations, (4), pp. 64-70. (In Russ.).

6. Talapina, E. V. (2021). Comparative digital law: Formation and prospects. Journal of Russian Law, (9), pp. 18-32. (In Russ.).

7. Bachilo, I. L. (2016). Conceptual framework of information law and information security system. Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences], (3), pp. 5-16. (In Russ.).

8. Soloviev, A. I. (2022). Latent functionality of public policy. Political Science, (3), pp. 57-79. (In Russ.).

9. Brodovskaya, E. V. (2019). Tsifrovye grazhdane, tsifrovoe grazhdanstvo i tsifrovaia grazhdanstvennost' [Digital citizens, digital citizenship and digital civility]. Vlast' [Power], (4), pp. 65-69. (In Russ.).

10. Nisnevich, Yu. A. (2006). Information and communication stabilization of the political system. RUDN Bulletin. Series: Political Science, (1), pp. 68-80. (In Russ.).

11. Kuptsova, A. S. (2021). Legal regulation of the internet of things use. Education and Law, (7), pp. 225-230. (In Russ.).

12. Sheyafetdinova, N. A., Gostev, S. S., Ilyagueva, A. A., Ignatova, O. V. (2023). Institutionalization of digitalization: Legal problems and prospects. Law and State: Theory and Practice, 7(223), pp. 69-72. (In Russ.).

13. Abramova, S. B., Antonova, N. L. (2023). Youth engagement in digital civic activism: From online clash to participation. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, (2), pp. 18-22. (In Russ.).

14. Zuev, S. V. (2024). State control in the digital environment of criminal proceedings. *Bulletin of South Ural State University. Series: Law*, (3), pp. 29-36. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the author

Гапич Александр Эрикович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных инноваций, Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, eversor@mail.ru, ORCID: 0000-0002-9987-8600	Alexander E. Gapich, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology and Social Innovations, North Caucasus Federal University, Stavropol, eversor@mail.ru.
Шаповалов Алексей Викторович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и социальных инноваций, ФГАОУ ВО «Северо-Кавказский федеральный университет», г. Ставрополь, alex-shapoval@yandex.ru, ORCID: 0000-0001-9990-4808	Alexey V. Shapovalov Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology and Social Innovations, North Caucasus Federal University, Stavropol, alex-shapoval@yandex.ru.

Поступила в редакцию / Received 16.01.2026

Поступила после рецензирования / Revised 21.02.2026

Принята к публикации / Accepted 26.02.2026

Научная статья / Original research article

УДК 314

DOI: <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-22-39>

EDN: PQCELN

Оценка межпоколенческой солидарности в российском университетском сообществе

А. А. Дроздова

*Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Российская Федерация
a.a.kuzminchuk@urfu.ru*

Аннотация. Актуальность исследования межпоколенческой солидарности в российском университетском сообществе обусловлена комплексом внешних и внутренних вызовов: структурным кадровым кризисом, цифровой трансформацией, обостряющей межпоколенческий разрыв, и интенсивными институциональными реформами, порождающими ценностные конфликты. Цель работы — исследовать состояние межпоколенческих отношений в академической среде и выявить факторы, способствующие солидарности и провоцирующие конфликт. Ведущим методом выбрано качественное социологическое исследование на основе 41 полуструктурированного интервью с представителями вузов Уральского федерального округа. Данные исследования анализировались через призму адаптированной шестипараметрической модели Бенгтсона — Джоши. Основные результаты демонстрируют, что отношения не сводятся к дихотомии «конфликт — солидарность», а характеризуются промежуточным состоянием разобщенности и параллельного сосуществования. Консолидационным фактором выступает достаточно устойчивая функциональная солидарность (эффективная кооперация в грантовых проектах), однако дефицит консенсуальной солидарности (ценностные разрывы между поколениями) и ослабление повседневных структурных и ассоциативных связей становятся основаниями для латентного конфликта. Практическая значимость работы заключается в обосновании необходимости целенаправленных управленческих решений, таких как создание диалоговых площадок и развитие программ наставничества, для преодоления выявленных разрывов и укрепления консолидации университетского сообщества.

Благодарности: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-18-00206, URL: <https://rscf.ru/project/25-18-00206/>.

Ключевые слова: межпоколенческая солидарность, высшее образование, университетское сообщество, научно-педагогические работники, административно-управленческие работники, конфликт

Для цитирования: Дроздова, А. А. Оценка межпоколенческой солидарности в российском университетском сообществе / А. А. Дроздова. — <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-22-39> // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2026. — № 1. — С. 22–39. — EDN: PQCELN

Assessment of intergenerational solidarity in the Russian university community

Anna A. Drozdova

Ural Federal University named after B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation
a.a.kuzminchuk@urfu.ru

Abstract. The relevance of a study of intergenerational solidarity in the Russian university community stems from a set of multiple external and internal challenges. These challenges include a structural staffing crisis, digital transformation that deepens generational gaps, and intensive institutional reforms that generate value conflicts. This article aims to explore the current state of intergenerational relations in academia and to identify factors that foster solidarity and provoke conflict. The author uses the qualitative sociological research based on 41 semi-structured interviews with representatives of universities in the Ural Federal District as the leading method. The analysis of research data applies an adapted six-parameter model developed by Bengtson and Joshi. The key results show that intergenerational relations do not fit a “conflict — solidarity” dichotomy. Instead, they reflect an intermediate condition of disagreement and parallel coexistence. The results indicate that relatively stable functional solidarity (effective cooperation in grant-funded projects) acts as a consolidating factor. At the same time, a deficit of consensual solidarity (value gaps between generations) and a weakening of everyday structural and associative ties become the foundation for latent conflict. The practical significance of this article consists in to justify the necessity of targeted management decisions, including the creation of dialogue platforms and the development of mentoring programs, to bridge these gaps and strengthen consolidation within the university community.

Acknowledgements: The study was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 25-18-00206. URL: <https://rscf.ru/project/25-18-00206/>.

Keywords: intergenerational solidarity, higher education, university community, research and pedagogical staff, administrative staff, conflict

For citation: Drozdova, A. A. (2026). Assessment of intergenerational solidarity in the Russian university community. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (1), pp. 22-39. (In Russ.). <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-22-39>

Введение

Актуальность изучения межпоколенческой солидарности в российском академическом сообществе обусловлена комплексом внешних и внутренних вызовов, создающих уникальное поле для социологического анализа.

Во-первых, кадровый кризис в российской науке. В соответствии с данными статистического сборника «Индикаторы науки: 2024» удельный вес исследователей в возрасте до 35 лет (включительно) составляет 32,1 %, в то время как доля ученых в возрасте 60 лет и старше не превышает 23,7 % [1]. При этом среди докторов наук доля ученых в возрасте 70 лет и старше равна 40,7 % [1]. Эта возрастная диспропорция создает структурное напряжение: с одной стороны, существует острая необходимость в притоке и удержании молодежи, с другой — риски утраты уникального научного опыта и традиций, носителями которых является старшее поколение. В этих условиях межпоколенческая солидарность становится критически важным условием развития университетов.

Во-вторых, цифровая трансформация высшего образования. Пандемия COVID-19 послужила катализатором цифровизации высшего образования. В этот период особенно остро встала проблема цифрового разрыва между поколениями. Результаты исследований показывают, что одним из значимых вызовов, с которым столкнулась российская высшая школа при тотальном переходе на дистанционное образование в условиях пандемии, выступил цифровой разрыв в цифровой культуре молодого и старшего поколения преподавателей (67 %) [2]. В условиях реализации концепции Образования 4.0 и внедрения искусственного интеллекта обозначенный разрыв может стать критическим [3]. Старшее поколение, обладающее уникальным научно-педагогическим опытом и символическим капиталом, чаще испытывает трудности с интеграцией в цифровую среду. Молодое поколение в этом отношении имеет своего рода «врожденное» преимущество и может его транслировать. Эффективная передача цифровых компетенций «снизу вверх» и методологического опыта «сверху вниз» возможна только при конструктивном межпоколенческом взаимодействии и солидарности, что делает изучение этого вопроса чрезвычайно востребованным.

В-третьих, институциональные реформы и программы поддержки университетов. В течение последних двух десятилетий российская высшая школа подвергается интенсивным институциональным преобразованиям (Проект 5-100, программа «Приоритет 2030»), которые направлены на укрепление позиций российских вузов в глобальном образовательном пространстве и достижение национальных целей развития Российской Федерации. Такого рода преобразования становятся почвой для развития ценностного конфликта между традиционной академической культурой, ориентированной на фундаментальное знание и автономию, и новой, управленческой, нацеленной на эффективность, конкурентоспособность и отчетность. И. Г. Дежина и Г. З. Ефимова, исследовавшие риски Проекта 5-100, подчеркивают, что «молодые преподаватели продемонстрировали лучшую приспособляемость к количественным показателям оценки научной работы <...>. У них отношение к новым требованиям результативности спокойнее, чем у других поколений учёных, заставших иные принципы оценки качества работы» [4]. Представители среднего и старшего поколений, обладающие устоявшимися профессиональными практиками и этическими принципами, скептически отнеслись к инициативам проекта и сложнее включались в их реализацию. Оценка межпоколенческой солидарности в контексте последствий реализованных преобразований в высшем образовании приобретает особую значимость в исследовании устойчивости вузов.

В-четвертых, ограниченность исследовательского внимания к изучению межпоколенческой солидарности в университетской среде. По ключевому слову «межпоколенческая солидарность» в электронной научной библиотеке eLibrary была найдена всего 61 публикация и лишь одна из них имела непосредственное отношение к исследованию межпоколенческой солидарности университетского сообщества. В статье историческая память о событиях Великой Отечественной войны рассматривается как

основа групповой солидарности профессионального сообщества преподавателей педагогического вуза [5]. По ключевому слову «межпоколенная солидарность» было найдено 29 публикаций, ни одна из которых не имела отношения к оценке межпоколенческих отношений образовательных общностей. Таким образом, исследования, в рамках которых применялись бы комплексные теоретические модели для анализа межпоколенческой солидарности в академической среде, крайне ограничены.

Цель статьи — оценить состояние межпоколенческих отношений внутри научно-педагогической и административно-управленческой общностей в российских вузах от солидарности до конфликта, а также выявить факторы, способствующие проявлению солидарности, и риски развития конфликтов.

Теоретико-методологические основания исследования

Межпоколенческая солидарность в российском университетском сообществе рассматривается нами в контексте концепции поколенческих взаимодействий в вузе [6–8]. Обозначив ключевые теоретические положения этой концепции в предыдущих работах, в статье мы, руководствуясь эмпирическими данными, обращаемся к характеристике межпоколенческой солидарности как одного из ее содержательных структурных элементов.

Актуальность изучения межпоколенческой солидарности в академической среде обусловлена ее ролью в обеспечении устойчивости социальных систем в условиях трансформаций. Однако несмотря на то, что именно солидарность обеспечивает стабильность социальной системы и является неперенным условием социального обновления, в современной российской социологии преобладает проблематика конфликта [9]. Исследователи отмечают, что работы в отечественной социологии, в которых операционализируется понятие солидарности, достаточно редки и имеют особую ценность [10].

Концепции феномена социальной солидарности в отечественной и зарубежной социологии подробно рассматриваются в статье О. А. Кармадонова. В работе предлагается авторская модель «потокковой» консолидации, согласно которой существует два вектора социальной солидарности — вертикальный (макросоциальный — со стороны правящей группы, озабоченной прежде всего солидарностью общего, социетального порядка) и горизонтальный (микросоциальный — со стороны социальных сообществ первичного уровня, в которых проходят социализация и жизнь индивидов: семья, организационно-профессиональные и территориальные группы) [11]. В университетском сообществе как организационно-профессиональной группе социальная солидарность реализуется в горизонтальном векторе, в рамках которого поток консолидации совершает круговорот внутри сообщества и между однопорядковыми сообществами. Кармадонов подчеркивает, что горизонтальный вектор более устойчив, профессиональная группа и семья выступают «последними бастионами солидарности» [11]. Однако горизонтальный вектор социальной консолидации может ослабевать в силу «разрушения ядра общей культуры, уничтожения исторической памяти, обесмысливания

профессиональной деятельности, размывания социальных идентичностей, релятивизации конструктивных ценностей и норм и крайней степени индивидуализации» [11]. С этой точки зрения крайне важно оценивать солидарность в такого рода группах, чтобы диагностировать тенденции ослабления горизонтального потока.

Как в отечественной, так и в зарубежной литературе одним из ключевых объектов исследования при изучении межпоколенческой солидарности выступает семья, семейные отношения. Концепция межпоколенных трансфертов, интерпретирующая обмен между поколениями как фундаментальный процесс, лежащий в основе семейной солидарности, служит одним из методологических оснований исследования проблем взаимоотношений разных поколений в семье [12]. В рамках этого подхода изучаются две основные формы солидарности — материальная (деньги, подарки, неоплачиваемый труд) и моральная (поддержка, уход) [13, 14]. Однако для изучения межпоколенческой солидарности в университетском сообществе требуется иной, более релевантный методологический инструментарий.

Наиболее концептуально разработанной основой для такого анализа представляется многомерная модель межпоколенческой солидарности, предложенная В. Бенгтсоном и его коллегами для изучения взаимодействия поколений в семьях [15–17]. В концепции выделено 6 параметров измерения межпоколенческой солидарности внутри семьи: 1) аффективная солидарность (эмоциональные отношения, тип и степень позитивных чувств к членам семьи, а также степень взаимности этих чувств); 2) ассоциативная солидарность (частота и модели взаимодействия в различных видах деятельности, в которых участвуют члены семьи); 3) нормативная солидарность (сила приверженности выполнению семейных ролей и соблюдению семейных обязательств); 4) структурная солидарность (совместное / раздельное проживание, удаленность при раздельном проживании); 5) консенсуальная солидарность (степень согласия в отношении ценностей, взглядов и убеждений среди членов семьи); 6) функциональная солидарность (получение и предоставление материальной и психологической поддержки) [15].

Каждый из представленных параметров имеет конкретные эмпирические индикаторы, что является безусловным преимуществом рассматриваемой концепции и подтверждается ее широким применением в качестве исследовательской методологии. В труде Т. А. Гурко представлен обзор отечественных и зарубежных эмпирических исследований по каждому из 6 обозначенных параметров межпоколенческой солидарности [18]. Концепция В. Бенгтсона была использована при исследовании представлений студентов о семье в Гродненском государственном университете имени Янки Купалы [19], а также при изучении межпоколенческой солидарности между современным молодым поколением России (зумерами) и их прародителями (бумерами) [20].

Несмотря на то, что измерения межпоколенческой солидарности были разработаны в контексте многопоколенных семей, они могут быть использованы в качестве системной аналитической рамки для характеристики взаимодействия разных поколе-

ний в организационно-профессиональных и иных группах. Так, А. Джоши и ее коллегам удалось адаптировать подход В. Бенгтсона в отношении исследования межпоколенческой солидарности в организации. Вышеназванные параметры позволяют оценить, насколько рассредоточены члены организации (уровень дисперсии), представляющие несколько поколений, поощряют ли организационные практики их совместную деятельность, насколько схожи их профессиональные ценности и насколько развиты практики наставничества и поддержки [21].

В статье предлагается использовать шестигранную модель В. Бенгтсона — А. Джоши для оценки межпоколенческой солидарности в особом типе организаций, специфической организационно-профессиональной группе — российском университетском сообществе. Структурная солидарность подразумевает анализ организационно-структурных условий для взаимодействия (физическое расположение подразделений, наличие общих пространств, особенности расписания). Ассоциативная солидарность раскрывается через частоту и характер профессиональных и неформальных контактов между представителями разных поколений. Аффективная солидарность проявляется в эмоциональном климате взаимоотношений, уровне взаимного уважения, доверия и симпатии. Консенсуальная солидарность отражает степень согласия по ключевым профессиональным и организационным вопросам (ценности, цели, методы работы). Функциональная солидарность фиксирует практики взаимовыгодного обмена ресурсами, знаниями, компетенциями и поддержкой (в рамках грантов, публикационной деятельности, преподавания). Нормативная солидарность выявляет силу приверженности выполнению ролей и соблюдению обязательств и принятых норм.

Учитывая оценки по каждому из параметров, мы можем рассматривать межпоколенческие взаимодействия в университетском сообществе в широком диапазоне — от межпоколенческой солидарности, взаимопонимания, благосклонности, взаимности до конкуренции, конфликта, кризиса.

Таким образом, использование адаптированной модели Бенгтсона — Джоши позволяет преодолеть ограниченность сугубо конфликтологического подхода и провести комплексную диагностику состояния межпоколенческих отношений в академической среде. Этот подход дает возможность выявить не только зоны напряженности, но и ресурсы солидарности, обеспечивающие устойчивость университетского сообщества в условиях интенсивных институциональных трансформаций.

Материалы и методы

В статье представлены результаты исследования, проведенного в мае — июле 2025 г. Метод сбора информации — полуструктурированное интервью, сфокусированное на проблемах взаимодействия поколений в университетском сообществе. В качестве информантов выступили представители общностей научно-педагогических (НПР) и административно-управленческих работников (АУР) вузов Уральского федерального

округа (УрФО) (n = 41 чел.).

Отбор представителей НПР (n = 20 чел.) осуществлялся в соответствии с тремя критериями: работа в вузе, расположенном в регионе УрФО¹, тип вуза², дисциплинарный профиль³.

Отбор представителей АУР (n = 21 чел.) выполнялся так же по трем критериям: работа в вузе, расположенном в регионе УрФО⁴, тип вуза⁵, уровень управления⁶.

Количественные параметры выборки определялись моментом получения повторяющейся информации.

Гайд интервью включал блоки вопросов, нацеленные на выявление общих проблем межпоколенческих взаимодействий в университете (в т. ч. понимания информантами феномена университетских поколений), проблем межпоколенческих взаимодействий в общностях НПР и АУР, возможностей регулирования межпоколенческих взаимодействий в вузах.

Информантам предлагалось охарактеризовать отношения между поколениями в терминах конфликта / солидарности, привести примеры межпоколенческого консенсуса, солидарности и межпоколенческой конкуренции, конфликта.

Результаты и обсуждение

Эмпирический материал, полученный в ходе интервью с представителями научно-педагогической и административной общностей вузов УрФО, демонстрирует сложную и противоречивую картину межпоколенческих отношений, которая лишь отчасти укладывается в оппозицию «конфликт — солидарность». Анализ данных через призму 6 параметров модели Бенгтсона — Джоши позволяет выявить специфические конфигу-

¹ Количество опрошенных НПР по региону определялось количеством вузов в регионе и численностью студентов в них. Распределение информантов по регионам: Свердловская область — 9 чел., Челябинская область — 6 чел., Тюменская область — 2 чел., ХМАО — 2 чел., Курганская область — 1 чел. НПР из ЯНАО не вошли в выборку, поскольку в регионе отсутствуют самостоятельные вузы.

² Был применен стихийный гнездовой отбор вузов разных типов (с особым статусом — федеральный, национальный исследовательский, опорный университет, университет-участник программы «Приоритет 2030»; без особого статуса — остальные). Распределение информантов по типу вуза: НПР из вузов с особым статусом — 10 чел., НПР из вузов без особого статуса — 10 чел.

³ Был использован укрупненный подход к дисциплинарному профилю НПР (социально-гуманитарный и естественно-технический). Распределение информантов по дисциплинарному профилю: социально-гуманитарный — 11 чел., естественно-технический — 9 чел.

⁴ Количество опрошенных АУР по региону определялось количеством вузов в регионе и численностью студентов в них. Распределение информантов по регионам: Свердловская область — 9 чел., Челябинская область — 6 чел., Тюменская область — 2 чел., ХМАО — 2 чел., Курганская область — 2 чел. АУР из ЯНАО не вошли в выборку, поскольку в регионе отсутствуют самостоятельные вузы.

⁵ Был применен стихийный гнездовой отбор вузов разных типов (с особым статусом — федеральный, национальный исследовательский, опорный университет, университет-участник программы «Приоритет 2030»; без особого статуса — остальные). Распределение информантов по типу вуза: АУР из вузов с особым статусом — 10 чел., АУР из вузов без особого статуса — 11 чел.

⁶ Были выделены три уровня управления: высший уровень (ректор, проректор), средний (декан, директор института), низший (заведующий кафедрой). Распределение информантов по уровню управления: высший — 9 чел., средний — 6 чел., низший — 6 чел.

рации солидарности, где по одним измерениям фиксируется высокая консолидация, а по другим — выраженный дефицит.

Структурная солидарность. В качестве организационных условий взаимодействия преподавателей и административных работников в вузах информанты называли конференции, заседания методических групп, стратегические сессии и неформальные мероприятия. Оценки респондентов по этому поводу оказались противоречивыми. Одни отмечали роль таких организационных практик в солидаризации разных поколений:

«Как пример, в этом году у нас проводилась такая стратегическая сессия в вузе, где как раз-таки были представители всех поколений... И в принципе вот в рамках этой стратегической сессии мы обсуждали, какие существуют проблемы, и каждая группа выделяла эти проблемы, и мы их обсуждали. То есть в конце сессии мы приходили к какому-то единому мнению или пути решения этой проблемы» (мужчина, 38 лет, доцент).

Другие выражали ностальгию в отношении прошлого опыта, когда существовавшие корпоративные практики в полной мере являлись проявлением солидарности:

«Раньше мы каждую пятницу собирались в кабинете одного и того же проректора, планировали деятельность... Мы договаривались, кто за что отвечает, все друг другу всё рассказывали, какие проблемы, сложности... Вот это солидарность! А сейчас здесь такого нет» (мужчина, 73 года, первый заместитель проректора по науке).

Третьи подчеркивали тенденцию разобщенности в университетском сообществе, несмотря на пространственную близость, принадлежность к одному структурному подразделению, кафедре и наличие организационных условий для взаимодействия:

«Я фиксирую, что в последнее время с каждым годом на какие-то кафедральные мероприятия собрать людей сложнее и сложнее. От банального Нового года и февраля-марта до более напряженного субботника. То есть очень сильно растет разобщенность людей. Собрать людей тяжело, даже на хорошем мероприятии» (мужчина, 41 год, заведующий кафедрой).

Ассоциативная солидарность. Важно отметить тесную связь структурной и ассоциативной солидарности, поскольку пространственная близость и организационные условия для взаимодействия непосредственно влияют на частоту контактов. Ассоциативная солидарность оказывается ослабленной в повседневной рутине. Доминирующей моделью взаимодействия, особенно на уровне кафедр, становится «параллельное сосуществование», при котором коллеги, формально принадлежа к одной структурной единице, минимально взаимодействуют. Слабые межличностные связи могут свидетельствовать об оскудении горизонтального консолидационного потока в рамках университетского сообщества:

«Просто вот так люди как-то на одной территории вынуждены существовать, вот каждый как бы сам по себе, такие вот точки не взаимосвязаны. Люди, у которых из точек пересечения только то, что они одну дисциплину, например, читают. Но они даже могут не

обсуждать, каждый свое... Ну, да, для меня это параллельное сосуществование, существование не каждого, а именно сосуществование. Никто ничего вместе не делает, все за себя...» (женщина, 47 лет, доцент).

«Солидарность?! Так вот, нету ее, нету точек для коммуникации. То есть, преподаватели сегодня коммуницируют сами, с аудиторией и сами с собою» (мужчина, 41 год, заведующий кафедрой).

Аффективная солидарность. В целом представители двух образовательных общностей отмечают достаточно благоприятную эмоциональную атмосферу, «теплые», в некоторых случаях даже отеческие отношения, уважение, доверие и поддержку в коллективе.

«У нас очень хорошие отношения и со старшим поколением, и с молодым, то есть такая доверительная атмосфера царит на рабочем месте. И у нас все друг друга стараются поддерживать» (женщина, 39 лет, доцент).

«Нет такого вот... тебе что-то сказали, бросили, ты сам делаешь. Нет, все друг другу помогают, конечно, все уважают друг друга» (женщина, 25 лет, лаборант, преподаватель).

Однако прозвучали и некоторые негативные тенденции аффективного характера, связанные преимущественно с конфликтами молодого поколения со старшим, обусловленными во многом статусностью и заслугами опытных коллег:

«Вот конфликт — такое резкое слово, так скажем... Ну, не знаю... Мягкий конфликт, так назовем, да, он есть между молодым поколением и старшим поколением... Чем старше и заслуженнее человек, тем у него и более пренебрежительное отношение к молодым идет. А молодые не заслуживают такого» (мужчина, 38 лет, доцент).

Эмпирические данные свидетельствуют о схожей ситуации и в общности административных работников. Один из информантов обозначил необходимость развития эмоционального интеллекта среди коллег, описывая свой опыт становления культуры профессионального диалога в управленческих командах. Как отметил респондент, обсуждение острых вопросов (распределение финансов, изменение зон ответственности) часто приводило к их «переводу в личностную плоскость», когда вместо содержательной аргументации доминировали обиды и недоговоренности. Этот пример демонстрирует, каким образом снижение аффективной солидарности становится барьером в достижении управленческого консенсуса.

Обозначенная негативная тенденция не носит массового характера и во многом может быть связана с личностными особенностями конкретных представителей старшего поколения, однако в условиях реализуемой политики омоложения кадров в российских университетах возможно нарастание напряжения по данному показателю.

Консенсуальная солидарность. Позиции информантов по этому параметру оказались крайне противоречивыми. С одной стороны, представители административного персонала отмечали, что среди управленцев в целом наблюдается консенсус в отноше-

нии предпринимаемых управленческих решений. Представители преподавательского корпуса подчеркивали общность позиций в отношении методических вопросов (содержания рабочих программ дисциплин, выпускной квалификационной работы) и во взаимодействии с административными структурами:

«У нас в этом сентябре было заседание о том, какая должна быть выпускная квалификационная работа у магистров. Версии у всех высказаны, все пришли почти к единому мнению» (мужчина, 38 лет, доцент).

«Но вот мы выступали солидарно несколько лет назад, когда настаивали именно перед нашей администрацией на необходимости обновления оборудования на нашей кафедре. Вот там как-то мы все дружно выступили...» (женщина, 63 года, профессор).

С другой стороны, именно по данному параметру были зафиксированы наиболее острые противоречия и конфликты, возникающие на почве отсутствия консенсуса в первую очередь между старшим и молодым поколениями. Представители управленческого корпуса подчеркивали категоричность старшего поколения в отстаивании своей позиции, их неготовность идти на компромисс, несерьезное отношение к предлагаемым молодыми коллегами идеям в силу своей устоявшейся системы убеждений и представлений о том, как все должно быть организовано:

«Ну, вот между старшим и молодым иногда до конфликтов, да. То есть я говорю, что они, как правило, не договариваются, то есть они [старшее поколение] не гибкие...» (женщина, 51 год, заведующая кафедрой).

«Но бывает, в силу прямо возрастных обстоятельств старшее поколение, бывает, очень основательно требует свое. Этот фактор имеет место быть» (женщина, 35 лет, заместитель директора по науке и инновациям).

Представители общности преподавателей отмечали существенную разницу во взглядах, ценностях, восприятии инноваций, отношении к труду и подходах в работе со студентами между старшим и молодым поколениями. По мнению респондентов, кооперация в сфере инноваций формируется преимущественно между молодым и средним поколениями, в то время как взаимодействие со старшими коллегами в академических вопросах часто характеризуется конфликтностью и отсутствием точек соприкосновения:

«Но безусловно, конфликты тоже есть, и они тоже связаны, наверное, все-таки с различием вот этих восприятий между поколениями. Мне кажется, в основном они связаны с тем, что старшее поколение конфликтует с молодым поколением, не со средним, потому что им кажется, что молодежь не очень интенсивно работает. Люди как бы не очень вот прям рвутся брать на себя какие-то [обязанности] и не проявляют активно какую-то инициативу» (женщина, 47 лет, доцент).

Полная консенсуальная солидарность не характерна и для общности управленцев. Информанты высказывались о несовпадении управленческих парадигм молодых и опытных администраторов, отсутствии общего видения и консолидации среди управленцев разных функциональных областей, а также о проблеме отстаивания своих пози-

ций молодым поколением в условиях количественного превосходства представителей старшего поколения:

«И какой-то, так сказать, общей политики группы проректоров, вот когда они друг с другом обо всем все договорились, такая, как Вы говорите, полная солидарность, нет, каждый своей сферой деятельности больше занимается...» (мужчина, 73 года, первый заместитель проректора по науке).

«Я думаю, что это не конфликт, мы пришли, конечно, к консенсусу, но просто из-за численного превосходства представителей старшего поколения в управлении, потому что спорить с ними, ну как бы, абсолютно бесполезно» (женщина, 48 лет, проректор по молодежной политике и воспитательной работе).

Высказывания информантов о существующих разногласиях по значимым профессиональным аспектам между поколениями свидетельствуют о дефиците консенсусальной солидарности, что провоцирует развитие латентных и открытых конфликтов, а также может указывать на глубокие системные проблемы, связанные с разрушением ядра общей профессиональной культуры.

Функциональная солидарность — наиболее сильное и устойчивое измерение, один из значимых факторов усиления консолидации. Наиболее показательным примером проявления функциональной солидарности выступает реализация грантовых проектов. Информанты подчеркивали отсутствие конфликтов в таких коллективах, эмоциональную поддержку, значимость обмена компетенциями и идеями, высокий уровень мотивации участников, четкость в распределении обязанностей:

«Вот сколько работаю, я не наблюдала конфликтов внутри этих грантовых групп. То есть там, как правило, царит вот как раз порядок, договоренность, понимание задач своих, потому что у всех есть понимание, зачем это, достаточно мотивации» (женщина, 53 года, доцент).

Анализ выявил, что эффективная функциональная солидарность в межпоколенческих научных коллективах обеспечивается не только взаимовыгодным инструментальным, но и эмоционально-психологическим обменом. В качестве примера инструментального обмена можно рассматривать практику взаимовыгодной солидарности, основанную на обмене ресурсами для преодоления существующих институциональных барьеров. Как отметил один из информантов, в ситуациях, когда молодой исследователь сталкивается с рисками срыва отчетности по гранту / стипендии, связанными с достаточно длительным процессом публикации результатов, старшие коллеги готовы оказать поддержку — включить его в качестве соавтора в свои статьи с учетом даже минимального участия в обмен на его помощь в решении своих текущих задач, что позволяет выполнить формальные требования. Безусловно, рассмотренный пример не является общей практикой и во многом обусловлен личными качествами опытных коллег, однако он ярко демонстрирует проявление солидарности сообщества перед возникающими внешними трудностями. Взаимовыгодный обмен происходит и в обратном

направлении — от среднего и молодого поколений к старшему. Например, среднее поколение старается компенсировать повышенную тревожность старших коллег, связанную с административной отчетностью, выполняя функции эмоциональной поддержки и создания своеобразного «буфера надежности», что является неформальным, но важным вкладом в общий успех грантового проекта.

Нормативная солидарность выражается в артикуляции информантами приверженности старшего и молодого поколений выполнению ключевых ролей — передавать и перенимать опыт, соответственно:

«Это задача, которая стоит между последующим поколением и предыдущим — этот опыт перенимать. Главная задача вуза — создать инструменты для этого» (мужчина, 43 года, первый проректор).

«Люди старшего поколения — сейчас те люди старшего поколения, которые понимают, что надо передавать опыт и что надо возвращать поколение новое, они стараются свой опыт передать» (мужчина, 38 лет, заведующий лабораторией).

Однако информанты отмечали и другие примеры отрицания обозначенной роли, когда представители старшего поколения сознательно ограничивают передачу знаний и опыта из-за опасений преждевременного вытеснения с позиций. Подобные стратегии, направленные на сохранение статуса, приводят к ситуации «выжженного поля» — уходу сотрудников без обеспечения преемственности, что наносит долгосрочный ущерб научным школам и кадровому потенциалу университета.

Кроме этого, вовлечение старшего поколения в реализацию каких-либо обязательств вызывает сопротивление с их стороны, которое становится основанием для развития конфликтов и разобщения:

«Я бы не сказала, что есть какой-то конфликт. Я бы сказала, что, наверно, есть нежелание, это не конфликт, это просто отказ, категорический отказ [старшего поколения]. Я не буду этого делать, да, и всё!» (женщина, 45 лет, заведующий кафедрой).

Исследование выявило специфическую форму сопротивления изменениям, которую респонденты характеризуют не как открытый конфликт, а как «пассивный конфликт» или «категорический отказ». Эта практика, наиболее характерная для старшего поколения, проявляется в демонстративном нежелании участвовать в новых инициативах. Со стороны молодых коллег это порождает вынужденную тактику адаптации, сочетающую формальное уважение к статусу старших с параллельным продолжением собственной деятельности в расчете на их последующее вынужденное согласие. Эта динамика усугубляется отсутствием в университетах формальных механизмов вовлечения или воздействия в подобных ситуациях.

Обобщая рассмотренные выше параметры межпоколенческой солидарности, говорить о кризисе или открытом конфликте, противостоянии в университетском сообществе нет оснований. Значимым консолидационным фактором выступает функцио-

нальная солидарность, особенно ярко проявляющаяся в рамках реализации грантовых проектов. Однако в отношении других направлений деятельности представителей образовательных общностей функциональная солидарность не была так явно артикулирована. Кроме того, высказанная информантами тенденция нарастания разобщенности вполне может характеризовать взаимоотношения и между разными грантовыми коллективами (однопорядковыми сообществами), что не способствует общей консолидации.

Внешние вызовы, критически важные для устойчивого функционирования университетов, административные задачи также выступают консолидационным фактором, способствующим проявлению солидарности и формирующим своеобразные «острова солидарности» для достижения конкретных целей (аккредитация, участие в программе «Приоритет 2030»):

«У нас есть программа "Приоритет", там через месяц надо уже программу представить, формируется команда, как правило, состоящая из участников разных поколений. И буквально там за неделю, за две недели формируются жизнеспособные программы работы» (мужчина, 50 лет, директор института).

Однако это свидетельствует о ситуативном характере межпоколенческой солидарности в современном российском университете. Академическое сообщество демонстрирует высокую способность к мобилизации и функциональной кооперации для достижения конкретных целей. При этом дефицит консенсуальной солидарности и ослабление повседневной (структурной и ассоциативной) создают среду для роста напряженности, развития конфликтов, ограничивая потенциал университета к устойчивому и согласованному развитию. Это подтверждают собранные эмпирические данные, высказывания информантов о наличии латентного, «пассивного», «мягкого» конфликта в первую очередь между старшим и молодым поколениями:

«Вот поэтому, скажем, открытого конфликта у нас нет, но другое дело, что конфликт, конечно, он скрытый, латентный присутствует» (мужчина, 55 лет, заведующий кафедрой).

Описанная ситуация межпоколенческих отношений в университетском сообществе не позволяла информантам оценить ее однозначно как конфликт или солидарность. Классическая дихотомия оказалась недостаточной для описания реальности. Значительная доля респондентов описывала существующие отношения как нечто промежуточное, параллельное, инерционное, разобщенное сосуществование без ярких проявлений как конфликта, так и солидарности:

«Третьего термина нет? Какое-нибудь параллельное сосуществование, я бы так это назвала» (женщина, 47 лет, доцент).

«Я бы ввел для вас третью категорию. Разобщенность» (мужчина, 41 год, заведующий кафедрой).

«Если честно, мне кажется, что у нас какое-то не то, не то вообще...» (женщина, 32 года, доцент).

«Не наблюдаю конфликта или явной солидарности. Скорее инерция или профессиональная дружба» (женщина, 67 лет, профессор).

«Ну, про конфликт я бы не говорил вообще. И насчет какой-то большой солидарности я бы тоже не стал думать» (мужчина, 73 года, первый заместитель проректора по науке).

С нашей точки зрения, текущая оценка межпоколенческой солидарности имеет критически важное значение, поскольку ее промежуточный характер дает возможность предпринять необходимые управленческие решения для достижения консенсуса, укрепления структурной и ассоциативной солидарности.

Выводы

Проведенное исследование позволило выявить сложную, многомерную природу межпоколенческих отношений в российском университетском сообществе. Анализ эмпирических данных через призму шестипараметрической модели Бенгтсона — Джоши показал, что эти отношения не укладываются в дихотомию «конфликт – солидарность», а характеризуются промежуточным состоянием разобщенности и параллельного сосуществования. Наиболее серьезным вызовом является дефицит консенсуальной солидарности, проявляющийся в ценностных разрывах между поколениями, что порождает латентные конфликты.

Для укрепления межпоколенческих связей необходимы целенаправленные организационные решения: создание постоянных площадок для диалога, внедрение прозрачных механизмов участия молодежи в принятии решений, развитие программ взаимного наставничества. Эти меры помогут преодолеть выявленные ценностные разрывы.

Перспективными направлениями для дальнейшего изучения представляются количественная верификация полученных результатов, а также расширение объекта анализа за счет включения в него общности студентов для представления целостной картины межпоколенческих отношений в университетском сообществе. Кроме того, отдельного внимания исследователей заслуживает среднее поколение в университетах как наиболее сложное и значимое с точки зрения реализуемых функций.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests. The author declares no conflicts of interest.

Список источников

1. Индикаторы науки: 2024 : статистический сборник / Л. М. Гохберг, К. А. Дитковский, М. Н. Коцемир [и др.]. – Москва: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 412 с. – Текст : непосредственный.
2. Грунт, Е. В. Дистанционное образование в условиях пандемии: новые вызовы российскому высшему образованию / Е. В. Грунт, Е. А. Беляева, С. Лисситса. – <https://doi.org/10.32744/pse.2020.5.3>. – Текст : непосредственный // Перспективы науки и образования. – 2020. – № 5 (47). – С. 45–58.
3. Абрамовский, А. Л. Образование 4.0 в информационном обществе: возможности, технологии и компоненты, риски и вызовы / А. Л. Абрамовский, Д. А. Абрамовский, М. Л. Белоножко. – <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2025-2-7-20>. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2025. – № 2. – С. 7–20.
4. Дежина, И. Г. Риски Проекта 5-100: оценки научно-педагогических работников различных поколений / И. Г. Дежина, Г. З. Ефимова. – <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-3-28-39>. – Текст : непосредственный // Высшее образование в России. – 2022. – Т. 31, № 3. – С. 28–39.
5. Чуркина, Н. И. Историческая память в развитии групповой солидарности современных поколений преподавателей вуза / Н. И. Чуркина. – <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2025-11078>. – Текст : непосредственный // Научно-методический электронный журнал «Концепт». – 2025. – № 5. – С. 17–28.
6. Зборовский, Г. Е. Концепция поколенческих взаимодействий в вузе: критический анализ отечественных и зарубежных теоретико-методологических подходов / Г. Е. Зборовский, А. А. Дроздова, Е. В. Кеммет. – <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-10-27-46>. – Текст : непосредственный // Высшее образование в России. – 2025. – Т. 34, № 10. – С. 27–46.
7. Зборовский, Г. Е. Поколения образовательных общностей вузов: социологическая интерпретация феномена / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова. – <https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.3.6>. – Текст : непосредственный // Социологический журнал. – 2025. – Т. 31, № 3. – С. 100–119.
8. Поколенческие взаимодействия образовательных общностей в российских вузах: предметное поле исследований / Г. Е. Зборовский, П. А. Амбарова, Н. Б. Костина, Д. Ю. Нархов. – <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-743-761>. – Текст : непосредственный // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2025. – Т. 25, № 3. – С. 743–761.
9. Гаврилюк, В. В. Справедливость и солидарность в представлениях рабочей молодежи сервисных отраслей / В. В. Гаврилюк. – <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2022-6-1-33-43>. – Текст : непосредственный // Siberian Socium. – 2022. – Т. 6, № 1 (19). – С. 33–43.
10. Адерихин, В. С. Диалог поколений в современном обществе: возможности теоретического конструирования / В. С. Адерихин. – Текст : непосредственный // Социально-гуманитарные знания. – 2013. – № 7. – С. 156–165.
11. Кармадонов, О. А. Солидарность, интеграция, конъюнкция / О. А. Кармадонов. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2015. – № 2. – С. 3–12.
12. Миронова, А. А. Родственная межпоколенная солидарность в России / А. А. Миронова. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2014. – № 10. – С. 136–142.
13. Нагматуллина, Л. К. Межпоколенческая солидарность как фактор стабильности со-

временной семьи / Л. К. Нагматуллина, А. Р. Ахметгалиева, О. А. Максимова. – Текст : непосредственный // Вестник экономики, права и социологии. – 2017. – № 4. – С. 299–305.

14. Галиндабаева, В. В. Трудовые мигрантки: межпоколенческие отношения в семьях сельских мигрантов в Бурятии / В. В. Галиндабаева. – Текст : непосредственный // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2014. – № 1 (25). – С. 31–41.

15. Bengtson, V. L. Intergenerational Solidarity in Aging Families: An Example of Formal Theory Construction / V. L. Bengtson, R.E.L. Roberts. – Text: direct // Journal of Marriage and Family. – 1991. – Vol. 53, Issue 4. – P. 856–870.

16. Bengtson, V. L. Beyond the Nuclear Family: The Increasing Importance of Multigenerational Bonds: the Burgess Award Lecture / V. L. Bengtson. – Text: direct // Journal of Marriage and Family. – 2001. – Vol. 63, Issue 1. – P. 1–16.

17. Solidarity, conflict, and ambivalence: complementary or competing perspectives on intergenerational relationships? / V. Bengtson, R. Giarrusso, J. B. Mabry, M. Silverstein. – Text: direct // Journal of Marriage and Family. – 2002. – Issue 64. – P. 568–576.

18. Гурко, Т. А. Взаимоотношения родителей и взрослых детей: понятия для анализа / Т. А. Гурко. – <https://doi.org/10.31857/S013216250009614-8>. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2020. – № 12. – С. 105–115.

19. Щербинин, С. Н. Представления студентов о семье в категориях межпоколенческой солидарности / С. Н. Щербинин, Н. С. Таразевич. – Текст : непосредственный. // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 5. Экономика. Социология. Биология. – 2023. – Т. 13, № 1. – С. 84–90.

20. Парфенова, О. А. Зумеры и бумеры: межпоколенная солидарность в современном российском обществе / О. А. Парфенова, И. С. Петухова. – <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2024-30-3-231-253>. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2024. – Т. 30, № 3. – С. 231–253.

21. Joshi, A. Generations in organizations / A. Joshi, J. C. Dencker, G. Franz. – Text: direct // Research in Organizational Behavior. – 2011. – Vol. 31. – P. 177–205.

References

1. Gokhberg, L. M., Ditkovsky, K. A., & Kotsemir, M. N., et al. (Eds.). (2024). *Indicator nauki: 2024: statisticheskiy sbornik* [Science and technology indicators: 2024: Statistical yearbook]. Moscow, HSE University Publ., 412p. (In Russ.).

2. Grunt, E. V., Belyaeva, E. A., & Lissitsa, S. (2020). Distance education during the pandemic: new challenges to Russian higher education. *Perspectives of Science and Education*, 47 (5), pp. 45-58. (In Russ.) <https://doi.org/10.32744/pse.2020.5.3>

3. Abramovsky, A. L., Abramovsky, D. A., & Belonozhko, M. L. (2025). Education 4.0 in the information society: opportunities, technologies and components, risks and challenges. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (2), pp. 7–20. (In Russ.) <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2025-2-7-20>

4. Dezhina, I. G., & Efimova, G. Z. (2022). Risks of 5-100 Project: Perceptions of Academic Staff of Different Ages. *Higher Education in Russia*, 31(3), pp. 28-39. (In Russ.) <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2022-31-3-28-39>

5. Churkina, N. I. (2025). Historical memory in the development of group solidarity among modern generations of university teachers. Scientific-methodological electronic journal «Koncept», (05), pp. 17-28. (In Russ.) <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2025-11078>
6. Zborovsky, G. E., Drozdova, A. A., & Kemmet, E. V. (2025). The Concept of Inter-generational Interactions in Higher Education: A Critical Analysis of Domestic and Foreign Theoretical and Methodological Approaches. *Higher Education in Russia*, 34(10), pp. 27-46. (In Russ.) <https://doi.org/10.31992/0869-3617-2025-34-10-27-46>
7. Zborovsky, G. E., & Ambarova, P. A. (2025). Generations of University Educational Communities: Sociological Interpretation of the Phenomenon. *Sociological Journal*, 31(3), pp. 100–119. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/socjour.2025.31.3.6>
8. Zborovsky, G. E., Ambarova, P. A., Kostina, N. B., Narkhov, D. Yu. (2025). Generational interactions of educational communities in Russian universities: The subject field of research. *RUDN Journal of Sociology*, 25 (3), pp. 743-761. (In Russ.) <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2025-25-3-743-761>
9. Gavriluk, V. V. (2022). Justice and solidarity in the perceptions of working-class youth in service industries. *Siberian Socium*, 6(1(19)), pp. 33-43. (In Russ.) <https://doi.org/10.21684/2587-8484-2022-6-1-33-43>
10. Aderihin, V. S. (2013). Intergenerational dialogue in contemporary society: the possibility of a theoretical construction. *Social and humanitarian knowledge*, (7), pp. 156–165. (In Russ.)
11. Karmadonov, O. A. (2015). Solidarity, Integration, conjunction. *Sociological Studies*, (2), pp. 3-12. (In Russ.).
12. Mironova, A. A. (2014). Intergenerational solidarity of relatives in Russia. *Sociological Studies*, (10), pp. 136-142. (In Russ.).
13. Nagmatullina, L. K., Ahmetgalieva, A. R., & Maksimova, O. A. (2017). Intergenerational Solidarity as a Factor of Stability of Modern Family. *The Review of Economy, the Law and Sociology* (4), pp. 299–305. (In Russ.)
14. Galindabaeva, V. V. (2014). Labor migrants: intergenerational relationships in rural migrants' families in Buryatia. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*, 1(25), pp. 31-41. (In Russ.).
15. Bengtson, V. L., & Roberts, R. E. L. (1991). Intergenerational solidarity in aging families: An example of formal theory construction. *Journal of Marriage and Family*, 53(4), pp. 856–870. (In English).
16. Bengtson, V. L. (2001). Beyond the nuclear family: The increasing importance of multigenerational bonds: the burgess award lecture. *Journal of Marriage and Family*, 63(1), pp. 1-16. (In English).
17. Bengtson, V., Giarrusso, R., Mabry, J. B., & Silverstein, M. (2002). Solidarity, conflict, and ambivalence: Complementary or competing perspectives on intergenerational relationships? *Journal of Marriage and Family*, (64), pp. 568-576. (In English).
18. Gurko, T. A. (2020). Relationship Between Parents and Adult Children: Concepts for Analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniya*, (12), pp.105-115. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S013216250009614-8>
19. Shcherbinin, S. N., & Tarazevich, N. S. (2023). Students' perceptions of the family in the categories of intergenerational solidarity. *Vesnik of Yanka Kupala State University of Grodno*.

Series 5. Economics. Sociology. Biology, 13(1), pp. 84-90. (In Russ.).

20. Parfenova, O. A., Petukhova, I. S. (2024). Zoomers and boomers: intergenerational solidarity in modern Russian society. Moscow State University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science, 30(3), pp. 231-253. (In Russ.) <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2024-30-3-231-253>

21. Joshi, A., Dencker, J. C., & Franz, G. (2011). Generations in organizations. Research in Organizational Behavior, (31), pp. 177-205. (In English).

Информация об авторе / Information about the author

Дроздова Анна Александровна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии и технологий государственного и муниципального управления, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, г. Екатеринбург, a.a.kuzminchuk@urfu.ru

Anna A. Drozdova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology and Technologies of State and Municipal Administration, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin», Yekaterinburg, a.a. kuzminchuk@urfu.ru

Поступила в редакцию / Received 04.08.2025

Поступила после рецензирования / Revised 19.08.2025

Принята к публикации / Accepted 30.08.2025

Научная статья / Original research article

УДК 314.15;332.14

DOI: <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-40-59>

EDN: BNRXEG

Демографическое пространство региона: управленческий подход к анализу и регулированию (на материалах Омской области)

А. М. Киселева, О. В. Гокова

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Омск, Российская Федерация

*gokovaov@omsu.ru

Аннотация. В статье рассматривается демографическое пространство Омской области как сложная и многослойная система, на которую влияют различные социальные, институциональные и управленческие факторы. В последнее десятилетие регион сталкивается с рядом демографических проблем, таких как снижение численности, миграционный отток и старение населения, что актуализирует задачи повышения эффективности регионального управления демографическими процессами. Основная цель исследования — выявление причин и последствий изменения демографического пространства Омской области, а также обоснование управленческих механизмов его стабилизации и развития. В задачи входит анализ текущих демографических тенденций, оценка миграционных потоков, изучение условий жизнедеятельности населения и оценка результативности управленческих воздействий на демографические процессы. Методами исследования выступают статистический анализ данных, собранных из официальных источников, таких как Росстат и региональные статистические службы. Исследование охватывает период с 2010 по 2023 гг., что позволяет выявить долгосрочные тенденции и закономерности. Выборка включает данные о численности населения, миграционных потоках, рождаемости и смертности, а также социально-экономических показателях — уровне доходов, занятости и доступности медицинских услуг. Результаты исследования показывают, что ключевыми факторами, воздействующими на демографическое пространство региона, являются экономическая нестабильность, недостаточная поддержка семей с детьми и ограниченные возможности для трудоустройства молодежи, что требует совершенствования инструментов стратегического и программного управления. Миграционные процессы играют решающую роль в изменении демографической структуры Омской области, что подчеркивает необходимость разработки целевых программ по привлечению и удержанию населения. В выводах статьи особо отмечается важность комплексного подхода к управлению демографическими процессами — координацией деятельности органов власти, развитием межведомственного взаимодействия и внедрением механизмов мониторинга демографической политики.

Ключевые слова: демографическое пространство, Омская область, региональное управление, демографическая политика, управленческие механизмы, устойчивое развитие

Для цитирования: Киселева, А. М. Демографическое пространство региона: управленческий подход к анализу и регулированию (на материалах Омской области) / А. М. Киселева, О. В. Гокова. — <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-40-59> // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2026. — № 1. — С. 40–59. — EDN: BNRXEG

Governing demographic space: an analytical framework based on evidence from the Omsk region

Albina M. Kiseleva, Olga V. Gokova*

Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russian Federation

*gokovaov@omsu.ru

Abstract. This article examines the demographic space of the Omsk region as a complex system influenced by various social, institutional, and managerial factors. In the last decade, the region faces a number of demographic problems, such as population decline, migration outflow, and population aging. These challenges highlight the need to increase the importance of effective regional management of demographic processes. This article aims to identify the causes and consequences of changes in the demographic space of the Omsk region and to justify management mechanisms for its stabilization and development. The objectives include the analysis of demographic trends, migration flows, living conditions of the population, and the effectiveness of management measures. The authors of this article use statistical analysis method of data from official sources, such as Rosstat and regional statistical services. The study covers the period from 2010 to 2023. The data includes population size, migration flows, birth and death rates, and socio-economic indicators such as income, employment, and access to healthcare. The results show that economic instability, limited support for families with children, and restricted job opportunities for young people are key factors influencing the demographic situation in the region. Migration processes also play a critical role in changing demographic structure of the Omsk region. These results highlight the need to develop targeted programs aimed at attracting and retaining the population. The study concludes that effective management of demographic processes requires a comprehensive approach, including coordination between government institutions, interdepartmental cooperation, and monitoring of demographic policy.

Keywords: demographic space, Omsk region, regional governance, demographic policy, governance mechanisms, sustainable development

For citation: Kiseleva, A. M., Gokova, O. V. Governing demographic space: an analytical framework based on evidence from the Omsk region. Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (1), pp. 40-59. (In Russ.). <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-40-59>.

Введение

Для органов власти в рамках общего ракурса внимания к вопросам обеспечения качества жизни и его влияния на качество управляемости территории и результативность региональной политики системообразующим является социальное пространство региона. Оно формирует «пространственное устройство социальной жизни» в рамках регионального измерения и взаимодействия всех акторов по всем проблемам социального порядка [1].

Измеримость социального пространства региона соотносится со структурой сложной территориальной системы, в которой индивид ведет себя определенным образом, общается и контактирует с другими представителями сообщества, органами вла-

сти, субъектами социально-экономической инфраструктуры, и которую он определенным образом пользуется и воспринимает.

Но в то же время органам власти следует обращать отдельное внимание на общество как самопроизводящуюся субъектную основу территории региона. На практике это означает предметный разговор о поведенческих установках, направленных на статику и динамику воспроизводства и расселения населения, выявление осознанности его жизненных позиций, обусловленных собственным интересом и ценностями. В этом контексте особую значимость приобретает способность региональных органов власти выстраивать эффективные управленческие модели, учитывающие поведенческие установки населения и обеспечивающие согласование интересов ключевых субъектов демографического пространства.

Отсюда следует необходимость выделения особой формы социального пространства, отвечающей за активную/пассивную жизнедеятельность и жизнеспособность регионального сообщества к реализации своих демографических установок, которой становится демографическое пространство. Это позволит сгруппировать связанные с демографическими процессами субъектно-объектные элементы с целью выделения и структурирования характерных этим процессам взаимосвязей и взаимодействий, формализовать практики и меры воздействия, реализуемые в демографической политике органов власти.

Литературный обзор

Тема управления демографическим пространством представляет собой сложный и многогранный объект исследования, который охватывает различные аспекты социально-экономического, миграционного и экологического развития. В этом обзоре анализируются подходы различных авторов к изучению демографических процессов, включая миграционные потоки, социально-экономические и экологические факторы, а также стратегии управления демографическим пространством.

В России тематика демографического пространства активно изучается в контексте регионального развития и социально-экономической политики. Российские ученые уделяют большое внимание специфике демографических процессов в различных регионах страны, включая миграционные потоки, рождаемость, смертность и возрастную структуру населения.

В работах П. Бурдые (2007), В. В. Фаузера, А. В. Смирнова, Г. Н. Фаузера (2021), А. Ф. Филиппова (2008, 2009) рассматриваются различные подходы к пониманию социального пространства в социологии [1–4]. Акцентируется внимание на особенностях социального пространства в контексте профессиональной мобильности. Статья М. Л. Белоножко, Г. И. Герасимовой, И. Е. Пинигина (2022) посвящена изучению теоретических аспектов управления развитием пространств и территорий [5].

Одна из наиболее изученных тем — миграция населения. В трудах В. В. Карпова, М. А. Бабичева (2023), С. В. Пономарева, Т. Н. Лубовой, Е. В. Конищева, Е. О. Плехановой (2024), Т. Н. Потапова (2023), О. Л. Рыбаковского, В. И. Самарухи, Т. Г. Красновой, Т. Н. Плотниковой (2018) рассматриваются внутренние и внешние миграционные потоки, их причины и последствия для регионального развития [6–10]. Авторы подчеркивают, что миграция играет ключевую роль в формировании демографического пространства и требует комплексного подхода к управлению.

Т. И. Грабельных, Н. А. Саблина, Е. В. Лесниковская (2022), А. А. Ищенко (2024), Т. В. Кабаева (2024), Е. Я. Пастухова, Т. А. Логунов (2024), М. С. Шейхова, С. Г. Сафонова (2024) изучают влияние на демографические процессы регионов социально-экономических факторов, таких как уровень доходов, занятость и доступность социальных услуг [11–15]. Их исследования показывают, что экономическая нестабильность и высокий уровень безработицы негативно сказываются на рождаемости и стимулируют миграционный отток.

Е. А. Антипова, Л. В. Фокеева (2009), А. Б. Берендеева, Н. С. Рычихина (2023), Х. Э. Таймасханов, Р. Х. Азиева, А. Р. Ахмедова (2022) анализируют эффективность различных стратегий управления демографическими процессами на региональном уровне [16–18]. Они предлагают комплексные меры, а именно: социальную поддержку семей, улучшение условий труда и привлечение высококвалифицированных специалистов в регионы с неблагоприятной демографической ситуацией.

Из анализа степени изученности темы управления демографическим пространством следует, что эта тематика актуальна, однако существуют определенные пробелы, связанные с недостаточной интеграцией данных и междисциплинарным подходом. Для более эффективного управления демографическими процессами необходимы комплексные и междисциплинарные исследования, учитывающие экономические, социальные, экологические и политические аспекты.

Материалы и методы

В статье используются следующие ключевые термины:

- социальное пространство региона — совокупность устойчивых и изменяющихся социальных отношений, институтов и практик, «размещенных» в пределах территории субъекта Российской Федерации (РФ) и задающих правила доступа к ресурсам и формам взаимодействия;
- демографическое пространство региона — подсистема социального пространства, в которой воспроизводство населения (естественное движение, брачно-семейное поведение, миграционная мобильность) институционально оформлено и поддается управленческому воздействию на региональном уровне;
- качество демографического пространства — интегральная характеристика условий, обеспечивающих реализацию демографических установок населения и ре-

зультативность демографической политики; включает социальные, институциональные и управленческие компоненты;

- функциональные границы демографического пространства — формализованные рамки полномочий и ответственности органов власти (внутренние — в пределах компетенций демографической/семейной/миграционной политики; внешние — межведомственные и межрегиональные контуры взаимодействия);
- социальные границы демографического пространства — неформализованные рамки коммуникаций и социальных дистанций между субъектами (семьи, сообщества, диаспоры, мигранты и др.), определяющие интенсивность контактов и поведенческие стратегии;
- миграционный приток/отток — число прибывших/выбывших за год; миграционное сальдо — разность притока и оттока;
- естественное движение населения — рождаемость и смертность; естественный прирост/убыль — разность числа родившихся и умерших.

Исследование демографического пространства основывается на системном анализе проблемного поля, генерируемом функциональностью демографических подсистем. Это обуславливает постановку цели исследования, заключающейся в разработке теоретико-методологических основ демографического пространства в свете необходимости формирования эффективной демографической политики региона для обеспечения его устойчивого социально-экономического развития.

Уровень требований (людей) подвижен. Отсюда важное значение в оценке демографического пространства имеет управленческий аспект, отражающий возможности целенаправленного воздействия органов власти на демографические процессы. Он транслирует сильное влияние региональной политики, характеризуется параметрами трудовых ресурсов и уровнем жизни граждан. Этот аспект также обусловлен состоянием и структурой мобильности представителей сообществ, благодаря которой сами функциональные и социальные рамки демографического пространства становятся динамичными [19].

Процессы, создающие демографическое пространство, определяются набором социальных практик, социальных позиций (статусов и ролей) и социальных полей. Это позволяет конструировать конкретные субъектно-объектные взаимодействия, разрабатывать комбинаторику данных взаимоотношений в условиях и требованиях демографических трендов региона. Как определял П. Бурдьё, в иерархически организованном обществе не существует пространства, которое не было бы иерархизировано и не выражало бы иерархии и социальные дистанции [2]. В такие социальные позиции встраиваются вертикальные связи органов власти и населения, формируя деятельностный и ценностный аспекты демографического пространства.

Ценностное измерение демографического пространства обусловлено:

- 1) отношением к институту семьи;

- 2) собственным образом и стилем жизни;
- 3) требованиями к качеству своей жизнедеятельности и удовлетворением потребностей в профессиональной деятельности;
- 4) доверием к органам власти, отвечающим за демографическую политику в регионе и меры, обеспечивающие надлежащий уровень достижения качества демографического пространства.

Это формирует масштаб проблемной ситуации и многоаспектность исследования демографического пространства. С этой точки зрения, проблемное поле задается необходимостью предметной конкретизации демографического пространства для поддержания качества и устойчивости управленческих субъектно-объектных взаимодействий, учитывающих специфику демографических подсистем: экономику трудовых ресурсов, социальную экологию, генетику, этнографические процессы и т. д.

В статье будут обозначены только проблемные траектории, отражающие ключевые моменты организации демографических процессов. Отсюда гипотезу исследования следует сформулировать как предположение о связи между эффективностью проведения демографической политики и управления демографическим пространством в целях достижения устойчивости социально-экономических процессов в регионе. Структура гипотезы включает следующие частные положения: ухудшение параметров качества демографического пространства (доходы, занятость, доступность социальных услуг) ассоциировано с усилением естественной убыли и ростом миграционного оттока, прежде всего, трудоспособного населения; реализация программно-целевой модели управления демографическими процессами на региональном уровне способствует сокращению миграционных потерь населения и замедлению негативной демографической динамики; наиболее чувствительной к управленческим воздействиям компонентой демографического пространства является миграционная динамика, что объясняется большей краткосрочной реактивностью мобильности населения по сравнению с естественным движением.

Методологические рамки исследования опираются на принципы публичного управления и стратегического регионального развития, что позволяет рассматривать демографическое пространство как объект управленческого воздействия. Объектом исследования послужила Омская область, имеющая неблагоприятную характеристику в сфере демографического и особенно миграционного потенциала. Это отражается в обеспечении социально-экономической устойчивости региона и удержании баланса интересов органов власти, населения и субъектов хозяйствования.

Исследование носит смешанный характер, но определяющей становится необходимость формирования теоретической платформы, в рамках которой будет положено эмпирическое обоснование с применением документального и статистического методов.

Результаты и обсуждение

Демографическое пространство региона как вид социального пространства представляет собой социальную среду, формирующуюся на основе организации особых социальных отношений, социальных взаимосвязей, социального взаимодействия, которые осуществляются при реализации демографических процессов и имеют политико-правовое оформление. При этом демографическое пространство выступает объектом не только анализа, но и стратегического управления, и требует разработки адаптивных управленческих решений.

На объем и качество демографического пространства влияют:

- физико-географический фактор территории размещения;
- социальный и социокультурный факторы;
- факторы мобильности и миграции (отток и приток определенных категорий населения).

Стоит подчеркнуть, что характеристики демографического пространства несут активное начало, в том числе физико-географический фактор. Он подразумевает параметры изменения региональных границ, урбанизационные процессы, территориальную сегрегацию и т. д. Пространство квалифицируется не метрически, но прежде всего социально, и сориентировано на правила, права и возможности доступа [4]. Но физико-географический фактор определяется, в первую очередь, территорией региона, поскольку это отражает аспект управляемости со стороны региональных органов власти. Отсюда следует понимание, что для региона необходимо задавать первичные масштабы измерения территории.

Это обусловлено тем, что демографическое пространство, с одной стороны, определено необходимостью реальной практики его управления конкретными органами власти и поэтому, с точки зрения оптимальности распространения правил и правовых условий, имеет ярко выраженный региональный характер. Внимание именно к региональному территориальному аспекту обусловлено полномочиями этого уровня власти и его ответственностью за улучшение демографической ситуации как в целом в конкретном субъекте РФ, так и в его отдельных муниципальных образованиях.

Хоть социальное пространство не является пространством физическим, «но оно стремится реализоваться в нем более или менее полно и точно» [2]. Демографическое пространство несет формальную географическую характеристику, что находит свое выражение в фактическом месте проживания населения и месте приложения органами власти организационно-управленческих усилий, исходя из потребностей и запросов общества. Эти географические аспекты должны быть синергетичны для достижения необходимого органам власти эффекта устойчивости управления демографической политикой.

С другой стороны, демографическое пространство социально по своей природе. Укрупненно субъектами демографического пространства являются:

- население;
- органы власти;
- организации инфраструктурного сопровождения демографических процессов, в том числе системы здравоохранения, образования, социальной поддержки и социальной защиты, национально-этнического характера и т. д.

Говоря о первой категории субъектов демографического пространства, стоит выделить его основные показатели: численность, плотность расселения, гетерогенность населения (гендер, возраст, семейное положение, национальность и т. д.).

Субъектные отношения, взаимосвязи и взаимодействия осуществляются в поле территории расселения и процессов мобильности населения, экономических коммуникаций трудовых ресурсов, человеческого капитала в рамках категорий гендерного и половозрастного, трудоспособного и воспроизводственного, национально-этнического статуса населения и т. д. Это определяет социальные и социокультурные факторы демографического пространства, обусловленные образом, качеством и уровнем жизни, уровнем культуры и степенью духовности общества на определенной территории. В анализе состояния демографического пространства необходимо учитывать и степень маргинализации и депривации общества с учетом динамики процесса урбанизации.

В свою очередь анализ социокультурного фактора включает поведенческие модели определенных представителей сообществ, уровень социокультурной динамики, индивидуальные и коллективные локусы демографического пространства, менталитет сообществ, миграционную и демографическую ситуации в регионе. То есть мы наблюдаем взаимосвязь с факторами мобильности, влияющими на подвижность, в первую очередь, численного состава населения, и во вторую — границ отдельных муниципальных образований региона. Отсюда очевидна проблема умирающих населенных пунктов и отсутствия демографического пространства в этих территориальных условиях. Сами поведенческие модели интенциональны, предметом воздействия служат как собственные демографические установки и комплексы, так и восприятие действий органов власти в рамках проводимой в регионе демографической политики.

Взаимодействие органов власти субъекта РФ в демографическом пространстве осуществляется с разными категориями акторов, которые определенным образом участвуют в управленческих практиках. В процесс вовлекаются устойчивые субъекты (многофункциональные центры, центры социальной защиты и поддержки населения и т. д.), ассоциированные с властными органами субъекты (социально ориентированные некоммерческие организации), спорадические субъекты (мигранты). Это формирует дифференциацию правил, прав, требований к участию в демографической политике, определение ролей и статусов, занимаемых в демографическом пространстве.

О факторах внешней мобильности и миграции населения, когда рамки региона размываются, и демографическое пространство в физическом смысле становится неизмеряемым, стоит говорить отдельно. Только внутрирегиональная мобильность членов

сообщества вписывается в географические параметры региона, сохраняя общее количество определенных категорий населения, имеющих половозрастную, национально-этническую и другие характеристики.

Для иллюстрации устойчивости управления демографическими процессами в регионе стоит вводить в теоретическое поле понятие качества демографического пространства, которое отражает социальный порядок на территории и закладывает требования к управленческой реальности органов власти, достижению и сохранению устойчивости демографического развития, обеспечению социально-экономического благополучия региона.

Качество демографического пространства региона определяется социальными, институциональными и управленческими условиями, формирующими возможности реализации демографической политики. Отдельно на качество демографического пространства и его формирование в границах региона влияют жизненные траектории ключевых субъектов, обусловленные их темпоральными характеристиками.

В своей совокупности это выстраивает композицию качества демографического пространства через оценку жизнеспособности и жизнеобеспечения территории, а также потенциала ее жизнедеятельности. Важной характеристикой композиции качества демографического пространства становятся региональные демографические процессы, представленные на примере Омской области в таблице 1 и на рисунке 1.

Таблица 1. Демографическая динамика населения Омской области в 2018–2023 гг. [составлено по: 20]
Table 1. Demographic dynamics of the population of the Omsk region in 2018–2023 [compiled based on: 20].

Год	Родившихся, чел.	Умерших, чел.	Миграционный приток, чел.	Миграционный отток, чел.
2018	21 230	24 812	54 605	66 707
2019	17 578	22 563	48 945	61 054
2020	17 800	29 833	40 901	51 274
2021	17 477	33 812	42 402	49 844
2022	16 092	25 900	39 199	48 893
2023	15 206	23 966	36 585	41 730

В 2018–2023 гг. в Омской области сохраняется устойчивая тенденция сокращения численности населения, обусловленная естественной убылью и отрицательным миграционным сальдо. До пандемии депопуляция была связана со снижением рождаемости и высокой смертностью. В 2021 г. вследствие COVID-19 произошел резкий рост смертности, что усилило естественную убыль. В 2022–2023 гг. смертность снизилась, однако не вернулась к допандемийному уровню. Миграционное сальдо остается отрицательным, хотя к 2023 г. его величина уменьшилась по сравнению с 2018–2019 гг.

В целом демографическая динамика региона определяется совокупным действием естественной убыли и миграционного оттока, при доминирующей роли первого фактора в 2020–2021 гг.

На рисунке 1 отражено, что в 2018–2019 гг. число браков оставалось относи-

тельно стабильным. В 2020 г. зафиксировано снижение брачности, что связано с ограничениями в период пандемии COVID-19. В 2021–2022 гг. наблюдается частичное восстановление показателей, однако к 2023 г. устойчивого роста не прослеживается, что отражает долгосрочную тенденцию снижения брачной активности. Динамика разводов менее резкая: показатель варьируется незначительно и в целом остается высоким. Соотношение браков и разводов указывает на сокращение разрыва между ними, что свидетельствует о нестабильности семейно-брачных отношений. В целом рисунок демонстрирует влияние пандемийного фактора на брачность и сохранение структурных демографических рисков, связанных с трансформацией института семьи.

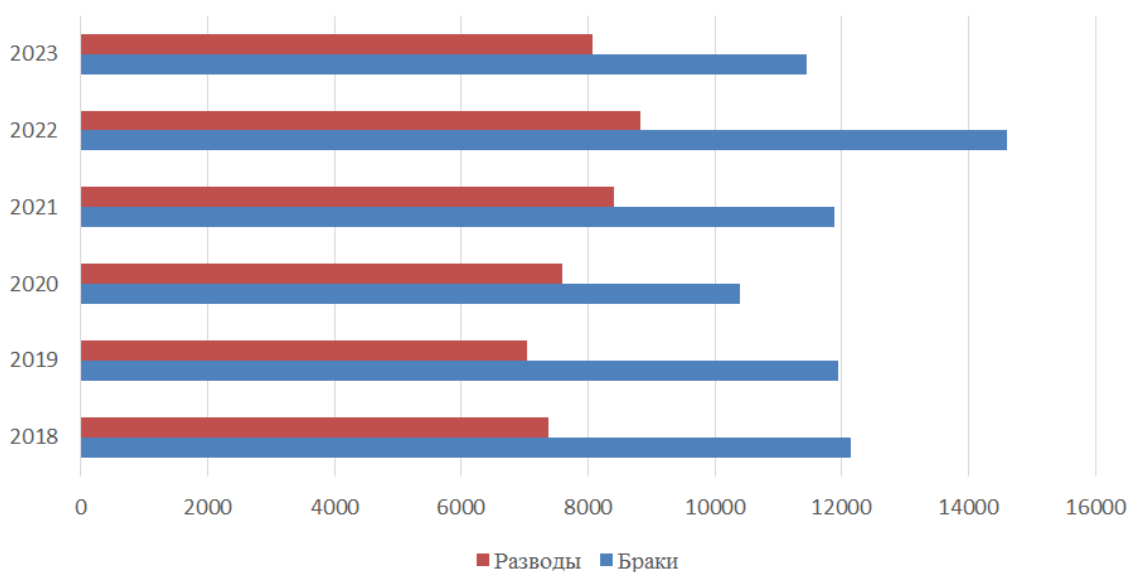

Рис. 1. Динамика браков и разводов в Омской области в 2018–2023 гг. [составлено по: 20]

Fig. 1. Dynamics of marriages and divorces in the Omsk region in 2018–2023 [compiled based on: 20].

Анализ жизнеобеспечения региона проводится в разрезе муниципальных образований региона и в целом по субъекту РФ, а также основных социальных групп населения [21]. В политические направления включены принятые в обществе стандарты качества жизни в направлениях оценки доходов, потребления и расходов граждан, денежных сбережений, накопленного имущества, условий труда, обеспеченности населения инфраструктурными объектами, состояния защиты социально уязвимых групп населения, уровня потребления непродовольственных товаров и т. п.

Аспект жизнедеятельности региона характеризуется через образ жизни его населения, включающий ценностные установки и особенности их реализации в повседневной социально-экономической практике.

Для понимания качества демографического пространства и направлений демографической политики целесообразно проводить мониторинг образа жизни в рамках основных социальных групп населения. Этот управленческий инструмент в значительной мере связан с исследованием уровня занятости населения, процессов обеспечения

общественного порядка и личной безопасности, поддержания благоприятного социально-психологического климата в обществе, формирования у индивидов, в первую очередь молодежи, ценностных ориентаций, соответствующих общечеловеческим нравственным нормам и т. п. При этом одной из важнейших модальных составляющих выступает социальная напряженность в обществе, учет которой особенно важен в современном периоде политических и социально-экономических трансформаций.

На основании данных таблицы 2 можно сделать вывод, что во все годы рассматриваемого периода фиксируется устойчивое отрицательное миграционное сальдо. Наибольший отток наблюдается в 2019 г., в 2020 г. интенсивность миграции снизилась из-за пандемии, однако уже в 2021–2022 гг. отрицательная динамика сохраняется. Основные миграционные потери приходятся на трудоспособное население, что усиливает демографическое старение и снижает экономический потенциал региона. Таким образом, миграционный фактор остается одним из ключевых источников сокращения численности населения Омской области.

Таблица 2. Динамика миграционных потоков Омской области [составлено по: 22]
Table 2. Dynamics of migration flows in the Omsk region [compiled based on: 22].

Год	2022	2021	2020	2019
Прибывшие, чел.				
Моложе трудоспособного возраста	7 657	8 233	7 856	9 476
Трудоспособного возраста	26 549	28 482	28 282	33 746
Старше трудоспособного возраста	5 013	5 687	4 763	5 723
Убывшие, чел.				
Моложе трудоспособного возраста	9 125	9 789	9 509	11 856
Трудоспособного возраста	33 442	33 497	35 446	41 887
Старше трудоспособного возраста	6 346	67 57	6 319	7 311
Прибывшие, чел.				
В возрасте 14 лет и старше	32 376	34 924	33 828	40 379
Убывшие, чел.				
В возрасте 14 лет и старше	40 800	41 212	4 2717	50 362

Существенным фактором формирования социальной напряженности в территориальном сообществе и влияния на качество демографического пространства становятся миграционные тренды (табл. 2). Их дисбаланс нельзя оценивать только с точки зрения количественной динамики (за период с 2016 по 2022 гг. численность населения Омской области сократилась на 140 618 чел. — с 1 972 682 до 1 832 064), поскольку в условиях рыночной экономики обязателен и качественный аспект.

С этой точки зрения необходимо понимать, что количественное и качественное состояние демографического пространства влияет на равновесие демографической системы региона, свидетельствует о состоянии эффективности проводимой региональной демографической политики и, как следствие, позволяет обеспечивать устойчивое социально-экономическое развитие всего региона. Это означает, что качество демографического пространства региона, с точки зрения достижения сбалансированного управления им, формируется в том числе на основе достижения целей устойчивого развития (ЦУР). Качественное состояние показывают отдельные национальные показатели, по которым ведется мониторинг именно по регионам и которые непосредственно влияют на демо-

графическое положение субъекта РФ (табл. 3). Стоит отметить, что за рамками этой статьи остается достаточно большой комплекс показателей, косвенно влияющих на демографическое пространство: инфраструктурные, информационно-технологические, ресурсно-экологические и т. д.

Таблица 3. Соотношение национальных целей и показателей устойчивого развития, непосредственно характеризующих демографическое пространство субъекта РФ

Table 3. Relationship between national goals and sustainable development indicators that characterize the demographic space of a constituent entity of the Russian Federation

Задача	Национальный показатель
<i>ЦУР 1. Повсеместная ликвидация нищеты во всех ее формах</i>	
1.2. К 2030 г. по крайней мере наполовину сократить долю мужчин, женщин и детей всех возрастов, живущих в нищете во всех ее проявлениях, согласно национальным определениям	Индекс риска бедности и социальной исключенности (AROPE)
	Реальные денежные доходы населения, в процентах к предыдущему периоду
	Численность населения с денежными доходами ниже границы бедности, %
1.3. Внедрить на национальном уровне надлежащие системы и меры социальной защиты для всех, включая установление минимальных уровней, и к 2030 г. достичь существенного охвата бедных и уязвимых слоев населения	Доля расходов консолидированных бюджетов субъектов РФ на социальную поддержку отдельных категорий граждан к собственным доходам консолидированных бюджетов
<i>ЦУР 2. Ликвидация голода, обеспечение продовольственной безопасности и улучшения питания, содействие устойчивому развитию сельского хозяйства</i>	
2.1. К 2030 г. покончить с голодом и обеспечить всем, особенно малоимущим и уязвимым группам населения, включая младенцев, круглогодичный доступ к безопасной, питательной и достаточной пище	Доля домохозяйств, указавших при оценке своего материального положения на нехватку денег на еду, %
<i>ЦУР 3. Обеспечение здорового образа жизни и содействие благополучию для всех в любом возрасте</i>	
3.2. К 2030 г. положить конец предотвратимой смертности новорожденных и детей в возрасте до 5 лет, при этом все страны должны стремиться уменьшить neonatalную смертность до не более 12 случаев на 1 000 живорождений, а смертность в возрасте до пяти лет до не более 25 случаев на 1 000 живорождений	Коэффициент материнской смертности
	Смертность детей в возрасте 0–4 года на 1 000 родившихся живыми
	Младенческая смертность (на 1 тыс. родившихся живыми) (промилле)
3.4. К 2030 г. уменьшить на треть преждевременную смертность от неинфекционных заболеваний посредством профилактики и лечения и поддержания психического здоровья и благополучия	Доля граждан, систематически занимающихся физической культурой и спортом
	Ожидаемая продолжительность здоровой жизни
	Доля граждан, ведущих здоровый образ жизни
	Смертность населения в трудоспособном возрасте, на 100 тыс. населения
	Доля граждан, ежегодно проходящих профилактический медицинский осмотр и (или) диспансеризацию, в общей численности населения
	Ожидаемая продолжительность жизни при рождении, лет
	Коэффициент рождаемости среди подростков (в возрасте от 10 до 14 лет и в возрасте от 15 до 19 лет) на 1 000 женщин в соответствующей возрастной группе
	Доля населенных пунктов с числом жителей до 2 000 человек, населению которых доступна первичная медико-санитарная помощь по месту их проживания, в %
	Обеспеченность врачами на 10 000 человек населения

Продолжение таблицы 3

<i>ЦУР 5. Обеспечение гендерного равенства и расширение прав и возможностей всех женщин и девочек</i>	
5. Принимать и совершенствовать разумные стратегии и исполнимые законы в целях поощрения гендерного равенства и расширения прав и возможностей всех женщин и девочек на всех уровнях	Уровень занятости женщин, имеющих детей дошкольного возраста, %
<i>ЦУР 8. Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех</i>	
8.1. Поддерживать экономический рост на душу населения в соответствии с национальными условиями	Индекс физического объема валового регионального продукта на душу населения
8.5. К 2030 г. обеспечить полную и производительную занятость и достойную работу для всех женщин и мужчин, в том числе молодых людей и инвалидов, и равную оплату за труд равной ценности	Уровень реальной среднемесячной заработной платы (в % к предыдущему году)
	Уровень занятости в разбивке по полу, %
	Уровень занятости в разбивке по возрасту, %
	Совокупный показатель безработицы и потенциальной рабочей силы в разбивке по полу, %
<i>ЦУР 10. Сокращение неравенства внутри стран и между ними</i>	
10.1. К 2030 г. постепенно достичь и поддерживать рост доходов наименее обеспеченных 40 % населения на уровне, превышающем средний по стране	Индекс концентрации доходов (коэффициент Джини)
<i>ЦУР 11. Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов</i>	
11.1. К 2030 г. обеспечить всеобщий доступ к достаточному, безопасному и недорогому жилью и основным услугам и благоустроить трущобы	Доля домохозяйств, испытывающих стесненность при проживании, %
	Доля городов с благоприятной средой от общего количества городов (индекс качества городской среды — выше 50 процентов), %
	Количество граждан, расселенных из непригодного для проживания жилищного фонда
<i>ЦУР 17. Укрепление средств осуществления и активизация работы в рамках Глобального партнерства в интересах устойчивого развития. Финансирование.</i>	
17.1. Усилить мобилизацию ресурсов из внутренних источников, в том числе благодаря международной поддержке развивающихся стран, с тем чтобы повысить национальные возможности по сбору налогов и других доходов	Валовой региональный продукт на душу населения
17.13. Повысить глобальную макроэкономическую стабильность, в том числе посредством координации политики и обеспечения последовательности политики	Индекс физического объема валового регионального продукта на душу населения

Таблица демонстрирует системную увязку демографического развития субъекта РФ с ЦУР и национальными показателями. Демографическое пространство региона раскрывается через три взаимосвязанных блока: социально-экономический (бедность, доходы, занятость, неравенство), медико-демографический (смертность, ожидаемая продолжительность жизни, материнская и младенческая смертность, доступность здравоохранения), инфраструктурно-территориальный (жилищные условия, качество городской среды, расселение аварийного жилья). Тем самым таблица подтверждает, что демографическая устойчивость региона определяется не только показателями рождаемости и смертности, но и уровнем социально-экономического развития, качеством сре-

ды проживания и институциональной поддержкой населения.

Динамика национальных показателей устойчивого развития обеспечит понимание траектории движения управленческих процессов в демографическом пространстве региона, осуществляемых органами власти. За этим стоит содержательность и направленность разрабатываемых проектов и мероприятий в демографической политике, учитывающая задачи и показатели устойчивого развития в среднесрочном и долгосрочном измерении.

В любом изменении (положительном или отрицательном) процессы естественной и миграционной динамики формируют состояние сужения или расширения демографического пространства в определенном временном измерении. Отсюда важными параметрами, которые требуется учитывать при формировании и мониторинге реализации демографической политики региона, становятся темпоральные характеристики миграционных процессов. Особенно когда регион презентует в долгосрочном горизонте своего развития неустойчивые тренды естественных и миграционных приростов/убыли.

Эффективность демографических процессов и темпоральные характеристики взаимодействия субъектов их управления становятся измеримы и сравнимы через категорию социального времени, которое одновременно является фактором развития демографического пространства, поскольку несет в себе творческий потенциал его управленческой трансформации.

Динамику, изменчивость и устойчивость демографического пространства региона формируют такие процессуальные и темпоральные характеристики, как последовательность и чередование мероприятий органов власти, социальный ритм и темп протекания, периодичность фаз, цикличность, продолжительность протекания демографических процессов, их протяженность в регионе, а также социальное поведение и социальная дистанция между субъектами демографического пространства.

Демографическая политика осуществляется во времени, любая субъектная деятельность определенным образом связана с другой деятельностью (функцией, действием, мероприятием, проектом) и не может быть абсолютно изолированной от других. Рефлексия социального времени возникает при появлении внутренней связи между фрагментами «раньше» и фрагментами «позже» внутри демографического процесса, что требует наблюдения со стороны органов власти, поскольку происходит переход из одного состояния демографической политики региона в другое. Этот переход носит нелинейный характер: изменяются внешние и внутренние условия проведения политики, увеличивается или уменьшается социальная напряженность, меняется вектор реализации политических мероприятий, усиливается или снижается процедурная сложность.

Такие изменения демографического пространства во времени связаны с социально-экономическими процессами, протекающими в регионе. Этот ракурс позволяет представлять пространственную проекцию региона в горизонтальном измерении, с фокусированием внимания на архитектуре демографического пространства, подразумевая построение информационно-коммуникативных потоков взаимодействия всех субъектов в разное время реализации демографической политики. Горизонтальная проекция структурно отображает схему изменения пространственных границ, процессы внутреннего взаимодействия всех субъектов с учетом локусов деятельности и жизнедеятельно-

сти, поведения, функций и полномочий. Это позволяет выявить включенность в данные процессы объектов социально-экономической инфраструктуры.

Социальное время демографической политики также формирует вертикальную проекцию и фиксирует качественно отличные друг от друга этапы пространственного состояния, отражая динамику регионального развития демографических состояний. Вертикальный темпоральный вектор отображает последовательность смены пространственных состояний в соответствии с естественным ходом событий и явлений, происходящих в ней, но с учетом внешних для регионов факторов влияния.

В этой связи следует говорить о границах пространственного измерения и их динамике. Ведь пространство представляет ограничение и ресурс действия [4]. Демографическое пространство обладает функциональными и социальными границами. Функциональные границы определяются функционалом, набором полномочий, зонами ответственности соответствующих органов власти региона. Соотносительно с административно-территориальными рамками конкретного региона следует выделять внутренние и внешние функциональные границы.

Функциональные границы по своей природе формализованы и обусловлены нормативно-правовым сопровождением федерального и регионального уровней. Внутренние функциональные границы демографического пространства задаются демографической, семейной и миграционной политикой региона, поэтому формируют зону деятельности и ответственности структурных подразделений региональных органов власти, реализующих функции управления в рамках этих политических направлений. Внешние функциональные границы позволяют расширять управленческие коммуникации административных субъектов, вводя в ареал взаимодействия представителей молодежной, социальной, экономической политики своего региона. Этот аспект задает комплексный подход к проблеме качественного содержания и объемного измерения демографического пространства конкретного субъекта РФ.

Изменение функциональных рамок связано с целесообразностью и потребностью взаимодействия органов власти одного региона с представителями властных структур другого субъекта РФ, характером зависимости одного вида деятельности (функции, действия, мероприятия, проекта) от других. Отсюда масштаб распространения внешних функциональных границ включает и выход на органы власти других регионов, что может быть отражено в межрегиональных программах, позволяющих усилить системное воздействие на демографические пространства двух и более регионов в случае фиксации у них универсального проблемного поля.

Демографическое пространство региона, имея административно-территориальное ограничение, абстрагировано от социальных рамок.

Социальные границы отвечают за коммуникативные связи отличных от административных субъектов, поэтому по своей природе являются неформализованными. Рамки социальных границ формируются как индивидуальными, так и коллективными взаимодействиями.

Такая коммуникативная практика создает соответствующие типы социального поведения субъектов и их социальную деятельность в пределах региона. Потребность индивида(-ов) в установлении партикулярных отношений в локусах демографического пространства свидетельствует о проявлении ценностно-ориентированных действий

субъекта, которые он предпринимает на основе осознания реальных ситуаций.

Стратегии поведения населения в реальной практике демографических процессов обусловлены широкими возможностями выбора моделей поведения, основанных на личной системе ценностей и потребностей, интенсивности социопро пространственной мобильности, высоким уровнем социальной дифференциации и социокультурной гетерогенности. Это требует отдельного исследовательского внимания, вводя в проблемное поле вышеперечисленные системные факторы и гендерные и образовательные критерии.

Говоря о территориях и регионах, Э. Гоффман определял, что пространство разделяет и соединяет участников взаимодействия. Он делал акцент на меру (модус) внимания участников такого взаимодействия друг к другу и к окружающей действительности, подчеркивая множественность участников и множественность перспектив [23]. Такой ракурс формирует определенные правила поведения субъектов демографического пространства, многоаспектный характер связей и соотнесенность с объектной составляющей пространства.

Население в целом и отдельные индивиды могут воспринимать демографическое пространство с разных уровней социализации: регион и город как объективные конструкты, разные виды территориальных сообществ (соседство, диаспоры и т. д.) и семья как субъективные проекции. Это позволяет осуществлять информационно-энергетический обмен соответствующих субъектов с элементами окружающей среды (например, представителями разных сообществ, органами власти, учреждениями социальной сферы и т. д.) демографического пространства, что способствует усвоению обществом социальных норм и правил, взглядов, обычаев и стереотипов коллективного и индивидуального поведения, а также накопление знаний и опыта поведения при взаимодействии отдельных граждан с общественными и правовыми институтами, органами власти.

Выводы

Завершая краткое исследование, обусловленное необходимостью ввода в демографическую систему региона категории демографического пространства, стоит еще раз подчеркнуть структурную и поведенческую сложность субъектно-объектных отношений. Целесообразность определения демографического пространства в регионе органами власти позволяет формировать коммуникационные связи между акторами, которые генерируют демографические и миграционные ситуации и управляют ими. С одной стороны, население задает определенные стратегии и модели демографического поведения. С другой стороны, это требует от региональных органов власти формирования политических принципов и алгоритмов регулирования данных процессов в условиях обеспечения устойчивости как демографической системы, так и сбалансированного развития всего региона в целом. Ведь любые действия органов власти актуализируются в социальном поведении и жизнедеятельности территории.

Демографическое пространство следует рассматривать как стратегический объект регионального управления, эффективность которого определяется способностью органов власти прогнозировать демографические изменения и своевременно адаптировать управленческие решения.

С этой точки зрения, эффективность построения субъектно-объектных коммуникаций в демографическом пространстве задается не только постоянством официальных социальных практик, но и грамотным встраиванием всех сопричастных участников в пространственно-ориентированные мероприятия, разработкой проектов, позволяющих диагностировать и учитывать специфику отдельных категорий населения в заданных социально-экономических условиях. Ключевым аспектом здесь становится качество демографического пространства и его чувствительность к процессам устойчивого развития региона. Этот ракурс свидетельствует о том, что политика региональных органов власти в сфере самовоспроизводства населения и качества жизнедеятельности территории должна строиться с учетом показателей демографического пространства и национальных показателей устойчивого развития.

Пространственно-временные особенности региона влияют на характер и модели поведения населения, на взаимоотношения друг с другом, органами власти и учреждениями. Используя темпоральные характеристики и состояния функциональных и социальных границ демографического пространства, органы власти способны системно анализировать демографические тренды с точки зрения их влияния на социально-экономические процессы как внутри региона, так и за его пределами.

Вклад авторов

Киселева А. М.: планирование исследования; постановка целей и задач исследования; разработка методики исследования; проверка результатов исследования.

Гокова О. В.: сбор информации; анализ данных; теоретический анализ данных; научное редактирование; визуализация и представление данных; перевод статьи на английский язык; корреспонденция с журналом.

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Authors' contributions

Albina M. Kiseleva: study planning; the formulation of the aims and objectives; methodology; verification of results.

Olga V. Gokova: data collection; data analysis; theoretical data analysis; scientific editing; visualization and presentation of data; translation into English; correspondence with the journal.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests. The authors declare no conflicts of interest.

Список источников

1. Филиппов, А. Ф. Социология пространства / А. Ф. Филиппов. – Текст : непосредственный // Социологическое обозрение. – 2009. – Т. 8, № 3. – С. 3–30.
2. Бурдые, П. Социология социального пространства / П. Бурдые // Серия: Gallicinium. Пер. с фр. Н. А. Шматко. – Москва : Алетейя, Институт экспериментальной социологии, 2007. – 288 с. – Текст : непосредственный.
3. Фаузер, В. В. Демографическая оценка устойчивого развития малых и средних городов российского Севера / В. В. Фаузер, А. В. Смирнов, Г. Н. Фаузер. – <https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-14>. – Текст : непосредственный // Экономика региона. – 2021. – Т. 17, Вып. 2. – С. 552–569.

4. Филиппов, А. Ф. Социология пространства / А. Ф. Филиппов. – Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2008. – 285 с. – Текст : непосредственный.
5. Белоножко, М. Л. Социально-экономические теории управления развитием территории / М. Л. Белоножко, Г. И. Герасимова, И. Е. Пинигин. – [https://doi.org/ 10.31660/1993-1824-2022-2-9-22](https://doi.org/10.31660/1993-1824-2022-2-9-22). – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 2. – С. 9–22.
6. Карпов, В. В. Отдельные вопросы межрегиональной миграции сибирских регионов: на примере Омской области / В. В. Карпов, М. А. Бабичев. – [https://doi.org/ 10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.21](https://doi.org/10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.21). – Текст : непосредственный // Наука о человеке: гуманитарные исследования. – 2023. – Т. 17. – № 2. – С. 208–217.
7. Пономарев, С. В. Анализ факторов миграции в период социально-экономической и политической нестабильности / С. В. Пономарев, Т. Н. Лубова, Е. В. Конищев, Е. О. Плеханова. – [https://doi.org/ 10.35266/2949-3455-2024-1-5](https://doi.org/10.35266/2949-3455-2024-1-5). – Текст : непосредственный // Вестник Сургутского государственного университета. – 2024. – Т. 12, № 1. – С. 51–63.
8. Потапов, Т. Н. Миграция населения как фактор демографической безопасности региона (на примере Волгоградской области) / Т. Н. Потапов. – [https://doi.org/ 10.24158/tipor.2023.3.10](https://doi.org/10.24158/tipor.2023.3.10). – Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 3. – С. 74–80.
9. Рыбаковский, О. Л. Межрегиональная миграция населения (по материалам отечественной и зарубежной науки) / О. Л. Рыбаковский. – Текст : непосредственный // Социологические Исследования. – 2011. – № 4. – С. 34–44.
10. Самаруха, В. И. Миграционное движение населения регионов Сибири / В. И. Самаруха, Т. Г. Краснова, Т. Н. Плотнокова. – [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2018.28\(1\).56-62](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2018.28(1).56-62). – Текст : непосредственный // Известия Байкальского государственного университета. – 2018. – Т. 28. – № 8. – С. 56–62.
11. Грабельных, Т. И. Социально-демографические факторы общественного развития в условиях постглобальной реальности / Т. И. Грабельных, Н. А. Саблина, Е. В. Лесниковская. – [https://doi.org/ 10.29413/ABS.2022-7.2.8](https://doi.org/10.29413/ABS.2022-7.2.8). – Текст : непосредственный // Acta biomedica scientifica. – 2022. – № 7(2). – С. 72–82.
12. Ищенко, А. А. Демография как приоритет и интегральный показатель результативности стратегического планирования / А. А. Ищенко. – <https://doi.org/10.7256/2454-0595.2024.1.69801>. – Текст : непосредственный // Административное и муниципальное право. – 2024. – № 1. – С. 118–130.
13. Кабаева, Т. В. Социально-демографическая динамика в Республике Мордовия / Т. В. Кабаева. – <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2024-1-148-152>. – Текст : непосредственный // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. – 2024. – № 1 (13). – С. 148–152.
14. Пастухова, Е. Я. Демографический фактор экономического развития регионов Сибирского федерального округа России в 2005-2022 годах / Е. Я. Пастухова, Т. А. Логунов. – [https://doi.org/ 10.24412/1561-7785-2024-1-109-122](https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-109-122). – Текст : непосредственный // Народонаселение. – 2024. – Т. 27, № 1. – С. 109–122.
15. Шейхова, М. С. Демографический кризис в современной России / М. С. Шейхова, С. Г. Сафонова. – [https://doi.org/ 10.55186/2413046X_2024_9_4_223](https://doi.org/10.55186/2413046X_2024_9_4_223). – Текст : непосредственный // Московский экономический журнал. – 2024. – № 4. – С. 609–625.
16. Антипова, Е. А. Демографическое пространство стран СНГ: структура и основные сдвиги / Е. А. Антипова, Л. В. Фокеева. – Текст : непосредственный // СНГ: проблемы, поиск, решения: Ежегодник. – Москва : Изд-во РУДН, 2009. – С. 193–206.
17. Берендеева, А. Б. Меры пространственного развития региона в преодолении негативных демографических и экономических тенденций / А. Б. Берендеева, Н. С. Рычихина. – [https://doi.org/ 10.6060/snt.20237402.0001](https://doi.org/10.6060/snt.20237402.0001). – Текст : непосредственный // Современные наукоемкие технологии. Региональное приложение. – 2023. – № 2 (74). – С. 6–18.

18. Таймасханов, Х. Э. Социально-демографическое развитие региона и государственный механизм его регулирования / Х. Э. Таймасханов, Р. Х. Азиева А. Р. Ахмедова. – [https://doi.org/ 10.24412/2304-6139-2022-48-1-309-313](https://doi.org/10.24412/2304-6139-2022-48-1-309-313). – Текст : непосредственный // Вестник Академии знаний. – 2022. – № 48 (1). – С. 309–313.
19. Веблен, Т. Теория праздного класса / Т. Веблен. – Москва : АСТ, 2021. – 384 с. – Текст : непосредственный.
20. Социально-экономическое положение Омской области. – Текст: электронный // 55.rosstat.gov.ru: сайт. – URL: https://55.rosstat.gov.ru/publication_collection/document/27263 (дата обращения: 22.12.2025).
21. Комплексное наблюдение условий жизни населения. – Текст: электронный // 55.rosstat.gov.ru: сайт. – URL: <https://55.rosstat.gov.ru/koug> (дата обращения: 18.12.2025).
22. Численность и миграция населения РФ. – Текст: электронный // rosstat.gov.ru: сайт. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283> (дата обращения: 18.12.2025).
23. Goffman, E. (1963). Behavior in public places. Notes on the social organization of gatherings. New York: The Free press. –1963. – 248 p. – Text : direct.

References

1. Filippov, A. F. (2009). Sociology of space. Sociological Review, 8(3), pp. 3-30. (In Russ.).
2. Bourdieu, P. (2007). Sociology of social space / Series: Gallicinium. Translated from French by N. A. Shmatko. Moscow, Aletheia, Institute of Experimental Sociology Publ., 288 p. (In Russ.).
3. Fauzer, V. V., Smirnov, A. V., & Fauzer, G. N. (2021). Demographic assessment of sustainable development of small and medium-sized cities in the Russian North. Economy of regions, 17(2), pp. 552-569. (In Russ.). [https://doi.org/10.17059/ ekon.reg.2021-2-14](https://doi.org/10.17059/ekon.reg.2021-2-14)
4. Filippov, A. F. (2008). Sociology of Space. St. Petersburg, Vladimir Dal, Publ., 285 p. (In Russ.).
5. Belonozhko, M. L., Gerasimova, G. I., & Pinigin, I. E. (2022). Socio-economic theories of territorial development management. Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (2), pp. 9-22. (In Russ.). <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2022-2-9-22>
6. Karpov, V. V., & Babichev, M. A. (2023). Selected issues of interregional migration of Siberian regions: on the example of the Omsk region. Science of man: humanitarian research, 17(2), pp. 208-217. (In Russ.). <https://doi.org/10.57015/issn1998-5320.2023.17.2.21>
7. Ponomarev, S. V., Lubova, T. N., Konishchev, E. V., & Plekhanova, E. O. (2024). Analysis of migration factors during socio-economic and political instability. Bulletin of Surgut State University, 12(1), pp. 51-63. (In Russ.). <https://doi.org/10.35266/2949-3455-2024-1-5>
8. Potapov, T. N. (2023). Population migration as a factor of demographic security of the region (on the example of Volgograd region). Theory and practice of social development, (3), pp. 74-80. (In Russ.). [https://doi.org/ 10.24158/tipor.2023.3.10](https://doi.org/10.24158/tipor.2023.3.10)
9. Rybakovsky, O. L. (2011). Interregional migration of the population (based on materials from domestic and foreign science). Sociological Research, (4), pp. 34-44. (In Russ.).
10. Samarukha, V. I., Krasnova, T. G., & Plotnikova, T. N. (2018). Migration movement of the population of Siberian regions. Bulletin of Baikal State University, 28(8), pp. 56-62. (In Russ.). [https://doi.org/10.17150/2500-2759.2018.28\(1\).56-62](https://doi.org/10.17150/2500-2759.2018.28(1).56-62)
11. Grabelnykh, T. I., Sablina, N. A., & Lesnikovskaya, E. V. (2022). Socio-demographic factors of social development in the conditions of post-global reality // Acta biomedica scientifica, 7(2), pp. 72-82. (In Russ.). <https://doi.org/10.29413/ABS.2022-7.2.8>
12. Ishchenko, A. A. (2024). Demography as a priority and integral indicator of the effectiveness of strategic planning. Administrative and municipal law, (1), pp. 118-130. (In Russ.). <https://doi.org/10.7256/2454-0595.2024.1.69801>
13. Kabaeva, T. V. (2024). Socio-demographic dynamics in the Republic of Mordovia. Telescope: journal of sociological and marketing research, 1(13), pp. 148-152. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1994-3776-2024-1-148-152>

14. Pastukhova, E. Ya., & Logunov, T. A. (2024). Demographic factor of economic development of the regions of the Siberian Federal District of Russia in 2005-2022. *Population*, 27(1), pp. 109-122. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/1561-7785-2024-1-109-122>
15. Sheikhova, M. S., & Safonova, S. G. (2024). Demographic crisis in modern Russia. *Moscow Economic Journal*, (4), pp. 609-625. (In Russ.). https://doi.org/10.55186/2413046X_2024_9_4_223
16. Antipova, E. A., & Fokeeva, L. V. (2009). Demographic space of the CIS countries: structure and main shifts // *CIS: problems, search, solutions: Yearbook*. Moscow, RUDN Publishing House Publ., pp. 193-206. (In Russ.).
17. Berendeeva, A. B., & Rychikhina, N. S. (2023). Measures of spatial development of the region in overcoming negative demographic and economic trends. *Modern science-intensive technologies. Regional application*, 2(74), pp. 6-18. (In Russ.). <https://doi.org/10.6060/snt.20237402.0001>
18. Taimaskhanov, H. E., Azieva, R. Kh., & Akhmedova, A. R. (2022). Socio-demographic development of the region and the state mechanism of its regulation. *Bulletin of the Academy of Knowledge*, 48(1), pp. 309-313. (In Russ.). <https://doi.org/10.24412/2304-6139-2022-48-1-309-313>
19. Veblen, T. (2021). *Theory of the Leisure Class*. Moscow, AST Publ., 384 p. (In Russ.).
20. Socio-economic Situation of the Omsk Region. (In Russ.). Availabl at : https://55.rosstat.gov.ru/publication_collection/document/27263.
21. Comprehensive monitoring of living conditions of the population. Retrieved from. (In Russ.). Availabl at : <https://55.rosstat.gov.ru/koug>.
22. Population size and migration in the Russian Federation. Retrieved from. (In Russ.). Availabl at : <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/13283>.
23. Goffman, E. (1963). *Behavior in public places. Notes on the social organization of gatherings*. New York. The Free press, 248 p. (In Eng.).

Информация об авторах / Information about the author

Киселева Альбина Мусаевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры региональной экономики и управления человеческими ресурсами факультета экономики, психологии, менеджмента, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского», albkis@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6999-2955>

Гокова Ольга Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры региональной экономики и управления человеческими ресурсами факультета экономики, психологии, менеджмента, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, gokovaov@omsu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9887-4181>

Albina M. Kiseleva, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Regional Economics and Human Resource Management, Faculty of Economics, Psychology and Management, Dostoevsky Omsk State University, e-mail: albkis@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-6999-2955>

Olga V. Gokova, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Regional Economics and Human Resource Management, Faculty of Economics, Psychology and Management, Dostoevsky Omsk State University, gokovaov@omsu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-9887-4181>

Поступила в редакцию / Received 13.01.2026

Поступила после рецензирования / Revised 12.02.2026

Принята к публикации / Accepted 16.02.2026

Научная статья / Original research article

УДК 378.17

DOI: <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-60-78>

EDN: BUYXOO

Проблемы формирования здорового образа жизни студенческой молодежи

И. В. Легостаева*, Л. Н. Белоножко, И. Ю. Фомичев, С. В. Толмачева

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

*legostaevaiv@tyuiu.ru

Аннотация. Сегодня здоровье как важный показатель жизнедеятельности социума подвержено качественным и количественным изменениям. Внимание ученых акцентируется на перманентном снижении индикаторов здоровья российских граждан, активизируется научно-исследовательский интерес к вопросам формирования здорового образа жизни молодого поколения. Формирование культуры здоровья и усвоение принципов ЗОЖ происходит посредством институтов социализации, образовательная среда высших учебных заведений выступает площадкой для взращивания ценностного отношения к резервам здоровья у студенческой молодежи. Цель авторского исследования заключается в изучении проблем формирования ЗОЖ студенческой молодежи. В качестве методов исследования были использованы общесоциологические теоретические, эмпирическую базу составил анкетный опрос. Результаты социологического исследования позволили сделать вывод о многоаспектности категорий «здоровье» и «здоровый образ жизни», сущностная интерпретация ЗОЖ молодым поколением детерминирована субъективными и объективными факторами. Студенческая молодежь характеризуется неустойчивой мотивационной и ценностной установкой к ведению ЗОЖ, что обусловлено отсутствием деятельностного подхода к резервам своего здоровья, сформированных под влиянием микросреды (семья, референтные группы) и макросреды (медиа пространство, блогосфера) поведенческих паттернов ЗОЖ. Выявлены детерминанты, сокращающие резервы здоровья студентов, техники здоровьесбережения, факторы, определяющие отношение студенческой молодежи к ЗОЖ. Сформулированы проблемы формирования ЗОЖ и направления по их нивелированию. Научная новизна детерминирована эмпирическим подтверждением существующих противоречий в области ЗОЖ: разрывом декларируемой ценности здоровья для молодого поколения и реальными поведенческими практиками, характерными для этой возрастной группы; обоснованием доминирующей роли новых медиа в процессе формирования принципов ЗОЖ; разработанной уровневой классификацией проблем формирования ЗОЖ. Практическая значимость полученных результатов состоит в возможности их использования с целью коррекции стратегии здоровьесбережения, реализуемой в высших учебных заведениях и Департаментом молодежной политики Тюменской области для формирования эффективных программ профилактики здоровья.

Ключевые слова: здоровье, здоровый образ жизни, концепция здоровья, студенческая молодежь, здоровьесберегающие технологии, факторы риска здоровью, параметры здоровья

Для цитирования: Проблемы формирования здорового образа жизни студенческой молодежи / И. В. Легостаева, Л. Н. Белоножко, И. Ю. Фомичев, С. В. Толмачева. – <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-60-78> // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2026. – № 1. – С. 60–78. – EDN: BUYXOO

Problems of developing a healthy lifestyle for students

Irina V. Legostaeva*, Lydiya N. Belonozhko, Svetlana V. Tolmacheva, Igor Yu. Fomichev

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

**legostaevaiv@tyuiu.ru*

Abstract. Today, health, as a key indicator of the vital activity of society, undergoes qualitative and quantitative changes. Scientists focus on a steady decline in health indicators among Russian citizens. Scientific interest in the formation of a healthy lifestyle among young people increases. Formation of a culture of health and promoting HL principles happens through social institutions. Higher education institutions have an environment, which acts as a platform to grow value attitude toward personal health among students. This study aims to examine the challenges associated with the formation of a healthy lifestyle for students. The authors utilized general sociological theoretical approaches. A questionnaire survey served as the empirical basis. The results demonstrate the multidimensionality of the concepts of “health” and “healthy lifestyle.” Young people interpret HL in ways influenced by both subjective and objective factors. Students often exhibit unstable motivation and inconsistent value orientations toward maintaining a healthy lifestyle. This is so because of a lack of activity approach to health reserves formed by the microenvironment (family, reference groups) and macroenvironment (media space, blogosphere). The study identifies key determinants that reduce students’ health resources, outlines health-preserving practices, and analyzes factors that influence students’ attitudes toward a healthy lifestyle. The authors also define major problems in the formation of HL and suggest directions for addressing these problems. Scientific novelty is determined by empirical confirmation of existing contradictions in the field of healthy lifestyle. Young people acknowledge the importance of health yet often fail to incorporate it into their daily behaviors. The results emphasize the prominent role of new media in shaping HL principles and introduce a multi-level classification of issues related to HL formation. The results have practical value for enhancing health preservation strategies existing in higher education institutions and Department of youth policy of the Tyumen region for developing effective health preventive programs.

Keywords: health, healthy lifestyle, health concept, student youth, health-saving technologies, health risk factors, health parameters

For citation: Legostaeva, I. V., Belonozhko, L. N., Fomichev, I. Yu., Tolmacheva, S. V. (2026). Problems of developing a healthy lifestyle for students. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (1), pp. 60-78. (In Russ.). <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-60-78>

Введение

Вопросы здоровья волнуют человечество на протяжении всего его существования, укреплению и сохранению этого жизненно важного ресурса посвящено большое количество научной литературы. Превалирующее значение ценности здоровья подтверждают социологические исследования. Вне зависимости от возрастных детерминант, национальных особенностей, культурных традиций и направленности вероисповедания человек стремится к активному долголетию, повышению качества жизни.

Сегодня общественное здоровье выступает важным показателем жизнедеятельности социума, качественно отражает сложившийся уровень социального благополучия населения, представляет количественную оценку индивидуальных характеристик здоровья представителей разных социальных групп [1].

Динамичный характер категории «здоровье» населения прослеживается в ре-

зультатах, отраженных в научных исследованиях. Ученые и социологи акцентируют внимание на неблагоприятных тенденциях в российском социуме: деструктивные изменения и ежегодно снижающийся потенциал и резервы здоровья граждан [2]. Опираясь количественными показателями, целесообразно заметить, что число россиян, оценивающих свой образ жизни как здоровый, перманентно уменьшается (с 63,7 % в 2021 г. до 56,2 % в 2023 г.), каждый третий россиянин отмечает снижение резервов здоровья, принципы здорового образа жизни (ЗОЖ) внедряются в повседневную практику лишь 13 % респондентами [3]. Детерминантами включенности в ЗОЖ выступают материальные (низкий уровень материального обеспечения), психосоциальные (отсутствие высшего образования, незанятость, отсутствие социальной поддержки) и поведенческие факторы (вредные привычки, асоциальные паттерны поведения) [4, 5].

Актуальность проблем в области здоровья и здравоохранения находит свое отражение в действующих нормативно-правовых актах, в которых закреплены цели, концепции и стратегии Российской Федерации (РФ), их реализация направлена на сохранение и укрепления здоровья населения. Выделим Указ Президента РФ от 6.06. 2019 N 254 «О Стратегии развития здравоохранения в Российской Федерации на период до 2025 года» (с изм. и доп. от 27.03.2023 г.), Указ Президента РФ от 21.07.2020 N 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года», Федеральный закон «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения» от 30.03.1999 N 52-ФЗ (с изм. и доп. От 29.05.2023), Приказ Минздрава РФ от 21 марта 2003 г. N 113 «Об утверждении Концепции охраны здоровья здоровых в Российской Федерации». Анализ нормативных документов позволяет сделать вывод о приложении усилий в области таких направлений здоровьесбережения, как конструирование среды для укрепления здоровья, пропаганда диспансеризации, введение в повседневную практику моделей осознанного потребления и ответственного отношения к резервам здоровья [6–8].

Выявляя ценности ЗОЖ в молодежной среде, авторы констатируют, что здоровье выступает одной из главных традиционных ценностей [9, 10].

На содействие ЗОЖ молодежи направлены программы и проекты, разрабатываемые и координируемые органами власти в сфере государственной молодежной политики. Российской молодежи предоставляются оздоровительные ресурсы, проводятся спортивно-массовые мероприятия, создаются условия для ведения ЗОЖ, реализуются профилактические мероприятия по поддержанию здоровья, однако, наряду с положительными моментами, вырисовываются диспропорции в обеспечении молодежи разных регионов спортивной инфраструктурой [11].

Формирование культуры здоровья и усвоение принципов ЗОЖ происходит посредством институтов социализации. В этом контексте образовательная среда высших учебных заведений становится платформой для возвращения представителей студенческого сообщества, нацеленных на здоровый образ жизни. Таким образом, университетские корпорации призваны не просто продуцировать благоприятную психоэмоцио-

нальную среду, но и вести активную образовательную деятельность, прививая ценности здоровой личности, формируя умения и навыки ведения ЗОЖ. Проанализированные статистические данные свидетельствуют о проблеме студенческой молодежи, обучающейся в высших учебных заведениях. Проблема заключается в перманентных превышениях физиологических показателей, что обусловлено характером и динамикой учебного процесса, предъявляющего высокие требования к текущему состоянию здоровья (эмоциональный интеллект, умственные способности) [6].

В образовательный процесс целесообразно включать учебные элементы, направленные на эффективное усвоение студенческой молодежью бихевиоральной, информационной, мотивационно-поддерживающей составляющих ЗОЖ, являющихся залогом профессионально-трудовой, групповой социализации личности [12]. Стремление высшей школы внести вклад в сохранение здоровья молодого поколения нашло выражение в разработке комплексной системы диагностирования здоровья студентов, предоставляющей широкие возможности по выявлению и последующей коррекции дисфункциональных состояний организма.

Современная студенческая молодежь демонстрирует амбивалентность в содержательной характеристике здоровья и ЗОЖ [13–17]. Оценки своего здоровья дифференцируются в зависимости от факторов объективного порядка (политическая ситуация в стране, экономическая стабильность, материальное положение в семье, социальный статус, профилактические мероприятия в отношении здоровья и пр.) и субъективного (психоэмоциональное состояние, влияние массовой культуры, пропаганда ЗОЖ, позиция лидеров мнений в молодежной среде, референтные группы и пр.).

Представители молодого поколения единогласны в своей оценке текущей ситуации в здоровьесберегающих технологиях. Отмечается рост возможностей у студенческой молодежи поддерживать и сохранять здоровье, использовать потенциал профилактических мероприятий [18].

Резюмируем, что исследование проблемного поля здорового образа жизни студенческой молодежи становится все более актуальным. Это и детерминировало проведенное нами социологическое исследование, целью которого было изучение проблем формирования ЗОЖ в молодежной среде, сложившихся мотивационных установок в его отношении и отдельных его аспектов. Задачами исследования выступили: уточнение детерминант ЗОЖ студенческой молодежи; оценка возможностей введения принципов ЗОЖ в повседневную практику; выявление факторов, формирующих знания, навыки и умения к введению ЗОЖ.

Материалы и методы

Отметим перманентный рост научно-исследовательского интереса не только к проблеме здоровьесберегающих технологий во всем мире, но и к отдельным категориям населения, в частности, вопросам формирования ЗОЖ молодого поколения [19–21]. Как

движущая сила общественного развития и социального прогресса молодежь представляет собой наиболее активную часть населения, осуществляющую инновационные преобразования в социуме. Ориентация на здоровое молодое поколение отчасти продиктована динамичными сдвигами в демографической структуре. Статистические данные свидетельствуют о неблагоприятной ситуации, складывающейся в среде студенческой молодежи: ослабленное здоровье, рост патофизиологических явлений, около 40–45 % обозначенного контингента подвержено хроническим заболеваниям [22].

Анализируя проблемное поле, следует заметить, что катализаторами ухудшения здоровья студенческой молодежи многие исследователи считают повсеместное укоренение деструктивных моделей поведения и разнообразных аддикций (пищевые, социальные, химические, работогольные и пр.), что провоцирует отрицательную динамику индикаторов здоровья молодого поколения [6, 23–25]. Так, зафиксирован рост включенности молодежи в следование пагубным привычкам. В 2023 г. доля курильщиков (возраст от 18–24) выросла почти в 1,5 раза, что объясняется актуализацией альтернативных традиционным способам курения, создающим иллюзию безопасности для здоровья (электронные системы доставки никотина (ЭСДН), электронные сигареты, кальян, IQOS). Увеличилась доля студенческой молодежи, регулярно употребляющей энергетические напитки (энерготоники).

Вариативность всего спектра возможных причин снижения индикаторов здоровья молодого поколения детерминирована объективными параметрами образа жизни и субъективными оценками молодежи в отношении привычных форматов организации жизненного процесса. Этим объясняется социальная ценность и значимость такой дефиниции, как «образ жизни». Современная интерпретация рассматриваемой категории многоаспектна и амбивалентна, на что указывают многочисленные определения и подходы к трактованию сущностного содержания «здорового образа жизни». ЗОЖ базируется на разнообразных способах организации жизнедеятельности индивида, ориентированных на максимальное использование ресурсов организма и совершенствование его компенсаторных возможностей [26]. ЗОЖ рассматривается учеными через призму факторов его формирования, конструктивного порядка и деструктивного. Стоит отметить, что к последним относят в том числе и условия, которые создаются непосредственно в высших учебных заведениях, где современные студенты проводят большую часть времени [27, 28]. Культура здорового образа жизни формируется и укореняется посредством ментальных установок. Самосохранительное поведение молодежи сегодня становится социально одобряемым. Проявлениями такого поведения выступают занятия спортивно-оздоровительными техниками, отказ от чрезмерного употребления пищи, искоренение пагубных привычек. Другая сторона вопроса — осознанное ограничение в использовании ресурсов (физических, интеллектуальных) с целью продлить активное долголетие [29].

Ментальное и физическое развитие студенческой молодежи детерминировано

отношением к собственному здоровью. В этом контексте особое внимание уделяется изучению и исследованию мотивационной сферы личности. Отметим, что мотивационные установки не являются статичными. Большинство студентов демонстрируют неустойчивое поведение в отношении установок на ведение ЗОЖ. Это объясняется преобладающим влиянием медиапространства на целеполагание молодежи [30].

Степень введения принципов ЗОЖ в повседневную практику и выбираемые молодежью поведенческие модели в отношении своего здоровья зависят от того, какие ценностные установки были заложены институтом семьи и в рамках университетской корпорации. Довольно часто молодежь демонстрирует экстернальность, считая, что культивирование здоровьесберегающих технологий — прерогатива исключительно государственных органов и соответствующей молодежной политики.

Методологическая основа исследования представлена общесоциологическими теоретическими методами. Анализ научной литературы, освещающей теоретические и практические аспекты категории «здоровье», позволил прийти к выводу о возможности широко трактовать аспекты здоровья в зависимости от положенного в основу критерия. Метод теоретического синтеза использовался при уточнении категорий «концепции здоровья», «здоровый образ жизни», «здоровье» для более исчерпывающего понимания их сущностного содержания. Метод анализа позволил определить, что современная молодежь склонна к дифференцированным оценкам параметров здоровья. Сбор первичных данных проведен на основе дистанционного анкетного опроса (онлайн-формат), реализованного в период 02.11.2025–22.12.2025 гг. Объем выборочной совокупности: 386 студентов в возрастном диапазоне 18–23 лет, обучающиеся на 1–4 курсах бакалавриата (очная форма) в Тюменском индустриальном университете. Метод формирования выборки: случайная выборка, соблюдены пропорции объемов количества респондентов, обучающихся в структурных подразделениях вуза (институтах). На аналитическом этапе была использована программа статистической обработки данных SPSS Statistics Base 22.0v. Инструментарий представлен электронной анкетой блочного типа, вопросы сформулированы исходя из цели и задач исследования.

Результаты и обсуждение

Непосредственный интерес в рамках исследования представляло мнение респондентов относительно сущностного содержания категории «здоровья». Большинство студенческой молодежи в понятие «здоровья» вкладывают ведение активного образа жизни (89 %), состояние психологического комфорта (76 %), хорошее самочувствие (63 %) и возможность реализовать свой потенциал (42 %).

Качественными характеристиками понятия «здоровый образ жизни», по мнению студентов, являются отказ от пагубных привычек (93 %), основы правильного питания (85 %), поддержание физической активности (81 %), оптимальный режим труда и отдыха (62 %), соблюдение гигиенических нормативов (48 %).

В ходе самооценки текущего состояния здоровья большинство респондентов отметили удовлетворительное самочувствие (62 %), лишь треть охарактеризовала свой физический статус как «здоров», 10 % представителей молодого поколения не придают значения своему самочувствию — по их мнению, оно не отражает в полной мере категорию «здоровье».

Применяет ли студенческая молодежь здоровьесберегающие технологии для поддержания текущего уровня здоровья или его укрепления, позволил выявить соответствующий вопрос. Полностью отказались от пагубных привычек и пропагандируют регулярную физическую активность, акцентируют внимание на сбалансированных рационах питания 53 % респондентов. Регулярно занимается спортом и поддерживают активный физический тонус 51 %. Перманентно следят за показателями индекса массы тела (ИМТ) 45 %. Придерживаются принципов рационального питания и питьевого режима 44 %. Поддерживают здоровье с помощью витаминных комплексов и биологически активных добавок 37 %, проходят диспансеризацию 26 %.

Сбалансированное питание выступает важной здоровьесберегающей технологией. Студенческая молодежь уделяет внимание своевременным приемам пищи, но не все потребляемые продукты можно назвать полезными и функциональными. Отметил, что исключил из своего рациона некачественные продукты питания, 41 % респондентов. Ограничивают потребление фастфуда 23 %. Наблюдаются постепенный отказ от употребления пищи в ночное время, переход от высококалорийных блюд к функциональным, снижение количества сладких и мучных изделий в суточном рационе.

Активный образ жизни, включая регулярные занятия спортом, оценивается молодежью как одно из важных условий ЗОЖ, ведь гиподинамия неизбежно приводит к снижению уровня здоровья. Установка на регулярные занятия физической культурой сформирована у 51 % респондентов. Занимаются спортом в зависимости от настроения и наличия свободного времени 34 %, не практикуют занятия спортом около 15 %.

Несмотря на то, что большая часть респондентов характеризует свой образ жизни как здоровый (58 %), а четверть (26 %) внедряет основные принципы ЗОЖ в повседневную практику, существуют как объективные, так и субъективные причины, по которым следование правилам ЗОЖ становится затруднительным. Совмещение обучения в университете с трудовой деятельностью, уровень нагрузки в вузе, отсутствие мотивации и физическая усталость оказывают дестабилизирующее воздействие на ведение ЗОЖ.

Неотъемлемый компонент ЗОЖ — нивелирование вредных привычек. По полученным данным, 53 % респондентов полностью отказались от пагубных привычек, 25 % имеют разнообразные аддикции, 12 % находятся в пограничном состоянии, время от времени возвращаясь к той или иной вредной привычке. Наиболее распространенные пагубные привычки: курение сигарет (в том числе альтернативные способы курения), употребление алкогольных напитков, интернет-зависимость, переедание и патологический гемблинг (лудомания).

Респонденты единогласны во мнении относительно мероприятий, направленных на разъяснительную работу о пагубном воздействии на организм вредных привычек, причем юный возраст (начальная школа) оптимален для закладывания мотивационных установок на ведение ЗОЖ (по мнению 97 % респондентов). Уровнем полученных знаний, сформированных навыков и умений в отношении ЗОЖ удовлетворены 49,6 %. Считают, что им необходимо совершенствовать знания практических методик ЗОЖ, 49,4 %.

Молодое поколение выразило согласие (82,5 %) с важностью и необходимостью поддержания включенного поведения и привития соответствующих паттернов ЗОЖ у молодежи как группы, подверженной большому количеству катализаторов девиантного поведения. Следует отметить выявленное противоречие, заключающееся в активном продвижении ЗОЖ как новостной повести для молодежи и незначительной частоте проведения мероприятий по пропаганде ЗОЖ в университетах (рис. 1).

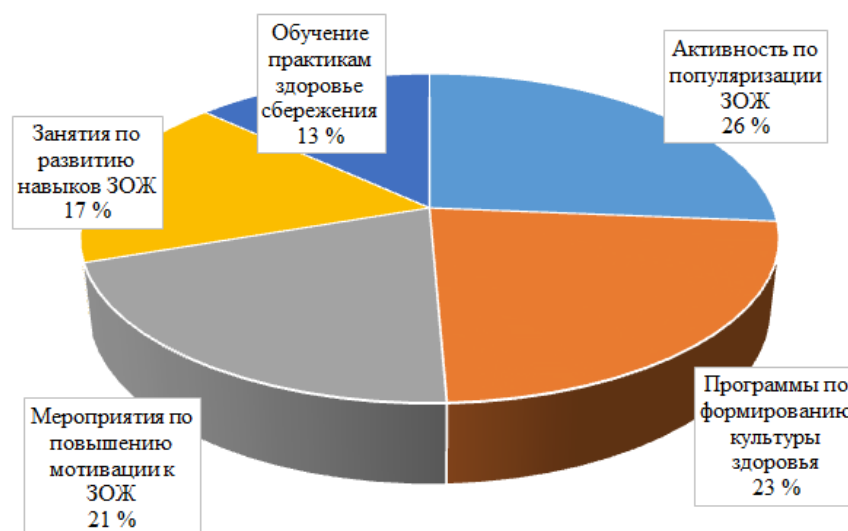

Рис. 1. Основные мероприятия, направленные на формирование знаний, навыков в отношении ЗОЖ, проводимые в университетах, в %

Fig. 1. Key activities aimed at developing knowledge and skills related to a healthy lifestyle in universities, %

Студенческая молодежь демонстрирует включенность в вопросы поддержания здоровья (87 % респондентов). Детерминантами, сокращающими резервы здоровья, она считает неблагоприятную экологическую ситуацию, генетическую отягощенность, пассивный образ жизни, напряженный учебный график, перманентное переутомление, несформированные навыки ведения ЗОЖ (рис. 2).

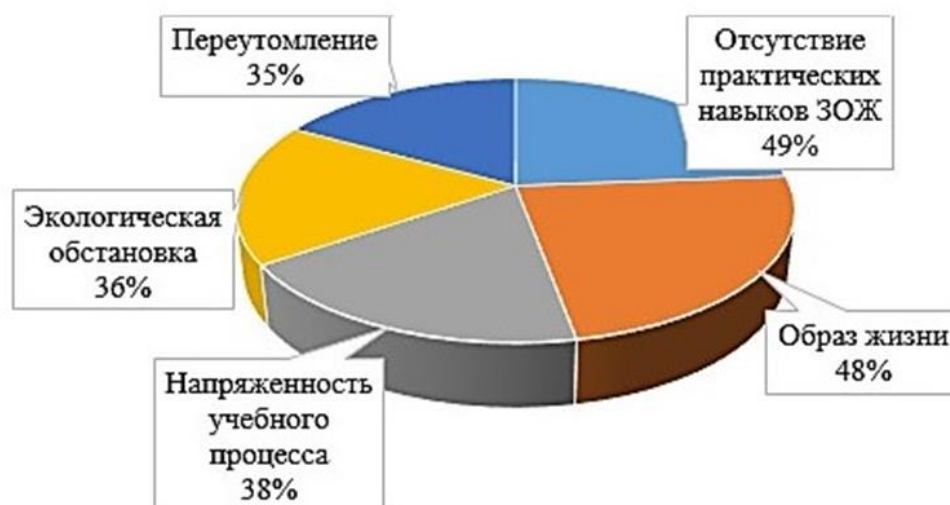

Рис. 2. Топ-5 детерминант, сокращающих резервы здоровья современной молодежи

Fig. 2. Top 5 determinants reducing health resources of modern youth

Сформированная установка на ведение ЗОЖ и проведение профилактических мероприятий по поддержанию здоровья характеризуется респондентами как пассивная (74 %), что связано с индивидуальными особенностями личности, умением рационально планировать трудовую активность и досуг, достаточным количеством материальных ресурсов, спортивно-оздоровительных ресурсов региона (рис. 3а).

По мнению респондентов, наибольшее влияние на формирование представлений о ЗОЖ оказывают референтные группы (семья, родственники и друзья), СМИ и социальные сети, личный опыт (рис. 3б).

Ментальные установки и представления студенческой молодежи относительно ЗОЖ, несмотря на их устойчивость, можно корректировать, выводя стереотипные суждения, дестабилизирующие желание и потребность в сохранении здоровья, за пределы когнитивных процессов. Каналами информации, из которых студенческая молодежь получает данные о ЗОЖ, выступают интернет-ресурсы (сайты, блоги, порталы), социальные сети (группы, сообщества), телевидение (тематические передачи, репортажи), научно-популярная литература и референтные группы. Респонденты демонстрируют интерес к таким категориям, как многофункциональное питание, силовые и круговые тренировки, инновационные техники ЗОЖ, рекомендации по организации режима дня, вредные привычки и способы борьбы с ними.

Рис. 3а. Факторы, влияющие на отношение студенческой молодежи к ведению ЗОЖ, в %
Fig. 3a. Factors influencing student attitudes toward maintaining a healthy lifestyle, %

Рис. 3б. Факторы, влияющие на формирование представлений о ЗОЖ, в %
Fig. 3b. Factors influencing the formation of healthy lifestyle perceptions, %

Проблемное поле представлено факторами как внутреннего, так и внешнего порядка (рис. 4). Половина респондентов продемонстрировала недостаточные навыки планирования распорядка дня, вследствие чего время на ЗОЖ ограничено. Финансовая составляющая оказалась важна для 43 % молодежи, считающей поддержание здоровья дорогостоящей инициативой. Высокая стрессогенность учебного процесса также оказывает демотиивирующее воздействие.

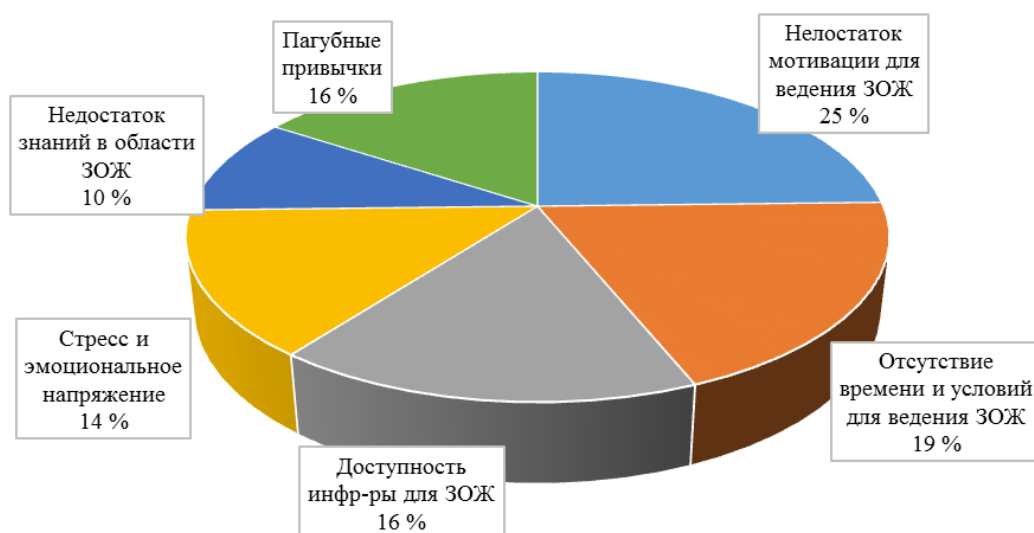

Рис. 4. Проблемы формирования ЗОЖ студенческой молодежи, в %
Fig. 4. Problems of healthy lifestyle formation among student youth, %

Период студенчества характеризуется эволюцией процессов самосознания и формированием мотивационно-ценностных установок. Достигая своего предельного значения, указанные процессы обуславливают психологические возможности молодежи к выбору стратегии и тактики в отношении здоровьесбережения. Склонность и устремления к ЗОЖ целесообразно оценивать с позиции уже сложившихся представлений молодежи о ЗОЖ, уровне практической реализации принципов ЗОЖ, демонстрируемом поведении в отношении сохранения здоровья. Отметим, что признание здоровья основополагающей жизненной ценностью, усвоение качественных характеристик ЗОЖ не имеет прямой корреляции с поведенческими навыками, которые демонстрирует студенческая молодежь в отношении ЗОЖ, что подтвердило проведенное автором исследование.

Студенческая молодежь считает здоровье превалирующей социальной ценностью, рассматривая это понятие в основном через призму медицинских и социокультурных характеристик. Однако часть молодежи, не акцентирующая внимание на своем самочувствии (10 %), не включила здоровье в приоритетное направление жизнедеятельности. Провозглашение здоровья и ЗОЖ важными составляющими человеческой жизни на практике сопровождаются пагубными привычками: 18 % имеют деструктивные привычки в питании, 15 % не практикуют занятия спортом и физической активностью, более 40 % включены в альтернативные способы курения, четверть респондентов употребляет алкогольные напитки и энергетики, 15 % подвержены интернет-аддиктивным формам зависимости.

Представители студенческого сообщества продемонстрировали наличие теоретических знаний и практических навыков, касающихся методов и способов здоровьесбережения. Половина респондентов включена в занятия физической активностью на регулярной основе (в приоритете командные виды спорта, занятия в спортивных секциях и тренажерных залах), поддерживает нормативные значения ИМТ, знакома с основами осознанного питания, стремится снизить влияние на организм нездоровых потребительских моделей. Наименее востребованными практиками ведения ЗОЖ выступают диспансеризация и чередование режимов труда и отдыха. Большая часть респондентов знакома с правилами здорового питания, осознает их пользу, однако лишь четверть придерживается рекомендаций по их соблюдению.

Полностью удовлетворены уровнем полученных умений, навыков и знаний в области ведения ЗОЖ 49,5 % студенческой молодежи. Такой же процент респондентов оценил свой уровень как недостаточный и готов его повышать. Большая часть студентов положительно высказалась в отношении специальных мероприятий, проводимых в вузе и направленных на популяризацию ЗОЖ, однако их частота непозволительно мала. Целесообразно увеличить частоту их проведения и акцентировать внимание на формировании культуры здоровья, развитии навыков самоорганизации ЗОЖ, обучении навыкам здоровьесбережения.

Молодежь демонстрирует включенность и практический интерес к вопросам сохранения здоровья, при этом в качестве детерминант, сокращающих резервы здоровья,

выделяет отсутствие практических навыков ЗОЖ (49 %), образ жизни (48 %), напряженность учебного процесса (38 %), низкий уровень медобслуживания (35 %), неблагоприятные факторы экологии (36 %). На отношение молодежи к ведению ЗОЖ влияют такие факторы субъективного порядка, как: индивидуальные личностные особенности (76 %), внутренняя мотивация (39 %), наличие свободного времени (52 %), и такие объективного, как: спектр спортивно-оздоровительных ресурсов региона (20 %) и направленность государственной молодежной политики в области ЗОЖ (17 %). Так, на территории Тюменской области введен в действие ряд целевых программ, направленных на популяризацию культуры здоровья. Выделим следующие: «Формирование здорового образа жизни и профилактика инфекционных заболеваний населения в Тюменской области» на 2018–2025 годы»; проект «Тюменская область — территория здорового образа жизни!», направленный на создание в регионе единого воспитательного пространства, ориентирующего молодое поколение на ведение ЗОЖ; проект за здоровый образ жизни и активное долголетие «Город ЗОЖ. Тюмень», цель которого — обеспечить жителям города и региона возможности для оздоровления.

В ходе исследования четко обозначилось проблемное поле, непосредственно влияющее на формирование ЗОЖ студенческой молодежи. Несмотря на средний уровень сформированности представлений студентов о компонентах ЗОЖ, можно выделить факторы, которые обуславливают ракурс этих представлений, что зачастую искажает их правильность и эффективное внедрение в практику. Сегодня новые медиа (электронные СМИ, социальные сети, блогосфера), активно используемые студенческой молодежью, оказывают доминирующее воздействие на аксиологическую сферу личности, моделируя поведение (в том числе здоровьесберегающее) молодого поколения, определяя его жизненные приоритеты. Таким образом, источниками получения информации о составляющих ЗОЖ служат электронные ресурсы и соцсети. Недостаток мотивации и осознанности в необходимости ведения ЗОЖ тесно связан с индивидуальными установками по отношению к здоровью, с поведенческими привычками, привитыми членами семьи в младшем возрасте. Отсутствие условий и инфраструктуры для реализации принципов ЗОЖ, по мнению респондентов, обусловлено слабыми усилиями государства и неэффективной молодежной политикой в области поддержания здоровья, противоречием между активной законотворческой деятельностью и декларативным характером мер по здоровьесбережению молодежи. Стресс и эмоциональное напряжение, связанные с учебным процессом, — еще одна значимая проблема по формированию ЗОЖ. Современная образовательная среда, изобилующая большими информационными потоками и интерактивными технологиями, характеризуется отсутствием должного внимания к факторам личностного порядка, текущему физиологическому состоянию представителей студенческого сообщества, что неизбежно приводит к рецидивам заболеваний, установленных в медицинском анамнезе.

Отсутствие систематизированных знаний и апробации полученных навыков в ведении ЗОЖ на практике становится аспектом, дискредитирующим важность и значимость культуры здоровья и здоровьесберегающих технологий в жизни современной молодежи, смещая внутренний локус контроля за своим здоровьем на внешний, когда ответственность за резервы здоровья перекладывается на государство.

Выводы

Сегодня исследование вопросов, связанных с формированием ЗОЖ студенческой молодежи, становится все более актуальным в связи с тем, что молодое поколение активно включено в социальное пространство с высокими рискогенными факторами для здоровья. Как следствие, приоритет приобретает грамотное введение в повседневную практику методов и технологий здоровьесбережения [31, 32]. Несмотря на существование закреплённых на государственном уровне программ, ставящих своей целью трансформацию укоренившихся неэффективных моделей ведения ЗОЖ, очевидной становится тенденция постепенного вытеснения его отдельных аспектов из повседневной практики молодежи. Заинтересованность в приумножении резервов здоровья обуславливается «модными форматами», транслируемыми СМИ и представителями молодежной блогосферы [33].

Студенческой молодежи присущи проявление активной жизненной позиции, целеустремленность, стремление к познавательной деятельности и самообразованию, что может рассматриваться как благоприятные условия для конструирования основ ЗОЖ. Проведенное социологическое исследование подтверждает, что часть выявленных проблем формирования ЗОЖ студенческой молодежи должна решаться в процессе обучения и воспитания в рамках вуза. Ответственность за создание мотивирующих студентов условий и предоставление возможностей по реализации принципов ЗОЖ возлагается на руководителей и тьюторов учреждений высшего образования.

Выявленные барьеры поведенческого, социально-психологического, мотивационного, пропагандистского характера, несомненно, подлежат коррекции с точки зрения нивелирования их влияния на возможности современной молодежи использовать имеющиеся ресурсы (информационные, рекреационные, оздоровительные) своевременно и в профилактических целях.

Устранение большого количества стрессогенных факторов, возникающих в процессе обучения, возможно благодаря экосистемному подходу к популяризации здоровьесберегающих технологий в университетских корпорациях.

Анализ научной литературы по рассматриваемой тематике [34, 35] позволяет провести параллели с авторским исследованием и конкретизировать основные направления в области формирования ЗОЖ студенческой молодежи: активизация мер ментального побуждения, нацеленных на формирование мотивационной установки на ЗОЖ и ценностного отношения к резервам здоровья; углубление медицинских и гигиениче-

ских знаний и навыков; организация и проведение профилактических мероприятий по закреплению факторов ЗОЖ в повседневной практике; популяризация приоритетных веяний ЗОЖ студенческой молодежи, отработка способов эффективного управления стрессом.

Вклад авторов

Легостаева И. В.: проведение эмпирического исследования; написание статьи.

Белонозжко Л. Н.: теоретический анализ данных.

Фомичев И. Ю.: формулирование идеи, цели и задач исследования; разработка методологии.

Толмачева С. В.: научное редактирование статьи.

Authors' contributions

Irina V. Legostaeva: empirical study, writing.

Lydiya N. Belonozhko: theoretical data analysis.

Igor Yu. Fomichev: formulation of idea, aim and objectives of the study; methodology.

Svetlana V. Tolmacheva: scientific editing.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests. The authors declare no conflicts of interest.

Список источников

1. Осипова, Н. Г. Социальное конструирование здоровья современной российской молодежи: основные векторы отечественного дискурса / Н. Г. Осипова. <http://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-4-7-32>. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. – 2023. – № 29(4). – С. 7–32.
2. Козырева, П. М. Динамика самооценок здоровья россиян: актуальные тренды постсоветского периода / П. М. Козырева, А. И. Смирнов. – <http://doi.org/10.31857/S013>. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2020. – № 4. – С. 70–81.
3. Здравоохранение в России. 2021 : статистический сборник / Федеральная служба государственной статистики ; редкол.: П. А. Смелов [и др.]. – Москва : Росстат, 2021. – 171 с. – Текст : непосредственный.
4. Кислицына, О. А. Социальные различия в состоянии здоровья россиян: роль материальных, психосоциальных и поведенческих факторов / О. А. Кислицына. – <http://doi.org/10.21045/2071-5021-2023-69-3-7>. – Текст : электронный // Социальные аспекты здоровья населения [сетевое издание]. – 2023. – № 69(3). – URL: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1484/30/lang.ru>
5. Хабибуллина, А. Р. Оценки неравенства в здоровье россиян / А. Р. Хабибуллина, Е. А. Александрова, А. В. Аистов. – <http://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-3-117-138>. – Текст : непосредственный // Вопросы экономики. – 2021. – № (3). – С. 117–138.
6. Антонова, А. А. Здоровый образ жизни и здоровье современных студентов / А. А. Антонова, Г. А. Яманова. – <http://doi.org/10.23670/IRJ.2022.121.7.037>. – Текст : электронный // Международный научно-исследовательский журнал. – 2022. – №7(121). – URL: <https://research-journal.org/archive/7-121-2022-july/healthy-lifestyle-and-well-being-of-modern-students> (дата обращения: 10.01.2026).

7. Касьянов, В. В. Содействие здоровому образу жизни молодежи как ведущее направление государственной молодежной политики в современной России / В. В. Касьянов, П. С. Самыгин, А. К. Манучарян. – Текст : непосредственный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2022. – №7. – С. 65–70.
8. Общественное здоровье и развитие здравоохранения в регионах России / С. Н. Иванова. – <http://doi.org/10.12731/2658-6649-2021-13-2-47-63>. – Текст : непосредственный // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. – 2021. – Т. 13, № 2. – С. 47– 63.
9. Здоровый образ жизни в системе ценностных ориентаций студенческой молодежи / О. Е. Чуйков, Т. Н. Каменева, П. В. Ткаченко [и др.]. – <http://doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-4-621-624>. – Текст : непосредственный // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2022. – № 30(4). – С. 621–624.
10. Арсланбекова Э. М, Общечеловеческие ценности и здоровый образ жизни молодежи в аспекте спортивных мегасобытий / Э. М. Арсланбекова, Хунсюк Янг. – Текст : электронный // Инновационный потенциал молодежи: спорт, культура, образование : сборник научных трудов. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2022. – С. 470–474. – URL: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/113296>
11. Миронова, Ю. Г. Оценка эффективности социальной политики по формированию здорового образа жизни молодежи: региональный аспект (на примере Астраханской области) / Ю. Г. Миронова, Т. Н. Яковлева. – Текст : непосредственный // PRIMO ASPECTU. – 2022. – № 1(49). – С. 7–12.
12. Zajacova, A. The relationship between education and health: reducing disparities through a contextual approach/ A Zajacova, E. M. Lawrence. – <https://doi.org/10.1146/annurev-publhealth-031816-044628>. – Text : direct // Annual Review of Public Health. – 2018. – Vol. 39. – P. 273–289.
13. Барабаш, В. Г. Отношение студентов к своему здоровью и здоровому образу жизни/ В. Г. Барабаш, Н. Л. Литош. – Текст : непосредственный // Современные вопросы биомедицины. – 2022. – Т. 6, № 3(20). – С. 21–26.
14. Гужова, П. А. Здоровый образ жизни: позиция студентов / П. А. Гужова. – <http://doi.org/10.20339/AM.10-21.038>. – Текст : непосредственный // Alma Mater (Вестник высшей школы). – 2021. – № 10. – С. 38–45.
15. Здоровый образ жизни в оценках молодежи / Л. А. Журавлева, Е. В. Зарубина, А. В. Ручкин [и др.]. – <http://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10951>. – Текст: непосредственный // Образование и право. – 2020. – № 9. – С. 322-329.
16. Журавская, Н. С. К вопросу о формировании восприятия здорового образа жизни студенческой молодежи (на примере студентов Владивостокских вузов) / Н. С. Журавская, М. В. Аленицкая, В. А. Янович. – <http://doi.org/10.35627/2219-5238/2022-30-12-37-44>. – Текст : непосредственный // Здоровье населения и среда обитания – ЗНиСО. – 2022. – № 30(12). – С. 37–44.
17. Симаева, И. Н. Самосохранительный аттитюд подростков и молодежи в период пандемии / И. Н. Симаева, А. О. Бударина. – <https://doi.org/10.12731/2658-6649-2021-13-4-75-98>. – Текст : непосредственный // Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture. – Т.13, № 24. – С.75–98.
18. Солодухина, Д. П. Исторический анализ концепций здоровья и болезни / Д. П. Солодухина. – Текст : электронный // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2021. – № 1. – 23. – URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/23SCSK121.pdf> (дата обращения: 14.01.2026).
19. Баер, Е. А. Трансформация ценностных установок современной молодежи : от девиаций к спортивному стилю жизни в условиях разных муниципальных образований / Е. А. Баер и С. А. Гадарова. – Текст : непосредственный // Теория и практика физической культуры. – 2023. – Т. 7. – С. 63–65.

20. Introduction of Technology to Support Young People's Care and Mental Health — A Rapid Evidence Review / G. Ramshaw, A. McKeown, R. Lee [et al.]. — Text : direct // Child & Youth Care Forum — 2022. — Vol. 52. — Issue 3. — P. 509–531.
21. Закирова, А. И. Отношение студентов к здоровому образу жизни / А. И. Закирова, О.Г. Литовченко, А. В. Тостановский. — <http://doi.org/10.17116/profmed20232603175>. — Текст : непосредственный // Профилактическая медицина. — 2023. — Т. 26, № 3. — С. 75–80.
22. Состояние здоровья студенческой молодежи: тенденции, проблемы, решения / Е. В. Фазлеева, А. С. Шалавина, Н. В. Васенков [и др.]. — Текст : электронный // Мир науки. Педагогика и психология. — 2022. — Т. 10, № 5. — 1. — URL: <https://mir-nauki.com/PDF/01PDMN522.pdf> (дата обращения: 04.01.2026).
23. Гареева, И. А. Здоровый образ жизни студенческой молодежи как социальная ценность и реальная практика (по материалам социологического исследования) / И. А. Гареева, А. В. Конобейская. — <http://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-93-4-178-190>. — Текст : непосредственный // Власть и управление на Востоке России. — 2020. — № 4(93). — С.178–190.
24. Effect of internet addiction on sleep quality, physical activity and cognitive status among university students/ S. Ercan, H. Acar, E. Arslan [et al.]. — <http://doi.org/10.4274/jtsm.galenos.2021.96158>. — Text : direct // Turkish Journal of Sleep Medicine. — 2021. — Vol. 1. — P. 49–56.
25. Исследование мотивации студенческой молодежи к здоровому образу жизни / Н. В. Лазуренко, Н. Н. Подпорошникова, М. Е. Поленова [и др.]. — <http://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-3-405-411>. — Текст : непосредственный // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2023. — Т. 31, № 3. — С. 405–411.
26. Игнатенко, И. П. Физическая культура и здоровый образ жизни современной молодежи / И. П. Игнатенко. — Текст : непосредственный // Актуальные исследования. — 2024. — № 5(187). — Ч. III. — С. 59–61.
27. Чилаева, М. Т. Факторы формирования здорового образа жизни молодежи / М. Т. Чилаева. — Текст : непосредственный // Известия института философии, политологии и права имени А. Баховаддинова национальной академии наук Таджикистана. — 2023. — № 2. — С.140–144.
28. Duke, N. Schooling, Skills, and Self-rated Health: A Test of Conventional Wisdom on the Relationship between Educational Attainment and Health / N. Duke, R. Macmillan. — Text : direct // Sociology of Education. — 2016. — Vol. 89. — Issue 3. — P. 171–206.
29. Вдовина, Л. Н. Здоровый образ жизни: самосохранительное поведение студенческой молодежи ЦФО / Л. Н. Вдовина. — <http://doi.org/10.20339/AM.09-23.029>. — Текст : непосредственный // Alma Mater (Вестник высшей школы). — 2023. — № 9. — С. 29–37.
30. Механизмы формирования системы мотивации молодежи к здоровому образу жизни / Е. С. Садовников, Г. Е. Середина, Н. В. Сведерек, Н. В. Серединцева. — <http://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2022.12.p497-504>. — Текст : непосредственный // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. — 2022. — № 12(214). — С.497–504.
31. Relationships among physical activity, sleep duration, diet, and academic achievement in a sample of adolescents / R. D. Burns, Y. Fu, T. A. Brusseau [et al.]. — Text : direct // Preventive Medicine Reports. — 2018. — Vol. 12. — P. 71–74.
32. Holden, C. L. Health-promoting behaviors, relationship satisfaction, and resilience among a community sample / C. L. Holden, P. Rollins, M. Gonzalez. — <http://doi.org/10.1007/s10591-021-09624-3>. — Text : direct // Contemporary Family Therapy. — 2023. — Vol. 45, Issue 2. — P. 46–56.
33. Воробьев, Г. А. Формирование установки на здоровый образ жизни как мера профилактики девиантного поведения среди молодежи / Г. А. Воробьев, Н. Х. Гафиатулина, С. И. Самыгин. — <http://doi.org/10.23672/SAE.2019.10.39003>. — Текст : непосредственный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2019. — № 10. — С. 54–58.

34. Bauldry, S. Conditional health-related benefits of higher education: An assessment of compensatory versus accumulative mechanisms / S. Bauldry. – Text : direct // *Social Science & Medicine*. – 2014. – Vol. 111. – P. 94–100.

35. Hessel, P. Invited commentary to: Lynch and von Hippel “An education gradient in health, a health gradient in education, or a confounded gradient in both?” / P. Hessel, J. S. Thomas. – Text : direct // *Social Science & Medicine*. – 2016. – Vol. 158. – P. 168–170.

References

1. Osipova, N. G. (2023). Social construction of health of modern Russian youth: main vectors of domestic discourse. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*, 29(4), pp. 7-32. (In Russ.) <http://doi.org/10.24290/1029-3736-2023-29-4-7-32>.
2. Kozyreva, P. M., & Smirnov, A. I. (2020). Dynamics of self-assessments of health of Russians: current trends of the post-Soviet period. *Sotsiologicheskiye issledovaniya*, (4), pp. 70-81. (In Russ.) <http://doi.org/10.31857/S013>
3. Zdravookhraneniye v Rossii.(2021). Statistical collection. Moscow, Rosstat Publ., 171 p. (In Russ.).
4. Kislytsyna, O. A. (2023). Social differences in the health status of Russians: the role of material, psychosocial and behavioral factors. *Sotsial'nyye aspekty zdorov'ya naseleniya*, 69(3). (In Russ.). <http://doi.org/10.21045/2071-5021-2023-69-3-7> Available at: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/1484/30/lang.ru>
5. Khabibullina, A. R., Aleksandrova, E. A., & Aistov, A. V. (2021). Estimates of health inequality in Russians. *Voprosy ekonomiki*, (3), pp. 117-138. (In Russ.) <http://doi.org/10.32609/0042-8736-2021-3-117-138>
6. Antonova, A. A., & Yamanova, G. A. (2022). Healthy lifestyle and well-being of modern students. *Mezhdunarodnyy nauchno-issledovatel'skiy zhurnal*, 7(121). (In Russ.) <http://doi.org/10.23670/IRJ.2022.121.7.037> Available at: <https://research-journal.org/archive/7-121-2022-july/healthy-lifestyle-and-well-being-of-modern-students>
7. Kasyanov, V. V., Samygin, P. S., & Manucharyan, A. K. (2022). Promoting a healthy lifestyle for youth as a leading direction of state youth policy in modern Russia. *Gumanitarnyye, sotsial'no-ekonomicheskiye i obshchestvennyye nauki*, (7), pp. 65-70. (In Russ.).
8. Ivanova, S. N. (2021). Public Health and Health Care Development in the Regions of Russia. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 13(2), pp. 47-63. (In Russ.). <http://doi.org/10.12731/2658-6649-2021-13-2-47-63>
9. Chuikov, O. E., Kameneva, T. N., Tkachenko, P. V., Zulfugarzade, T. E., Nuzhnykh, M. A., & Tsybaneva, A. D. (2022). The Healthy life-style in the system of value orientations of students youth. *Problems of social hygiene, public health and history of medicine*, 30(4), pp. 621-624. (In Russ.). <http://doi.org/10.32687/0869-866X-2022-30-4-621-624>.
10. Arslanbekova, E. M., & Yang, H. (2022). Human Values and Healthy Lifestyle of Youth in the Aspect of Sports Mega-Events. *Innovative Potential of Youth: Sports, Culture, Education*, pp. 470-474. (In Russ.) Available at: <http://elar.urfu.ru/handle/10995/113296>
11. Mironova, Yu. G., & Yakovleva, T. N. (2022). Evaluation of the effectiveness of social policy for the formation of a healthy lifestyle of youth: regional aspect (on the example of the Astrakhan region). *PRIMO ASPECTU*, 1(49), pp. 7-12. (In Russ.).
12. Zajacova, A., & Lawrence, E. M. (2018). The relationship between education and health: reducing disparities through a contextual approach. *Annual Review of Public Health*, (39), pp. 273-289. (In English). <https://doi.org/10.1146/annurev-publhealth-031816-044628>
13. Barabash, V. G., & Litosh, N. L. (2022). Attitude of students to their health and healthy lifestyle. *Modern Issues of Biomedicine*, 6(3), pp. 21-26. (In Russ.).
14. Guzhova, P. A. (2021). Healthy lifestyle: students' position. *Alma Mater (Vestnik vysshey shkoly)*, (10), pp. 38-45. (In Russ.) <http://doi.org/10.20339/AM.10-21.038>

15. Zhuravleva, L. A., Zarubina, E. V., Ruchkin, A. V., Simachkova N. N., & Chupina I. P. (2020). Healthy lifestyle in estimates of youth. *Obrazovaniye i pravo*, (9), pp. 322-329. (In Russ.). <http://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10951>
16. Zhuravskaya, N. S., Alenitskaya, M. V., & Yanovich, V. A. (2022). On the issue of forming the perception of a healthy lifestyle among students (on the example of students of Vladivostok universities). *Public Health and Life Environment – PH&LE*, 30(12), pp. 37-44. (In Russ.). <http://doi.org/10.35627/2219-5238/2022-30-12-37-44>
17. Simaeva, I. N., & Budarina, A. O. (2021). Self-Preservation Attitudes of Youth and Adolescents during the COVID-19 Pandemic. *Siberian Journal of Life Sciences and Agriculture*, 13(4), pp. 75-98. (In English). <http://doi.org/10.12731/2658-6649-2021-13-4-75-98>.
18. Solodukhina, D. P. (2021). Historical review of the concepts of health and disease. *Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya*, (1). (In Russ.). Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/23SCSK121> (accessed 14.01.2026).
19. Bayer, E. A., & Gadarova, S. A. (2023). Transformation of value attitudes of modern youth: from deviations to a sporty lifestyle in conditions of different municipalities. *Teoriya i praktika fizicheskoy kultury*, (7), pp. 63-65. (In Russ.).
20. Ramshaw, G., McKeown, A., Lee, R., Conlon, A., Brown, D., & Kennedy, P. J. (2022). Introduction of Technology to Support Young People's Care and Mental Health – A Rapid Evidence Review. *Child & Youth Care Forum*, 52(3), pp. 509-531. (In English).
21. Zakirova, A. I., Litovchenko, O. G., & Tostanovsky, A. V. (2023). Attitude of students toward a healthy lifestyle. *Russian journal of preventive medicine and public health*, 26(3), pp. 75-80. (In Russ.). <http://doi.org/10.17116/profmed20232603175>.
22. Fazleeva, E. V., Shalavina, A. S., Vasenkov, N. V., Martyanov O. P., & Fazleev A. N. (2022). Health status of youth: trends, problems, solutions. *Mir nauki. Pedagogika i psikhologiya*, 10(5). (In Russ.). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/01PDMN522.pdf> (accessed 04.01.2026).
23. Gareeva, I. A., & Konobeyskaya, A. V. (2020). Healthy lifestyle of students as a social value and real practice (based on sociological research). *Vlast' i upravleniye na Vostoke Rossii*, 4(93), pp. 178-190. (In Russ.) <http://doi.org/10.22394/1818-4049-2020-93-4-178-190>
24. Ercan, S., Acar, H., Arslan, E., Canbulut, A., Ogul, A., & Çetin, C. (2021). Effect of internet addiction on sleep quality, physical activity and cognitive status among university students. *Turkish Journal of Sleep Medicine*, (1), pp. 49-56. (In English). <http://doi.org/10.4274/jtsm.galenos.2021.96158>
25. Lazurenko, N. V., Podporinova, N. N., Polenova, M. E., Kovalchuk, O. V., & Nikulina, T. V. (2023). The studying of motivation of student youth to healthy life-style. *Problems of social hygiene, public health and history of medicine*, 31(3), pp. 405-411. (In Russ.) <http://doi.org/10.32687/0869-866X-2023-31-3-405-411>
26. Ignatenko, I. P. (2024). Physical culture and healthy lifestyle of modern youth. *Aktual'nyye issledovaniya*, 5(187), part III, pp. 59-61. (In Russ.).
27. Chilaeva, M. T. (2023). Factors in the formation of a healthy lifestyle for young people. *Izvestiya instituta filosofii, politologii i prava imeni A. Bakhovaddinova natsional'noy akademii nauk Tadzhikistana*, (2), pp.140-144. (In Russ.).
28. Duke, N., & Macmillan, R. (2016). Schooling, Skills, and Self-rated Health: A Test of Conventional Wisdom on the Relationship between Educational Attainment and Health. *Sociology of Education*, 89(3), pp. 171-206. (In English).
29. Vdovina, L. N. (2023). Healthy lifestyle: self-preservation behavior of student youth in the Central Federal District. *Alma Mater (Vestnik vysshey shkoly)*, (9), pp. 29-37. (In Russ.) <http://doi.org/10.20339/AM.09-23.029>.
30. Sadovnikov, E. S., Seredina, G. E., Svederek, N. V., & Seredintseva, N. V. (2022). Mechanisms of forming a system of motivation for youth to a healthy lifestyle. *Uchenyye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta*, 12(214), pp. 497-504. (In Russ.). <http://doi.org/10.34835/issn.2308-1961.2022.12.p497-504>

31. Burns, R. D., Fu, Y., Brusseau, T.A., Clements-Nolle, K., & Yang, W. (2018). Relationships among physical activity, sleep duration, diet, and academic achievement in a sample of adolescents. *Preventive Medicine Reports*, (12), pp. 71-74. (In English).
32. Holden, C. L., Rollins, P., & Gonzalez, M. (2023). Health-promoting behaviors, relationship satisfaction, and resilience among a community sample. *Contemporary Family Therapy*, 45(2), pp. 146-156. (In English). <http://doi.org/10.1007/s10591-021-09624-3>.
33. Vorobyov, G. A., Gafiatulina, N. K., & Samygin, S. I. (2019). Forming a plant for a healthy lifestyle as a measure of preventing deviant behavior among youth. *Humanities, social-economic and social sciences*, (10), pp. 55. (In Russ.). <http://doi.org/10.23672/SAE.2019.10.39003>
34. Bauldry, S. (2014). Conditional health-related benefits of higher education: An assessment of compensatory versus accumulative mechanisms. *Social Science & Medicine*, (111), pp. 94-100. (In English).
35. Hessel, P., & Thomas, J. S. (2016). Invited commentary to: Lynch and von Hippel "An education gradient in health, a health gradient in education, or a confounded gradient in both?". *Social Science & Medicine*, (158), pp. 168-170. (In English).

Информация об авторах / Information about the authors

Легостаева Ирина Владимировна, старший преподаватель кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, legostaevaiv@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-3154-200X>

Белонозко Лидия Николаевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

Фомичев Игорь Юрьевич, доктор социологических наук, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, fomichevij@tyuiu.ru

Толмачева Светлана Владимировна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7808-0050>

Irina V. Legostaeva, Senior Lecturer at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, legostaevaiv@tyuiu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0005-3154-200X>

Lidiya N. Belonozhko, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, belonozhkoln@tyuiu.ru

Igor Yu. Fomichev, Doctor of Sociological Sciences, Professor at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, fomichevij@tyuiu.ru

Svetlana V. Tolmacheva, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7808-0050>

Поступила в редакцию / Received 16.01.2026

Поступила после рецензирования / Revised 18.02.2026

Принята к публикации / Accepted 20.02.2026

Научная статья / Original research article

УДК 316.4

DOI: <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-79-90>

EDN: CHLFRP

Перспективы развития частной медицины в условиях реформирования системы здравоохранения (социологический анализ)

И. Я. Михалевич

Сеть медицинских центров «Доктор Арбитайло», Тюмень, Российская Федерация
mikhalevich@dok-a.ru

Аннотация. Актуальность статьи обоснована высокой значимостью социальной сферы, к которой относится и отрасль здравоохранения, и современной повесткой необходимости сохранения и развития человеческого потенциала. За свое существование отрасль здравоохранения перенесла различные состояния развития и функционирования: от всеобъемлющего и безвозмездного оказания медицинской помощи до укореняющихся с каждым годом медицинских услуг на коммерческой основе. Социальные трансформации, не прекращающиеся последние десятилетия и обусловленные политическими, экономическими и иными факторами, не могли не нанести отрасли урон, в том числе затронув и удовлетворенность населения оказанием помощи и в целом доверие к медицине. При этом наиболее четким индикатором благополучия в сфере здоровья является удовлетворенность населения от взаимодействия с системой здравоохранения на разных уровнях общественной жизни. Была выдвинута гипотеза, что на фоне накопившихся в отрасли проблем, связанных с нескончаемыми модернизациями и реформированием, уровень удовлетворенности государственным медицинским обслуживанием крайне низок. В то время как коммерческий сектор здравоохранения, получивший широкое распространение, способен охватить и удовлетворить повышающиеся потребности населения, дополняя и существенно разгружая государственный сектор. Для проверки или опровержения предположений обратимся к результатам исследований, проведенных автором в 2024 г., на примере города Тюмень. Методами исследования выступили массовое анкетирование (всего было опрошено 380 человек в возрасте от 18 лет и старше, структура выборки соответствует структуре генеральной совокупности и репрезентирует население Тюмени) и экспертный опрос специалистов, занятых в сфере управления отраслью здравоохранения (опрошен 101 человек). На основании полученных данных сформированы представления о недостатках государственной системы здравоохранения, оценено отношение населения к получению медицинских услуг на коммерческой основе и сделаны выводы о перспективах развития потребительского поведения на рынке медицинских услуг.

Ключевые слова: реформирование отрасли здравоохранения, удовлетворенность государственным медицинским обслуживанием

Для цитирования: Михалевич, И. Я. Перспективы развития частной медицины в условиях реформирования системы здравоохранения (социологический анализ) / И. Я. Михалевич. – <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-79-90> // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2026. – № 1. – С. 79–90. – EDN: CHLFRP

© И. Я. Михалевич, 2026

Prospects for the development of consumption of commercial services in healthcare in the context of industry reform (sociological analysis)

Irina Ya. Mikhalevich

Network of medical centers Doctor Arbitailo, Tyumen, Russian Federation
mikhalevich@dok-a.ru

Abstract. The relevance of this article comes from the high importance of the social sphere, including healthcare, in the current agenda of preserving and developing human potential. The healthcare sector has experienced various stages of evolution, transitioning from universally free medical care to a substantial increase in fee-based medical services. The ongoing social transformations in the last decades, influenced by political, economic, and other factors, have crippled the healthcare system. These changes have also influenced public satisfaction with healthcare services and overall trust in the medical profession. But the clearest indicator of well-being in the healthcare sector is the level of patient satisfaction with healthcare interactions across various levels of society. The author of this article made a hypothesis that, due to longstanding issues related to continuous modernization and reform, public healthcare satisfaction remains low. Conversely, the private healthcare sector has expanded significantly, meeting the increasing public demand and helping to alleviate pressure on the public system. To verify or refute these assumptions, the author conducted a sociological study that included a mass survey in the city of Tyumen and corresponded to the general population. Also, the author conducted an expert survey involving healthcare management professionals. Based on the data, the researcher formed an idea of shortcomings of the public healthcare system, assessed public attitudes toward private medical services, and draw conclusions about the prospects for consumer behavior in the healthcare market.

Keywords: reform of the healthcare sector, satisfaction with public health services

For citation: Mikhalevich, I. Y. (2026). Prospects for the development of consumption of commercial services in healthcare in the context of industry reform (sociological analysis). Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, (1), pp. 79-90. (In Russ.). <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-79-90>

Введение

В современной России непрерывно ведется реформирование отрасли здравоохранения, направленное на оптимизацию ее системы управления и финансирования. Цель реформирования заключается в повышении эффективности, качества и доступности медицинских услуг, предоставляемых населению. К сожалению, некоторые процессы сталкиваются с рядом ограничений либо приводят к негативным социальным последствиям, и рассмотрение таких процессов особенно важно для понимания результатов реформирования в здравоохранении. В медицинской отрасли накопились проблемы технически отсталого оборудования, ухудшения доступности медицинской помощи, слабого стимулирования для работников здравоохранения, снижения качества оказываемых услуг, общественной неудовлетворенности медицинским обслуживанием [1]. Одной из основных проблем считается недостаточный уровень финансирования, обостряющий материально-технические и кадровые вопросы.

Политические, экономические и социальные трансформации, рост неудовлетворенности среди населения качеством и сервисом предоставляемых медицинских услуг привели к расширению роли частного сектора, что хотя и способствует, в некоторых случаях, конкуренции и повышению качества, также способно вызывать неравенство.

Последствием подобного расширения возможностей выбора для потребителей является легитимизация товарно-денежных отношений, ранее недоступных для отрасли здравоохранения. В чисто экономическом понимании рынок, как известно, предстает автономным механизмом спроса и предложения, действующим на уровне фирмы, отрасли, территории [2]. Причем речь идет не просто об агрегированной совокупности индивидуальных актов обмена между покупателями и продавцами, а относительно автономной от остальной части общества и самодостаточной системе со встроенным механизмом саморегуляции спроса и предложения по тем или иным видам продуктов (товаров, услуг, работ).

Материалы и методы

М. Грановеттер, определяя рынок, в том числе рынок медицинских услуг, говорит о встроенности и включенности социально и структурно укорененных связей в данный исторический период и в данном обществе, что снова обнажает проблематику развития сектора коммерческих услуг в такой социально-значимой отрасли, как здравоохранение [3]. М. Олсон, исследуя общественные блага, относит к ним медицинские услуги и отмечает проблематику их потребления, поскольку любой рационально действующий индивид, нуждаясь в помощи, стремится к экономии своих ресурсов, желая получить блага как продукт коллективного действия [4]. В рамках классического наследия М. Вебера понятие рынка рассматривается не только с позиции действующих с заинтересованностью акторов, но и традициями, конвенциями и законодательными актами, в соответствии с которыми акторы принимают заданные ограничения, как бы «привыкая и смиряясь» с установленными правилами игры [5]. Для исследования рынка медицинских услуг имеет большое значение влияние социальных, культурных, когнитивных и иных факторов, формирующих мировоззрение, интересы и способы действия населения в определенных ситуациях.

Все большее число разных видов человеческой деятельности обретает ту или иную степень денежной стоимости и фактически становится товарами, покупаемыми и продаваемыми на рынке. Тематику коммодификации жизненно важных благ, таких как медицинские услуги, изучали многие отечественные авторы: С. В. Шишкин, И. М. Шейман, А. В. Решетников, А. Г. Вишневский и др., рассматривая реформирование российского здравоохранения и ключевые организационно-экономические проблемы, связанные с ним. Особое внимание уделяется направлениям государственной политики, отвечающим за реализацию национальных проектов и иных крупномасштабных программ, призванных привести значимые изменения в функционирование системы здравоохранения, в том числе в развитие рынка платных медицинских услуг [6–8].

Дискуссии о справедливом производстве распределения общественных благ и оптимальности присутствия государства и его регулирования в отрасли здравоохранения обнаруживают тему прикладного социологического исследования, разделенного на два этапа. Первый этап: социокультурный мониторинг, проводимый в 2013 г. на территории Тюменской области (ТО), включая Ханты-Мансийский автономный округ —

Югру (ХМАО) и Ямало-Ненецкий автономный округ (ЯНАО). Всего по массовой анкете было опрошено 3 054 человека в возрасте от 18 лет и старше. Структура выборки соответствует структуре генеральной совокупности и репрезентирует население трех субрегионов (юг Тюменской области, ХМАО, ЯНАО) [9]. Второй этап: проведение в 2024 г. на территории Тюмени. Всего было опрошено по массовой анкете 380 человек в возрасте от 18 лет и старше (структура выборки соответствует структуре генеральной совокупности и репрезентирует население города) и проведен экспертный опрос 101 специалиста — управленца в сфере здравоохранения. Гипотезой исследования становится предположение, что на основании непрекращающихся проблем в медицинской отрасли отмечается низкий уровень удовлетворенности государственным медицинским обслуживанием, задачей сектора коммерческого здравоохранения является обеспечение свободы выбора как в отношении качества, так и объема предоставляемых услуг. В условиях, когда государственная система здравоохранения не всегда способна охватить все потребности населения, платные услуги выступают важным дополнением, существенно разгружая государственный сектор.

Результаты и обсуждение

Это утверждение обосновывается результатами социологического исследования, проведенного в ТО. Анализируя в динамике 2013–2024 гг. удовлетворенность населения Тюменской области (ТО) системой государственного медицинского обслуживания, можно сделать вывод, что за весь период наблюдений доля тех, кого в целом удовлетворяет медицинское обслуживание, составляет не более 20–30 %. Одной из самых популярных причин неудовлетворенности во все годы остается фактор труднодоступности записи к врачу и, как следствие, длительного ожидания приема и больших очередей (60–70 % опрошенного населения).

На наш взгляд, платный сектор в здравоохранении способен предоставить более быстрый доступ к медицинским услугам, что в экстренных ситуациях становится особенно критичным и способствует диагностике различных заболеваний на более ранних этапах, когда они поддаются эффективному лечению. Таким образом с пациентом выстраиваются долгосрочные отношения, все больше вовлекающие его в ответственность за состояние собственного здоровья [10]. Однако ретроспективное обращение к результатам прошлых волн исследования (2013) позволяют оценить отношение населения к платным медицинским услугам и выявить стратегии его поведения. Сложившийся еще в советскую эпоху стереотип о бесплатной и доступной для всех слоев населения медицине был достаточно сильно укоренен в умах и сердцах людей. Несмотря на высокий уровень неудовлетворенности государственным медицинским обслуживанием, население не выражает приверженности к потреблению платных медицинских услуг, отмечая негативную реакцию при попытках соединения бизнеса и здоровья. Рассмотрены были такие факторы, как регион проживания, уровень субъективной оценки соб-

ственного здоровья и уровень материального благополучия. Выявлено, что вне зависимости от региона проживания (а эта массовая анкета распространялась среди жителей юга ТО, ХМАО и ЯНАО) опрошенные жители в большинстве своем предпочитают получать услуги на безвозмездной основе. Однако среди жителей юга ТО в некоторой доле (до 15 против 8 %) отмечается уже большая готовность к самостоятельной оплате медицинских услуг, но в целом она остается на низком уровне.

На процент обратившихся в частное учреждение не влияет уровень самооценки здоровья. Чем здоровее считает себя респондент, тем меньшую готовность вкладывать собственные средства в последующее сохранение и поддержание здоровья он выражает. Не более 10 % от каждой группы самооценки здоровья (начиная с имеющих хронические заболевания и обращающихся в лечебные учреждения иногда, по случаю, и заканчивая теми, кто считает себя абсолютно здоровым) предпочитают посещать платные медицинские центры, выбирая услуги в рамках полиса обязательного медицинского страхования (ОМС).

Особенно интересно проанализировать зависимость между уровнем материального благополучия и желанием самостоятельно оплачивать расходы на свое здоровье и здоровье семьи. Логичной, на первый взгляд, кажется закономерность, что чем ниже уровень дохода (денег хватает лишь на удовлетворение повседневных потребностей), тем выше процент выбирающих безвозмездное медицинское обслуживание. Однако лица со средним уровнем дохода и даже не имеющие материальных затруднений (в несколько меньшей степени, 14 % готовы платить против 8 % из других групп) тоже предпочитают государственное медицинское обслуживание.

Подводя черту исследованиям прошлых десятилетий (за основу взят 2013 г.), можно заключить, что большая часть населения, вне зависимости от региона проживания, уровня материального благополучия и самооценки здоровья, предпочитает медицинские услуги в рамках полиса ОМС. Население выражало однозначную неготовность пользоваться платными медицинскими услугами и вкладывать собственные средства в поддержание своего здоровья и профилактику заболеваний. Для полноценного анализа ситуации на рынке медицинских услуг критически важно узнать у населения, насколько в наши дни оно готово обращаться в коммерческие учреждения, а также проследить динамику изменений общественного мнения, если таковая имеется. В качестве гипотезы предположим, что по прошествии времени рынок платных медицинских услуг развивается, процветает и отношение населения к нему более лояльно.

По данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации, эта гипотеза подтверждается ежегодным увеличением числа частных медучреждений. В структуре платных услуг населению медицинские расходы, достигающие 10 % к итогу года, отмечены ежегодным ростом, о чем свидетельствует все более активное привлечение населения к соплатежам [11].

Такое энергичное развитие сектора коммерческого здравоохранения обусловлено перегруженностью государственных медучреждений и недостатком квалифицированного врачебного персонала, вследствие чего происходит столкновение конечного потребителя — пациента — с очередями и длительным ожиданием.

Безусловно, как любой бизнес коммерческие медицинские учреждения ставят своей целью максимизацию прибыли и побуждают к инвестициям в применение современных методов лечения, недоступных порой для государственного сектора, использование высококвалифицированного труда медицинских кадров, стремящихся к постоянному повышению уровня компетенций, развитию высокоэффективной материально-технической базы.

Все вышеописанное в конечном итоге способствует повышению уровня удовлетворенности населения услугами в здравоохранении. Таким образом, вторичная выгода от развития рынка платных медицинских услуг состоит в улучшении репутации и повышении доверия к медучреждениям в целом [12].

В исследовании 2024 г. был сформулирован вопрос о стратегиях поведения пациентов при возникновении необходимости медицинских услуг. Были получены ошеломительные результаты относительно прошлых волн исследований. Примечательно, что 61 %, абсолютное большинство, делает выбор в пользу коммерческого учреждения здравоохранения и лишь треть, 32 %, выбирает обратиться в государственную поликлинику, предоставляющую услуги по полису ОМС. В подобных реалиях встает вопрос необходимости репозиционирования здравоохранения в глазах общественности, поскольку функционирование его исторически строилось и строится на принципах общественной солидарности, когда объем потребления не должен зависеть только от платежеспособности человека [13].

Отличительной особенностью функционирования медицинской отрасли России и путей ее развития оказывается «мировоззренческое двоевластие» — противоречие, где, с одной стороны, во главе общественная значимость отрасли и пропаганда бескорыстного служения, с другой — медицина входит в отрасли экономики со всеми присущими чертами и условиями рынка. Основным из вызовов политики государства становится установление баланса оптимального соотношения рыночных механизмов и планового регулирования. Дисбаланс, когда идеология всеобщей безвозмездной доступности уже не работает в полном объеме, а альтернатива — самостоятельная оплата, до конца не принята, в качестве культуры потребления медицинских услуг болезненно воспринимается большей частью населения.

Для подтверждения или опровержения вышеописанного противоречия обратимся к результатам авторского социологического исследования, проведенного среди жителей Тюмени и выявившего модели социальных взаимодействий индивида в региональной системе здравоохранения. По результатам, население региона не в полном объеме удовлетворенно государственным медицинским обслуживанием по при-

чине длительного ожидания записи на прием, больших очередей, дефицита медицинских кадров, и, как следствие, повышенной нагрузки на врачей. Высокий процент (61 %) респондентов, пользующихся платными медицинскими услугами при возникновении потребности, означает, что население просто вынуждено их выбирать [14]. Естественно, существуют некоторые различия в половозрастной структуре использующих стратегии выбора платной медицинской помощи. Так, больше склонны доверяться ей женщины — 62 %. Однако и 56 % мужчин демонстрирует доверие. В основном мужчины более предрасположены к экономии на собственном здоровье или игнорированию проблем. Выбирают не обращаться в медучреждение при наступлении болезни 7 % опрошенных. Если относительных различий по полу не выявлено, то возраст становится фактором, способным сформировать определенную стратегию поведения. Самыми непротивительными по отношению к уровню сервиса и качеству лечения, по понятным причинам, становятся молодые люди 18–24 лет. Это может быть определено недостаточным уровнем материального благополучия в юные годы и отсутствием в анамнезе заболеваний, осложняющих течение болезни. По мере взросления (возрастные группы от 25 до 64 лет) и, так или иначе, росту уровня доходов пациенты, а именно 60 %, предпочитают коммерческие учреждения здравоохранения. В возрастной группе от 65 лет 71 % — и это самый высокий результат — выбирают для себя платные учреждения.

Отмечено наличие корреляции между уровнем образования и стратегией поведения индивида при выборе медицинской помощи. Так, лица со средним специальным, неоконченным высшим, высшим образованием или ученым званием делают выбор в пользу платных медицинских услуг. При этом лица со средним и начальным профессиональным образованием практически в 70 % случаев выбирают обращение по полису ОМС. Проанализирован был и род деятельности респондентов. Выявилось, что больший процент предпочитает коммерческую медицину. Чем выше по карьерной лестнице поднимается человек, тем в большей степени он готов нести материальные издержки для получения квалифицированной помощи. Исключением становятся лица из групп студентов и рабочих, мнение которых делится примерно поровну, в то время как лица, не имеющие работу вообще и не собирающиеся на нее устраиваться, выбирают тем или иным способом пользоваться платными медицинскими услугами.

Совершенно логично, что самым значительным фактором, определяющим стратегию поведения индивида при выборе метода получения медицинской помощи, становится уровень дохода [14]. Результаты исследования подытоживают предположения о прямой зависимости между уровнем благосостояния и готовностью пользоваться коммерческой медициной. Так, чем выше уровень — тем больше готовность. Вне зависимости от группы по уровню дохода, опрошенное население выбирает коммерческую медицину. Требуется отдельного внимания факт, что группа лиц с доходом ниже среднего, отмечающая, что денег на многое не хватает, практически

в равных долях делает выбор как в пользу государственной медицины, так и коммерческой. Разрыв в этой группе оказался минимален: 46 % предпочитают обслуживание по полису ОМС, 51 % даже в таком материальном положении выбирает (или вынужден выбирать) платные медицинские услуги. При этом закономерно выявлено, что по мере увеличения материального благополучия и роста уровня доходов увеличивается и процент количества опрошенных потребителей, которые отдают предпочтение коммерческим услугам, а не государственным бесплатным. Несмотря на то, что среди лиц с высоким доходов 81 % предпочитает беречь свое время и комфорт и прибегать к платным услугам, 6 % лиц без финансовых затруднений все равно изъявляют желание получать декларируемую государством бесплатную медицинскую помощь в рамках обязательного медицинского страхования. С учетом таких однозначных результатов в вопросах выбора стратегии обращения в коммерческие учреждения здравоохранения важно осознать и принять причины эволюции поведения. Результаты представлены ниже в диаграмме.

Рис. 1. Основные причины обращения в частное (платное) медицинское учреждение (возможен выбор нескольких вариантов ответов)

Fig. 1. Key reasons for visiting private (fee-based) medical institutions (multiple responses allowed)

Выводы

Полученные ответы потребителей однозначно свидетельствуют о том, что потребность экономить свои временные ресурсы и желание получать не просто медицинскую услугу, а сервис с индивидуальным подходом преобладает. Исходя из вышеописанных недостатков государственного медицинского обслуживания, можно опре-

делить главные конкурентные преимущества коммерческой медицины. Первое, что тревожит конечного потребителя медицинской услуги — пациента — это возможность при необходимости попасть к нужному специалисту без длительного ожидания. Это касается как записи к специалисту, а особенно, как мы знаем, к узкому специалисту, так и непосредственного ожидания самого приема уже в стенах поликлиники. Поскольку медицинская услуга асимметрична по своей сути, то есть у врача и пациента неодинаковое представление о полноте и качестве оказываемой услуги, приоритетнее для потребителя, как мы видим, становятся сервисные составляющие — отсутствие очередей, индивидуальный подход и в целом более высокие требования к уровню обслуживания [15]. Имеет большое значение экономия сил и времени как самого ценного ресурса, поскольку складывается впечатление, что обращение в государственную поликлинику по ОМС обязательно будет связано со сложными схемами попадания на прием и, так скажем, отстаиванием прав на получение безвозмездной помощи, что у многих может вызвать стресс.

Важнейшей проблемой, решение которой должно незамедлительно стать приоритетным для органов государственной власти, является отсутствие необходимых специалистов в поликлиниках по месту жительства. Это глобальная и всеобъемлющая проблема упирается в общую нехватку квалифицированных медицинских кадров не только в нашем регионе, но и в стране в целом [16]. Вопросы квалификации тоже остро стоят в умах пациентов. Несмотря на упомянутую асимметрию услуг, 24 % опрошенных убеждены, что специалисты частных центров более квалифицированы. Однако все это может оставаться на уровне субъективных ощущений, и зачастую специалисты коммерческого здравоохранения — это выходцы из муниципальных поликлиник. Но поскольку в коммерческих медицинских центрах созданы особые условия, а именно — увеличенное время приема, благодаря чему сотрудник может спокойно собрать анамнез жизни и дать подробные пояснения к рекомендациям, то производится впечатление, что медицинская помощь там более квалифицирована.

Не исключается, что все это соответствует действительности и персонал мотивирован постоянно повышать квалификацию, развиваться и самосовершенствоваться.

Не в последнюю очередь пациенты в своем выборе вида услуг руководствуются таким фактором, как состояние материально-технической базы. Ранее отмечалось, что государственное здравоохранение характеризуется ее низким уровнем, несмотря на то, что в ее улучшение и в обучение персонала вкладываются большие бюджетные средства. Считают, что в платные медицинские центры оснащены более современным оборудованием, 32 %.

Интерес для нас представляло и то, насколько в населении укоренена мысль, что в России качественная медицинская помощь возможна только при наличии денег и связей.

Согласны с этим утверждением 54 % и лишь 23 % опровергают его. Стоит отметить, что развитие частного сектора здравоохранения не должно стать единственно возможным вариантом усовершенствования отрасли, прошедшей долгий и извилистый путь реформирования и модернизации. Этот путь был отмечен и успехами, и неудачами, однако невозможно отрицать потенциал отрасли здравоохранения как мощного социального института, который должен быть глобально ответственен за оказание высокотехнологичной медицинской помощи, покрытие качественными медицинскими услугами даже труднодоступные и отдаленные районы нашей большой страны.

Не следует отрицать и возможности растущего частного сектора в решении отдельных вопросов и аспектов, накопившихся в отрасли, когда коммерческая медицина может быть рассмотрена не только с точки зрения расширения выбора для потребителя, но и как полноценная единица, предоставляющая услуги более высокого качества и сервиса, отвечающая растущим потребностям современного общества как в сохранении и поддержании своего здоровья, так и активного долголетия и роста уровня качества жизни [17]. Немаловажно то, что 71 % респондентов отмечает важность государственно-частного партнерства как необходимого для развития отрасли.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests. The author declares no conflicts of interest.

Список источников

1. Тимаков, И. В. Реформа российского здравоохранения — угроза безопасности социальных групп или эволюция охраны здоровья? / И. В. Тимаков. — <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.11.33884>. — Текст : непосредственный // Социодинамика. — 2020. — № 11. — С. 28–46.
2. Чорный, О. В. Эффективность государственной политики реформ системы здравоохранения для благополучия гражданского общества: социальный контекст / О. В. Чорный. — Текст : непосредственный // Sciences of Europe. — 2020. — № 53-5(53). — С. 67–70.
3. Грановеттер, М. Экономическое действие и социальная структура: проблема укорененности / М. Грановеттер. — Текст : непосредственный// Экономическая социология. — 2002. — Т. 3, № 3. — С. 44–58.
4. Олсон, М. Логика коллективных действий: общественные блага и теория групп. Пер. с англ. Е. Окороченко. — Москва : Фонд экономической инициативы. 1995. — 174 с. — Текст : непосредственный.
5. Вебер, М. Социологические категории экономического действия. Хозяйство и общество (глава II) / М. Вебер. — Текст : непосредственный // Западная экономическая социология : хрестоматия современной классики / Сост. и науч. ред. В. В. Радаев; Пер. М. С. Добряковой и др. — Москва : Российская политическая энциклопедия. — 2004. — С. 59–81.
6. Вишневский, А. Г. Возраст выхода на пенсию и продолжительность жизни / А. Г. Вишневский, С. А. Васин, А. Рамонов. — Текст : непосредственный // Вопросы экономики. — 2012. — № 9. — С. 88–109.
7. Шейман И. М. Российское здравоохранение: новые вызовы и новые задачи: докл. Государственного университета — Высшей школы экономики : к X Междунар. науч. конф. ГУ ВШЭ по проблемам развития экономики и общества, Москва, 7–9 апреля 2009 г. /

И. М. Шейман, С. В. Шишкин ; Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — Москва : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009. — 66 с. — Текст : непосредственный.

8. Шишкин, С. В. Реформа финансирования российского здравоохранения / С. В. Шишкин. — Москва : ТЕИС, 2000. — 444 с. — Текст : непосредственный.

9. Социокультурная динамика — портрет Тюменской области : коллективная монография / науч. ред. Г. Ф. Ромашкина, В. А. Давыденко. — Тюмень : Издательство Тюменского государственного университета, 2015. — 358 с. — Текст : непосредственный.

10. Охрана здоровья и управление здравоохранением как приоритетная задача государственной социальной политики / В. В. Овечкин, С. А. Титов, А. П. Федорец [и др.]. — <https://doi.org/10.34755/IROK.2020.81.76.080>. — Текст : непосредственный // Актуальные вопросы современной экономики. — 2020. — № 8. — С. 98–102.

11. Перхов, В. И. Коммерциализация общественного здравоохранения и «новый общественный договор» / В. И. Перхов, Е. В. Песенникова. — <https://doi.org/10.24411/2312-2935-2021-00013>. — Текст : непосредственный // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. — 2021. — № 1. — С. 208–221.

12. Рязанцева, Ю. С. Социальные последствия государственной политики России в сфере здравоохранения / Ю. С. Рязанцева — Текст : непосредственный // Материалы Афанасьевских чтений. — 2012. — № 10. — С. 237–242.

13. Панова, Л. В. Неравенства в доступе к первичной медицинской помощи / Л. В. Панова, Н. Л. Русинова. — Текст : непосредственный // Социологические исследования. — 2005. — № 6. — С. 127–135.

14. Белоножко М. Л. Сравнительный анализ удовлетворенности медицинскими услугами (на примере Тюменской области) / М. Л. Белоножко, О. М. Барбаков, И. Я. Михалевич. — <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2023-3-9-23>. — Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2023. — № 3. — С. 9–23.

15. Реформы и модернизации здравоохранения в «зеркале» медицинской статистики / А. Е. Сухарев, Н. А. Булах, Т. Н. Ермолаева [и др.]. — Текст : непосредственный // Фундаментальные исследования. — 2010. — № 11. — С. 121–127.

16. Светличная, Т. Г. Потребление медицинских услуг: медико-социологический анализ : монография / Т. Г. Светличная, О. А. Цыганова, Е. Л. Борчанинова. — Архангельск : Изд-во Северного государственного медицинского университета, 2011. — 185 с. — Текст : непосредственный

17. Шабунова, А. А. Проблемы доступности медицинской помощи населению / А. А. Шабунова. — Текст : непосредственный // Федерализм. — 2010. — № 1(57). — С. 209–218.

18. Решетников, А. В. Социология медицины : учебник / А. В. Решетников. — Москва : ГЭОТАР-Медиа, 2007. — 256 с. — Текст : непосредственный.

References

1. Timakov, I. V. (2020). Reform of the russian healthcare system — threat to the security of social groups or evolution of health protection? Sociodynamics, (11), pp. 28-46. (In Russ.). <https://doi.org/10.25136/2409-7144.2020.11.33884>

2. Chornyj, O. V. (2020). Efficiency of public healthcare reform policies for civil society welfare: social context. Sciences of Europe, 53-5(53), pp. 67-70. (In Russ.).

3. Granovetter, M. (1985). Economic Action and Social Structure: The Problem of Embeddedness, American Journal of Sociology, (91), pp. 481-510. (In English).

4. Olson, M. (1971). The Logic of Collective Action: Public Goods and Group Theory. Cambridge, Mass. : Harvard University Press. (In English).

5. Weber, M. (2004). Sociological Categories of Economic Action. Economy and Society (Chapter II). Western Economic Sociology: A Reader of Modern Classics. Moscow, Russian Political Encyclopedia Publ., pp. 59-81. (In Russ.).

6. Vishnevsky, A. G., Vasin, S. A., & Ramonov, A. (2012). Retirement Age and Life. Voprosy ekonomiki, (9), pp. 88-109. (In Russ.).

7. Sheyman I. M., & Shishkin S. V. (2009). Rossiyskoe zdavookhranenie: novye vyzovy i novye zadachi: dokl. Gosudarstvennogo universiteta — Vysshey shkoly ekonomiki : k X Mezhdunar. nauch. konf. GU VSHE po problemam razvitiya ekonomiki i obshchestva, Moscow, 7–9 aprelya 2009. Moscow : Izd. dom GU VSHE, 66 p. (In Russ.).
8. Shishkin, S. V. (2000). Reform of Russian Healthcare Financing. Moscow, TEIS Publ., 444 p. (In Russ.).
9. Sociocultural dynamics : a portrait of the Tyumen region. (2015). Tyumen, Publishing house of the Tyumen State University, 358 p. (In Russ.).
10. Ovechkin, V. V., Titov, S. A., Fedorets A. P., Shevchenko, S. V., & Yakobchuk, P. L. (2020). Health protection and management of health care as a priority task of the state social policy. Actual issues of the modern economy, (8), pp. 98-102. (In Russ.).
11. Perkhov, V. I. & Pesennikova, E. V. (2021). Commercialization of public health care and the "new social contract". Current problems of health care and medical statistics, (1), pp. 208-221. (In Russ.). <https://doi.org/10.24411/2312-2935-2021-00013>
12. Ryazantseva, Yu. S. (2012). Social Consequences of Russia's State Policy in Healthcare. Proceedings of the Afanasyev Readings, (10), pp. 237-242. (In Russ.).
13. Panova L. V., & Rusinova N. L. (2005). Inequalities in access to primary health care. Sociological research, (6), pp. 127-135. (In Russ.).
14. Belonozhko, M. L., Barbakov, O. M., Mikhalevich, I. Ya. (2023). A comparative analysis of satisfaction with medical services (a case study of Tyumen region). Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics.;16(3):9-23. (In Russ.) <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2023-3-9-23>
15. Sukharev, A. E., Bulakh, N. A., Ermolaeva, T. N., Krupnov, P. A., Krylov, G. F., Oganessian, Yu. V. (2010). Healthcare Reforms and Modernizations in the "Mirror" of Medical Statistics. Fundamental Research, (11), pp. 121-127. (In Russ.).
16. Svetlichnaya, T. G., Tsyganova, O. A., & Borchaninova, E. L. (2011). Consumption of Medical Services: Medical and Sociological Analysis. Arkhangel'sk Publishing house of the Northern State Medical University Publ., 185 p. (In Russ.).
17. Shabunova, A. A. (2010). Problems of medical care availability for the population-Federalism, 1(57), pp. 209-218. (In Russ.).
18. Reshetnikov, A. V. (2007). Sociology of Medicine. Moscow : GEOTAR-Media Publ., 256 p. (In Russ.).

Информация об авторе / Information about the author

Михалевич Ирина Яновна, сеть медицинских центров «Доктор Арбитайло», г. Тюмень, mikhalevich@dok-a.ru

Irina Ya. Mikhalevich, Network of Medical Centers Doctor Arbitailo, Tyumen, mikhalevich@dok-a.ru

Поступила в редакцию / Received 13.01.2026

Поступила после рецензирования / Revised 12.02.2026

Принята к публикации / Accepted 16.02.2026

Научная статья / Original research article

УДК 681.5.622.23

DOI: <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-91-102>

EDN: CQNHGM

Устойчивое развитие человеческого капитала в Российской Арктике

А. Н. Силин*, Ю. М. Конев

Тюменский индустриальный университет, Тюмень, Российская Федерация

*Sm-2004@rambler.ru

Аннотация. Изучена реальная ситуация в сфере устойчивого развития арктических регионов России. С учетом значимости неоиндустриального освоения этих территорий для страны, роль человеческого капитала и в первую очередь таких важнейших его составляющих, как образовательный и профессиональный уровень, здоровье живущих и работающих здесь людей приобретает чрезвычайную актуальность. Целью нашего исследования, некоторые результаты которого отражены в статье, стало выявить основные факторы, детерминирующие уровень человеческого капитала северян и вследствие этого устойчивое развитие арктических территорий. Полученные результаты могут быть использованы при обосновании как стратегии предстоящего развития Российской Арктики, так и при подготовке властными структурами разного уровня управленческих решений, направленных на повышение качества жизни северян и эффективное решение стоящих государственных задач. Реализация традиционного социологического инструментария (наблюдение, массовые анкетные и углубленные экспертные опросы, фокус-группы, анализ статистических данных) позволила определить отношение жителей арктических регионов к различным технологиям и практикам формирования человеческого капитала. Результаты представляют научную и практическую ценность не только для исследуемых (ЯНАО, ЧАО, Архангельская область), но и для других арктических регионов.

Ключевые слова: человеческий капитал, социологическая диагностика, здоровьесбережение, Арктика, устойчивое развитие, северные регионы

Для цитирования: Силин, А. Н. Устойчивое развитие человеческого капитала в Российской Арктике / А. Н. Силин, Ю. М. Конев. – <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-91-102> // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2026. – № 1. – С. 91–102. – EDN: CQNHGM

Sustainable development of human capital in the Russian Arctic

Anatoly N. Silin*, Yury M. Konev

Industrial University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

*Sm-2004@rambler.ru

Abstract. We examined the current situation in the field of sustainable development in the Russia's Arctic regions. Neo-industrial development of these territories plays a vital role for the country. In this regard, the role of human capital and its components — educational and professional level — and the health of people who live and work in the Arctic become especially significant. We conducted a study and presented some results in this work.

The study also aims to identify the main factors that determine the level of human capital among northern residents and, consequently, the sustainable development of Arctic territories. The results can serve to justify the further development strategy for the Russian Arctic and to assist public authorities of different levels in designing management decisions, which aimed at improving the quality of northern's life and ensuring effective implementation of government challenge. The study uses traditional sociological tools (observation, large-scale surveys, in-depth expert survey, focus groups, and statistical data analysis). These tools helped identify how residents of Arctic regions perceive various technologies and practices of forming the human capital. The results have scientific and practical value not only for the regions under study (Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Chukotka Autonomous Okrug, Arkhangelsk Region) but also for other Arctic territories.

Keywords: human capital, sociological diagnostics, health conservation, Arctic, sustainable development, northern regions

For citation: Silin, A. N., Konev, Y. M. (2026). Sustainable development of human capital in the Russian Arctic. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (1), pp. 91-102. (In Russ.). <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-91-102>

Введение

Арктика, где сегодня столкнулись стратегические интересы как циркумполярных, так и других стран, стала ареной горячих геополитических и иных схваток, значимую роль в которых играют вопросы устойчивого экологического, экономического и социального развития Арктических территорий. Именно устойчивость, то есть способность сохранять себя в состояниях, близких к подвижному равновесию, позволяет развивать высокоширотные районы при воздействии различных негативных факторов и условий.

Социологами Тюменского индустриального университета (ТИУ) в течение уже длительного времени исследуются факторы, влияющие на устойчивое развитие одного из российских арктических регионов — Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО), изменение социальной ситуации на этой территории, качество жизни живущих и работающих здесь людей [1]. В последние годы территория исследований включила районы Европейской Арктики (Архангельская область — АрхО) и Восточно-Сибирской (Чукотский Автономный округ — ЧАО), что позволило провести сравнительный анализ для более глубокого выявления факторов, детерминирующих различные социальные параметры. При этом особое внимание было уделено практикам образования и здоровьесбережения разных социальных групп северян: старожилов, в том числе представителей коренных малочисленных народов Севера (КМНС), новоселов, вахтовиков. Нами также верифицированы вероятные гипотезы степени влияния различных факторов на устойчивое развитие территорий, роли здоровья и профессионального образования в неоиндустриальном освоении Арктики, приоритеты сохранения здоровья и уровень образования северян.

Конечная цель проводимых научных экспедиций и других форм полевых социологических исследований состоит в поиске возможностей улучшения реального состояния здоровья людей, постоянно живущих и прилетающих на вахту в районах Российской Арктики, выборе эффективных технологий здоровьесбережения и профессиональ-

ного образования, подготовке и обосновании рекомендаций для властных структур Российской Арктики.

Материалы и методы

В рамках нашего исследования использовался традиционный социологический инструментарий: наблюдение; массовый опрос разных социально-территориальных групп арктического населения, проводимый периодически по репрезентативным выборкам и тем же авторским анкетам, благодаря чему мы проследили динамику изменений в мониторинговом режиме и провели сравнительный ретроспективный анализ; углубленный экспертный опрос; фокус-группы; анализ данных государственной и медицинской статистики. Выбранные эксперты представляли властные структуры, общественные организации, СМИ и учреждения здравоохранения [2].

Заполнение экспертных листов проходило в режиме углубленного обсуждения с интервьюером и завершалось оценкой ситуации по десятибалльной шкале в порядке значимости того или иного фактора, влияющего на устойчивое развитие региона, когда 10 означает наивысшую оценку. В целом методология и методика исследования опирались на фундаментальные работы отечественных социологов и носили практико-ориентированный характер [3]. Основной акцент был сделан на социологической диагностике формирования человеческого капитала в арктических регионах и в первую очередь его сегментах, связанных с уровнем профессиональной подготовки и здоровьесбережением разных социальных групп северян.

Результаты

Таким образом, экспертам, представляющим три арктических региона России, мы предложили оценить, в какой степени на устойчивое социально-экономическое развитие их территорий проживания влияют семь групп факторов: внешнеполитических и внешне-экономических, внутриэкономических и экологических, социальной удовлетворенности, уровня профессиональной подготовки и состояния здоровья жителей (табл. 1).

Таблица 1. Степень влияния разных факторов на устойчивое развитие региона

(ранг 1 — не влияет, 10 — оказывает решающее воздействие)

Table 1. Degree of influence factors on sustainable development in the region (rank 1 — no impact, rank 10 — decisive impact)

Факторы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Международная ситуация и отношения с другими странами	1,8	8,9	10,7	5,4	17,9	7,1	14,3	12,5	12,5	5,4
ЯНАО	—	5,7	8,6	8,6	20,0	5,7	14,3	11,4	20,0	5,7
АрхО	2,3	15,8	15,8	—	15,8	10,5	15,8	15,8	—	5,3
ЧАО	20,0	5,6	21,1	12,2	13,3	4,4	6,7	7,8	—	8,9
2. Потребность мировой экономики в добываемом в регионе сырье	—	1,8	1,8	7,1	8,9	8,9	7,1	25,0	29,6	16,1

ЯНАО	–	–	–	8,3	8,3	11,1	8,3	25,1	22,2	16,1
АрхО	–	5,6	5,6	5,6	11,1	5,6	5,6	27,8	16,7	16,7
ЧАО	9,9	5,5	7,7	8,8	16,5	4,4	13,2	14,3	8,8	11,0
3. Диверсификация развития экономики АЗ РФ (этнографического туризма и др.)	1,8	1,8	1,8	14,3	17,3	7,1	8,9	25,0	10,7	10,7
ЯНАО	2,7	–	2,7	21,6	13,5	5,4	5,4	27,0	13,5	8,1
АрхО	–	5,3	–	–	26,3	10,5	15,8	21,1	5,3	15,8
ЧАО	8,8	7,7	5,5	12,1	22,0	13,2	7,7	8,8	7,7	23,2
4. Экологическая ситуация	–	1,8	7,1	3,6	16,1	10,7	10,7	16,1	10,7	23,2
ЯНАО	–	–	10,8	5,4	16,2	10,2	13,5	21,6	8,1	13,5
АрхО	–	5,3	–	–	15,8	9,5	5,3	5,3	15,8	42,1
ЧАО	7,9	11,2	9,0	12,4	16,9	9,0	13,5	13,5	5,6	7,9
5. Уровень и качество жизни населения, социальная удовлетворенность северян местом своего проживания	1,8	1,8	1,8	7,1	9,6	12,5	8,9	10,7	8,9	42,9
ЯНАО	2,7	2,7	–	8,1	5,4	16,2	13,5	13,5	10,8	27,0
АрхО	–	–	5,3	5,3	–	5,3	–	5,3	5,3	73,7
ЧАО	2,2	2,2	7,8	2,2	12,2	6,7	13,3	16,7	17,8	18,9
6. Уровень профессиональной подготовки и компетентности населения	1,8	–	3,6	5,4	5,4	7,1	21,1	14,3	10,7	30,1
ЯНАО	2,7	–	5,4	5,4	5,4	10,8	21,6	10,8	13,5	24,3
АрхО	–	–	–	5,3	5,3	–	21,1	21,1	5,3	42,1
ЧАО	4,4	1,1	3,3	4,4	12,3	12,1	7,7	14,3	8,8	31,9
7. Состояние здоровья жителей арктического региона	–	1,8	–	7,1	8,9	5,4	14,3	21,4	7,1	30,4
ЯНАО	–	–	–	8,6	11,4	8,6	17,1	28,6	5,7	20,0
АрхО	–	5,3	–	5,3	5,3	–	10,5	10,5	10,5	52,6
ЧАО	5,6	1,1	5,6	5,5	8,9	4,4	12,2	15,6	11,1	30,0

Углубленный экспертный опрос показал, что, по мнению опрошенных, именно состояние здоровья людей в решающей степени определяет социально-экономическую ситуацию в Арктике (рис. 1).

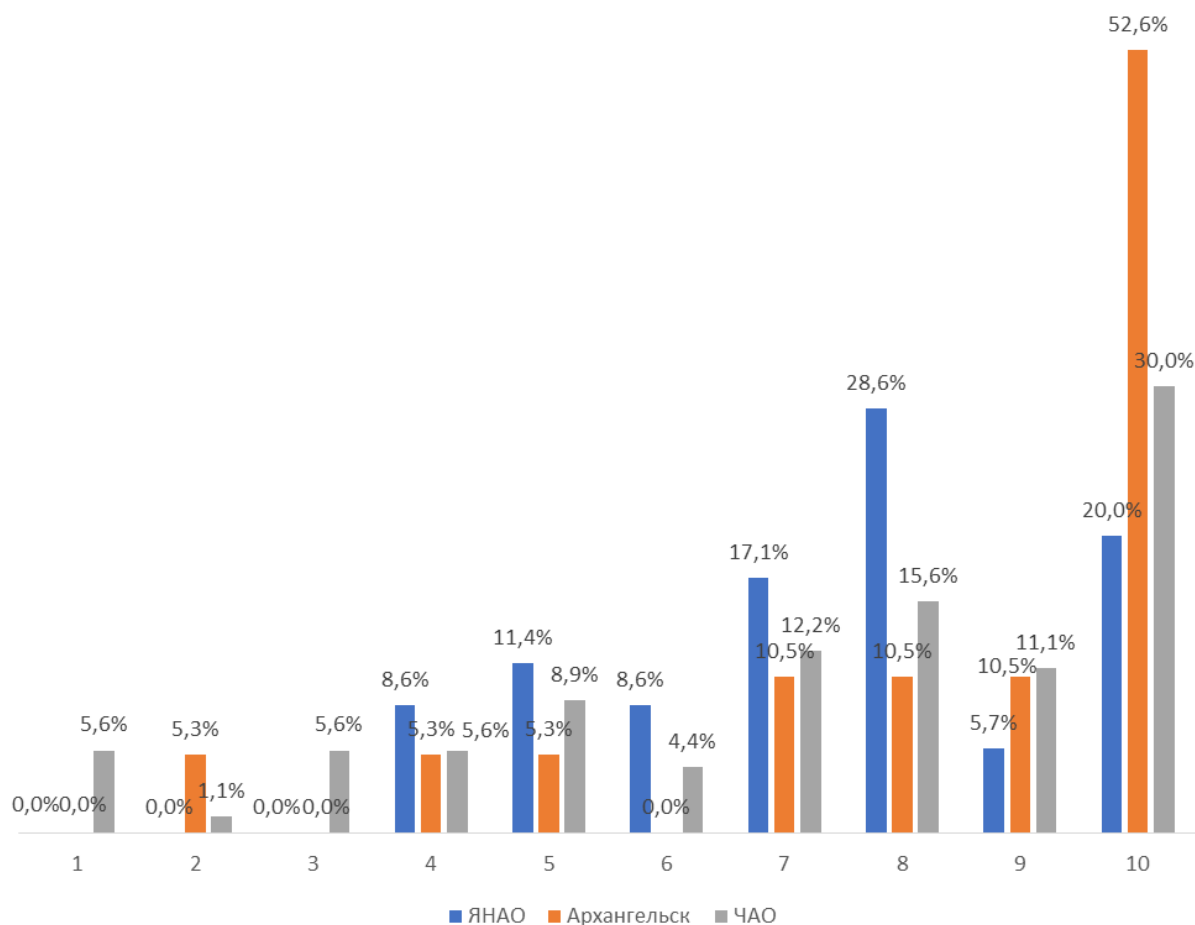

Рис. 1. Оценка роли здоровья в развитии регионов (% опрошенных)

Fig. 1. Assessment of the role of health in development in the regions (% of respondents)

При этом выявилась тенденция возрастания рейтинга здоровья с увеличением возраста респондентов.

Одновременно проводимые длительный период регулярные опросы разных социально-территориальных групп населения Ямала и анализ данных медицинской статистики показали очевидную тенденцию ухудшения состояния здоровья проживающих в этом регионе людей как по объективным статистическим параметрам, так и по результатам субъективных оценок своего здоровья [4, 5].

Как следует из углубленных опросов, наиболее значимыми путями решения этой проблемы эксперты считают доступность и качество медицинского обслуживания северян, улучшение экологической ситуации, обеспечение качественного питания, пропаганду и обеспечение здорового образа жизни и возможности санаторно-курортного отдыха (табл. 2).

Таблица 2. Значимость факторов здоровьесбережения (ранги)**Table 2.** Importance of the factors of health preservation (ranks)

Факторы	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Доступность и качество медицинской помощи, в т. ч. лекарственное обеспечение	1,8	1,8	1,8	–	8,9	3,6	7,1	14,3	21,4	35,7
ЯНАО	–	2,9	2,9	–	14,3	5,7	11,4	17,1	17,1	28,1
АрхО	5,3	–	–	–	–	–	–	10,5	31,6	52,6
ЧАО	3,3	1,1	1,1	4,4	3,3	3,3	8,8	14,3	11,0	49,5
2. Пропаганда и обеспечение здорового образа жизни, учитывается арктическая специфика, возможность заниматься физкультурой	–	1,8	–	3,6	10,7	14,3	8,9	19,6	14,3	23,2
ЯНАО	–	–	–	5,7	11,4	17,1	8,6	20,0	17,1	20,0
АрхО	–	5,3	–	–	10,5	10,5	10,5	21,1	10,8	31,6
ЧАО	1,1	2,2	1,1	4,3	9,8	8,7	23,9	13,0	8,7	27,2
3. Обеспечение качественного питания, содержащего необходимые в Арктике нутриенты и негативные природно-климатические воздействия	1,8	–	1,8	3,6	7,1	7,1	7,1	23,2	12,5	–
ЯНАО	–	–	2,7	5,4	10,8	8,1	5,4	21,6	16,2	29,7
АрхО	5,3	–	–	–	–	5,3	10,5	26,3	5,3	47,4
ЧАО	3,3	3,3	1,1	2,2	2,2	4,3	6,5	8,7	6,3	53,3
4. Улучшение экологической ситуации	3,6	–	3,6	1,8	8,9	5,4	7,1	23,2	7,1	39,3
ЯНАО	2,7	–	2,7	2,7	13,5	5,4	10,8	29,7	8,1	24,3
АрхО	5,3	–	5,3	–	–	5,3	–	10,1	5,3	68,4
ЧАО	7,6	5,4	5,4	4,3	13,0	10,9	14,1	10,9	7,6	20,7
5. Санаторно-курортное обслуживание	1,8	–	–	1,8	7,1	12,5	16,1	17,9	12,5	30,4
ЯНАО	–	–	–	2,7	10,8	18,9	16,1	18,9	10,8	21,6
АрхО	5,3	–	–	–	–	–	13,8	15,8	15,8	47,4
ЧАО	4,4	1,1	4,4	1,1	4,4	4,4	12,1	9,9	12,2	45,1

В структуре человеческого капитала не меньше здоровья значим образовательный и профессиональный капитал, формируемый общеобразовательными средними и среднеспециальными заведениями и высшей школой.

В ходе исследования были обнаружены некоторые проблемы формирования образовательного капитала в арктических регионах, в частности, дефицит образовательных учреждений, вызванный их «оптимизацией» (табл. 3).

Таблица 3. Достаточность количества общеобразовательных школ и мест в них для развития человеческого потенциала в Вашем поселении, % опрошенных**Table 3.** Sufficient number of comprehensive schools and places inside it for the development of human potential in your community, % of respondents

Регион	Достаточно	Недостаточно	Затрудняюсь ответить
ЯНАО	58,3	38,9	2,8
АрхО	93,2	36,8	—
ЧАО	58,7	37,0	4,3

Особую актуальность приобрела задача подготовки собственных специалистов после начала введения против России международных санкций, когда многочисленные зарубежные специалисты вынуждены были покинуть до этого весьма привлекательные для них рабочие места. Выявление возможных путей решения этой задачи потребовало проведения репрезентативных опросов как работодателей — представителей нефтяных компаний, работающих в Арктике, так и студентов и преподавателей российских нефтегазовых вузов. При этом выявились значимые отличия в оценках представителей разных групп респондентов. Так, достаточно высоко подготовку выпускников этих вузов в сфере арктических компетенций оценивают студенты (47 %) и преподаватели (59 %), но лишь 22 % представителей нефтегазовых и сервисных компаний Ямала. Главная претензия — недостаточные знания специфики арктических территорий. Очевидно, это требует усиления научного обеспечения образовательного процесса и большей интеграции высшей школы с теми же производственными компаниями. При этом необходимо учитывать, что неоиндустриальное освоение природных ресурсов Арктики детерминирует заказ в подготовке не только нефтяников и газовиков, но и профессионалов более широкого спектра, связанных как с необходимостью создания в арктическом регионе производственной и социальной инфраструктуры, так и комплекствующих и инновационных отраслей знания и технологии (искусственный интеллект и др.) [6].

Обсуждение

Проблемы здоровьесбережения людей, живущих и работающих в арктических регионах, выступают предметом отечественных и зарубежных междисциплинарных исследований. Так, в середине XX века в России начало формироваться новое научное направление — полярная медицина (А. П. Авцын, Н. А. Агаджанян, Н. Р. Деряпа, В. П. Казначеев, В. И. Хаснулин, Н. С. Ягья и др.) [7–9]. Масштабные исследования в рамках новой науки были проведены в Институте физиологии Сибирского отделения АН СССР (г. Новосибирск), Институте медицинских проблем Севера (г. Красноярск), Научно-исследовательском институте медицинских проблем Крайнего Севера (г. Надым), Тюменском государственном медицинском институте (г. Тюмень) и других научных подразделениях. В настоящее время изучением влияния качества воды на здоровье северян активно занимается «Федеральный центр гигиены и эпидемиологии» Роспотребнадзора и представители еще одного нового междисциплинарного направления — медицинской гидрогеологии.

В частности установлено, что подземные питьевые воды арктического бассейна

имеют чрезвычайно низкую минерализацию и это депрессивно воздействует на функциональное состояние сердечно-сосудистой системы, почек и желудочно-кишечного тракта. Недостаточная концентрация кальция, магния и фтора снижает уровень сопротивляемости организма к воздействию негативных факторов, а повышенное содержание железа, марганца и кремния приводит к заболеваемости костно-мышечной и мочеполовой систем, злокачественным опухолям и т. д.

Социальные аспекты здоровьесбережения и здорового образа жизни находятся в сфере внимания многих российских социологов (М. Ф. Черныш, Н. А. Лебедева-Несевря и др.) [10, 11]. Так, исследования, проведенные Федеральным научно-исследовательским социологическим центром Российской академии наук (ФНИСЦ РАН), выявили, что низкая культура здоровьесбережения, отличающая молодежные страты российского населения, в значительной степени обусловлена непониманием молодыми людьми связи между хорошим физическим здоровьем и жизненным успехом. Перечисленные выше меры, направленные на здоровьесбережение людей, естественно, не являются новыми и активно обсуждаются и в СМИ, и в научной печати. Наибольшее внимание из них уделяется возможностям и качеству медицинской помощи северянам. Судя по последним опросам, ею удовлетворены лишь 17 % респондентов, при этом особое беспокойство вызывает доступность, возможность получить помощь именно тогда, когда она нужна (табл. 2). По мнению большинства экспертов, в поселениях, где те проживают, недостаточно медицинских учреждений. На втором месте по значимости для здоровья жителей арктических регионов респонденты видят экологическую ситуацию. В первую очередь при этом обращается внимание на загрязнение водоемов нефтепродуктами, фенолами, тяжелыми металлами и др. В результате значительно ухудшается качество употребляемой воды и рыбы.

Причиной загрязнения воздушного бассейна и качества вдыхаемого воздуха во многом становятся загрязнение почвы и многочисленные мусорные свалки, скапливающие токсичные вещества, которые разносятся северными ветрами по значительной территории.

Третье место в структуре приоритета факторов, влияющих на сохранение здоровья северян, заняло качество их питания. Некоторые возможности решения этой проблемы могут появиться при реализации разработанных в ТИУ профессором В. Г. Поповым технологий производства продуктов питания с дефицитными для арктических регионов нутриентами на основе переработки субпродуктов северного оленя, кедрового ореха, голубики, клюквы и т. д. [12]. Следует учесть и важность для сохранения здоровья КМНС возможности регулярного употребления в пищу крови и внутренних органов оленя, строганины сырой северной рыбы (муксуна, нельмы), дикоросов. К сожалению, судя по результатам последних опросов ямальских ненцев, эти возможности с каждым годом ухудшаются [4].

Известно, что важную роль в сохранении здоровья играет и образ жизни [13–15]. Между тем, исходя из результатов наших опросов, лишь 13 % северян в сво-

бодное от работы время озадачиваются занятиями физкультурой и спортом, сохранением физической активности в виде бега, ходьбы и др. Пассивно лежа на диване или сидя за компьютером, отдыхает 18,5 % опрошенных, 5,8 % утверждают, что у них якобы вообще нет досуга. Однако большая часть респондентов выбрала вариант ответа «по-разному».

Завершает перечень мер, необходимых для здоровьесбережения, возможность пройти санаторно-курортное лечение.

Как показали проведенные нами в арктических регионах фокус-группы, наиболее активную дискуссию и обсуждение живущих здесь людей вызвала ликвидация на этих территориях филиалов центральных региональных вузов, осуществленная в рамках так называемой оптимизации и вызвавшая массовый отток молодых людей из арктических поселений. Значимость этой проблемы для северян подтверждают и результаты наших опросов, представленные в таблице 4.

Таблица 4. *Необходимость формирования и функционирования филиалов центральных и региональных вузов в арктических поселениях, % опрошенных*

Table 4. *The need for the formation and operation of branches of central and regional universities in Arctic communities, % of respondents*

Регион	Нужны	Не нужны	Затрудняюсь ответить
ЯНАО	77,1	20,0	2,9
АрхО	77,8	22,2	—
ЧАО	84,8	10,9	4,3

Выводы

Проведенные исследования социальной ситуации здоровьесбережения и уровня профессиональной подготовки людей как значимого фактора устойчивого развития арктических регионов России показали необходимость их продолжения в междисциплинарном формате, учитывая выявленную зависимость устойчивого развития от качества образования северян и возможностей их здоровьесбережения, образа жизни северян. Необходимо иметь в виду также системное взаимодействие и взаимовлияние этих факторов с общей экономической ситуацией в стране, регионе и конкретном поселении, структурой социокультурных ценностей разных социальных групп арктического населения, и, соответственно, требуется принятие разнонаправленных управленческих решений со стороны властных структур разного уровня.

При этом в результате проведенных опросов выяснилось, что наиболее благоприятная ситуация для развития человеческого капитала из рассмотренных арктических регионов складывается на Ямале, наименее — на европейской территории Российской Арктики.

В ходе исследований нами был разработан методологический подход к изучению влияния человеческого капитала на устойчивое развитие арктической территории,

предложен социологический инструментарий, который может использоваться в других российских арктических регионах. Значимым результатом наших исследований стали практические рекомендации для властных структур по здоровьесбережению и профессиональной подготовке населения российского сектора Арктики.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Authors' contributions

All authors contributed equally to the preparation of the manuscript.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests. The authors declare no conflicts of interest.

Список источников

1. Силин, А. Н. Человек в Арктике : динамика социального благополучия в социологическом измерении / А. Н. Силин, А. А. Колтунов. – <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2025-2-81-92>. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2025. – № 2. – С. 81–92.
2. Силин, А. Н. Социологическая диагностика развития человеческого капитала в российском арктическом регионе / А. Н. Силин. – Текст : непосредственный // Мировые цивилизации – 2023. – Т. 8, № 4. — URL: <https://wcj.world/PDF/02ECMZ423.pdf>.
3. Горшков, М. К. Социология и социальная практика: запрос на активное взаимодействие / М. К. Горшков. – <https://doi.org/10.19181/ezheg.2022.1>. – Текст : непосредственный // Россия реформирующаяся. – 2022. – № 20. – С. 21–46.
4. Маркин В. В. Здоровье людей в Арктике: социально-пространственный дискурс (на примере Ямало-Ненецкого автономного округа) / В. В. Маркин, А. Н. Силин, И. С. Вершинин. – <https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.11>. – Текст : непосредственный // Экономические и социальные перемены: факторы, тенденции, прогноз. – 2020. – Т. 13, № 5. – С. 182–199.
5. Силин, А. Н. Здоровый образ жизни в Тюменском регионе. / А. Н. Силин, Л. С. Ковальжина. – Текст : непосредственный // Вестник института социологии. – 2017. – Т. 8, № 2. – С. 96–107.
6. Питухина, М. А. Использование технологий искусственного интеллекта в российской Арктике на примере Мурманской области / М. А. Питухина, А. Д. Белых. – <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.52.167>. – Текст : непосредственный // Арктика и Север. – 2023. – № 52. – С. 167–179.
7. Авцын, А. П. Патология человека на севере / А. П. Авцын, А. А. Жаворонков, А. Г. Марачеев. – Москва: Медицина. – 1985. – 415 с. – Текст : непосредственный.
8. Казначеев, В. П. Клинические аспекты полярной медицины / В. П. Казначеев. – Москва: Медицина. – 1986. – 208 с. – Текст : непосредственный.
9. Хаснулин, В. И. Введение в полярную медицину: монография. – Новосибирск: Издательство Сибирского отделения РАН. – 1998. – 337 с. – Текст : непосредственный.

10. Лебедева-Несевря, Н. А. Природно-климатические и антропогенные факторы риска для здоровья в субъективных оценках жителей городов Крайнего Севера / Н. А. Лебедева-Несевря, А. О. Барг, В. М. Чечкин. – <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2020-328-7-8-13>. – Текст : непосредственный // Здоровье населения и среда обитания. – 2020. – № 7. – С. 8–13.
11. Черныш, М. Ф. Социальное благополучие и здоровье / М. Ф. Черныш. – Текст : непосредственный // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии ФНИСЦ РАН. – 2020. – № 1. – С. 54–79.
12. Попов, В. Г. Субпродукты северного оленя как основа для организации функционального питания / В. Г. Попов, С. А. Белина. – Текст : непосредственный // Современные тенденции науки и производства : материалы V Международной научно-практической конференции, Кемерово, 28 февраля 2017 г. – Кемерово : Западно-Сибирский научный центр. – 2017. – С. 147–149.
13. Белоножко, Л. Н. Культура здоровья населения Арктики. / Белоножко, Л. Н. – <https://doi.org/10.26105/SSPU.2022.80.5.005>. – Текст : непосредственный // Вестник Сургутского государственного педагогического университета – 2022. – № 5 (80). – С. 90–96.
14. Белоножко, Л. Н. Социальное здоровье населения Ямала как императив сбалансированного развития территории / Л. Н. Белоножко, И. Е. Пинигин. – <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.9.5>. – Текст : непосредственный // Теория и практика общественного развития. – 2022. – № 9. – С. 48–56.
15. Белоножко, М. Л. Роль социального здоровья населения в развитии Арктики / М. Л. Белоножко, Л. Н. Белоножко, О. М. Барбаков, Е. Г. Ишкина. – <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2022-4-9-24>. – Текст : непосредственный // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2022. – № 4. – С. 9–24.

References

1. Silin, A. N., & Koltunov, A. L. (2025). Human in the Arctic: dynamics of social well-being in a sociological dimension. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, 18(2), pp. 81-92. (In Russ.) <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2025-2-81-92>. EDN: YAWWYI
2. Silin, A. N. (2023). Social diagnostics of human capital development in the Russian Arctic regions. *World civilizations*, 4(8): 02ECMZ423. (In Russ.). Available at: <https://wcj.world/PDF/02ECMZ423.pdf>.
3. Gorshkov, M. K. (2022). Sociology and Social Practice: A Request for Active Interaction. *Russia Reforming*, (20), pp. 21-46. (In Russ.) <https://doi.org/10.19181/ezheg.2022.1>
4. Markin, V. V., Silin, A. N., & Vershinin, I. S. (2020). Human health in the Arctic: socio-spatial discourse (case study of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug). *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 13(5), pp. 182-199. (In Russ.) <https://doi.org/10.15838/esc.2020.5.71.11>
5. Silin, A. N. & Kovalzhina, L. S. (2017). Healthy Lifestyle in the Tyumen Region Bulletin of the Institute of Sociology, 8(2), pp. 96-107. (In Russ.).
6. Pitukhina, M. A., & Belykh, A. D. (2023). The Use of Artificial Intelligence Technologies in the Russian Arctic: The Case of the Murmansk Region. *Arktika i Sever*, (52), pp. 167-179. (In Russ.) <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.52.167>

7. Avtsyn, A. P., Zhavoronkov, A. A., Maracheev, A. G. (1985). Human Pathology in the North. Moscow, Medicine Publ., 415 p. (In Russ.).
8. Kaznacheev, V. P. (1986). Clinical Aspects of Polar Medicine. Moscow, Medicine Publ., 208 p. (In Russ.).
9. Khasnulin V. I. (1998). Introduction to Polar Medicine. Novosibirsk, Izdatel'stvo Sibirskogo otdeleniya RAN Publ., 337 p., (In Russ.).
10. Lebedeva-Nesevria, N. A., Barg, A. O., & Chechkin, V. M. (2020). Perception of environmental, climatic and anthropogenic health risk factors by the urban population of the Russian Far North. Public Health and Life Environment – PH&LE, (7), pp. 8-13. (In Russ.) <https://doi.org/10.35627/2219-5238/2020-328-7-8-13>
11. Chernysh, M. F. (2020). Sotsial'noe blagopoluchie i zdorov'e. Informatsionno-analiticheskiy byulleten' Instituta sotsiologii FNISTS RAN, (1), pp. 54-79. (In Russ.).
12. Popov, V. G., & Belina, S. A. (2017). Reindeer By-Products as a Basis for Functional Nutrition. Modern Trends in Science and Production. Kemerovo, Zapadno-Sibirskij nauchnyj centr Publ., pp. 147–149. (In Russ.).
13. Belonozhko, L. N. Health Culture of the Population of the Arctic. (2022). Surgut State Pedagogical University Bulletin, 5(80), pp. 90-96. (In Russ.) <https://doi.org/10.26105/SSPU.2022.80.5.005>
14. Belonozhko, L. N. & Pinigin, I. E. (2022) Social Health of the Yamal Population as an Imperative for Sustainable Development of the Territory. Theory and Practice of Social Development. (9), pp. 48-56. (In Russ.) <https://doi.org/10.24158/tipor.2022.9.5>
15. Belonozhko, M. L., Belonozhko, L. N., Barbakov, O. M., & Ishkina, E.G. (2022). The role of social health of the population in the development of the Arctic. Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics, 15(4), pp. 9–24. (In Russ.) <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2022-4-9-24>

Информация об авторах / Information about the author

Силин Анатолий Николаевич, доктор социологических наук, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, Западно-Сибирский филиал ФНИСЦ РАН, г. Тюмень, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3331-165X>

Конев Юрий Михайлович, доктор социологических наук, профессор кафедры маркетинга и муниципального управления, Тюменский индустриальный университет, г. Тюмень

Anatoly N. Silin, Doctor of Sociological Sciences, Professor at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen, West Siberian Branch of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3331-165X>

Yury M. Konev, Doctor of Sociological Sciences, Professor at the Department of Marketing and Municipal Management, Industrial University of Tyumen

Поступила в редакцию / Received 13.01.2026

Поступила после рецензирования / Revised 12.02.2026

Принята к публикации / Accepted 16.02.2026

Научная статья / Original research article

УДК 314.6

DOI: <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-103-124>

EDN: DCACVM

Социокультурные установки и повседневные практики мужчин по сохранению здоровья

Д. К. Танатова*, И. В. Королёв, Т. В. Леонтьева

Российский государственный социальный университет, Москва, Российская Федерация

**dktanatova@mail.ru*

Аннотация. В статье представлены результаты всероссийского социологического исследования, направленного на анализ социокультурных установок и повседневных, связанных с сохранением мужчинами собственного здоровья практик. В основу работы легли данные онлайн-опроса 6 280 мужчин из восьми федеральных округов России, с репрезентативным квотированием по возрастным группам (18 лет и старше). В ходе анализа выявлены четыре ключевые категории отношения мужчин к здоровью: реактивно-ориентированные, пренебрегающие, нерефлексирующие и проактивно-ориентированные, каждая из которых характеризуется специфическими стратегиями заботы о здоровье. Результаты свидетельствуют о том, что большинство мужчин не склонны к систематической заботе о здоровье и проявляют либо пассивное избегание профилактики, либо осознанно пренебрегают здоровьем; при этом пренебрежение наиболее выражено среди мужчин активного возраста. Несмотря на это, респонденты демонстрируют высокую осведомленность о факторах, обеспечивающих высокий уровень здоровья (здоровое питание, крепкий сон, баланс труда и отдыха, регулярная физическая активность, качественное медицинское обслуживание). Показано, что наиболее распространенной стратегией здоровьесбережения является пассивная «готовность к изменениям», предполагающая минимальные изменения привычного образа жизни. Особое внимание уделено распространенности стереотипов о повседневных практиках и представлениях о мужском здоровье. Из полученных данных следует, что именно стереотипы, связывающие мужественность с физической выносливостью и пренебрежением к самочувствию, а также недостаточная медицинская информированность формируют барьеры для своевременного обращения за медицинской помощью и профилактики заболеваний среди российских мужчин.

Ключевые слова: здоровье, мужское здоровье, стереотипы, здоровьесберегающие стратегии, факторы обеспечения высокого уровня здоровья

Для цитирования: Танатова, Д. К. Социокультурные установки и повседневные практики мужчин по сохранению здоровья / Д. К. Танатова, И. В. Королёв, Т. В. Леонтьева. — <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-103-124> // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. — 2026. — № 1. — С. 103–124. — EDN: DCACVM

Men's health-related stereotypes as a risk factor for disease

Dina K. Tanatova*, Ivan V. Korolev, Taisia V. Leonteva

Russian State Social University, Moscow, Russian Federation

**dktanatova@mail.ru*

Abstract. The article presents the results of a nationwide sociological study that examines sociocultural attitudes and daily practices of men regarding their health. The empirical basis of the study is data from an online survey

© Д. К. Танатова, И. В. Королёв, Т. В. Леонтьева, 2026

of 6,280 men from eight federal districts of Russia, with representative quota sampling by age groups (18 years and older). The analysis identifies four key categories of men's attitudes toward health: reactive-oriented, neglectful, non-reflective, and proactive-oriented. Each category demonstrates distinct strategies for health maintenance. The results demonstrate that most men do not engage in systematic health care and tend to either passively avoid preventive measures or consciously neglect their health. This neglect is particularly pronounced among men of active working age. Despite this, respondents exhibit a high level of awareness regarding the factors that contribute to good health. These include healthy nutrition, adequate sleep, work-life balance, regular physical activity, and access to quality medical care. The most common health-saving strategy is a passive "readiness for change," which suggests only minimal adjustments to habitual lifestyles. This study also pays special attention to the prevalence of stereotypes on everyday practices and perceptions of men's health. The results indicate that stereotypes linking masculinity with physical endurance and a disregard for well-being, along with a lack of medical awareness, create barriers to seeking timely healthcare and preventing disease among Russian men.

Keywords: health, men's health, stereotypes, health-saving strategies, factors to ensure high levels of health

For citation: Tanatova, D. K., Korolev, I. V., Leonteva, T. V. (2026). Men's health-related stereotypes as a risk factor for disease. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (1), pp. 103-124. (In Russ.). <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-103-124>

Введение

Состояние и качество мужского здоровья в современном обществе приобретает все более значимый характер [1]. Статистические данные демонстрируют существенные гендерные дисбалансы в показателях заболеваемости и смертности: во всех странах мира мужчины имеют более низкую ожидаемую продолжительность жизни по сравнению с женщинами. Как отмечают А. И. Чанг, С. Хоукс, К. Бузе и В. Зарулли на основании данных исследования Global Burden of Disease, глобальная ожидаемая продолжительность жизни при рождении составляет 76,0 лет для женщин и 70,8 года для мужчин. С некоторыми исключениями, женщины живут дольше мужчин практически везде в мире [2]. В России, несмотря на реализацию национальных проектов, направленных на сохранение и поддержание здоровья российского населения, (стартовавший в 2025 г. нацпроект «Продолжительная и активная жизнь», завершённые в 2024 г. нацпроекты «Здравоохранение» и «Демография»), разрыв в продолжительности жизни между мужчинами и женщинами пока ещё равен 10 годам [3]. Показатель средней продолжительности жизни мужчин фиксируется на уровне 67 лет, что определяет для России 103-е место в соответствующих международных рейтингах [4].

Структура причин смертности мужского населения в России характеризуется значительной долей предотвратимых причин, связанных с поведенческими факторами риска. Высокий удельный вес таких причин указывает на существенный потенциал профилактических мер, который во многом остается нереализованным из-за устойчивых поведенческих установок и недостаточного развития самосохранительных практик мужчин [5]. Болезни системы кровообращения, составляющие 56,6 % от общего числа причин смерти, и новообразования (13,8 %) нередко диагностируются на поздних, трудноизлечимых стадиях, что может быть связано с практикой позднего обращения за

медицинской помощью и недостаточной реализацией профилактических рекомендаций [6]. Значительная доля внешних причин (11,9 %), включая транспортные травмы, самоубийства, убийства и случайные отравления алкоголем, непосредственно связана с поведенческими рисками, на которые указывают российские исследователи при анализе условий жизни и доступности медицинской помощи, особенно в сельской местности [7].

Согласно результатам российских социологических исследований имеются различия в самосохранительном поведении мужчин и женщин. По данным исследования гендерных особенностей осведомленности и отношения к здоровому образу жизни у пользователей медицинских интернет-ресурсов, женщины демонстрируют более высокую ответственность за здоровье и более серьезно оценивают влияние большинства факторов риска, тогда как мужчины в большей степени терпимы к вредным привычкам и с меньшей вероятностью связывают их с необходимостью изменения поведения [8].

Существенные различия в самосохранительных практиках мужчин и женщин обусловлены комплексом биологических, поведенческих и социокультурных факторов, среди которых особое место занимают стереотипы о маскулинности и мужском здоровье. Сложившиеся в обществе представления, связывающие маскулинность с физической выносливостью, эмоциональной сдержанностью и пренебрежением к самочувствию и здоровью в целом, формируют у мужчин специфические поведенческие модели, препятствующие своевременному обращению за медицинской помощью. Современные исследования убедительно показывают, что приверженность традиционным нормам маскулинности на практике ассоциируется с избеганием профилактических медицинских осмотров, задержкой диагностики заболеваний, более высокой склонностью к рискованному поведению и низкой обращаемостью за помощью при психологических проблемах. Например, в систематическом обзоре за 2025 г. опубликованном Л. З. Мохвелепе и Г. О. Сумбане в *American Journal of Men's Health*, отмечается: «Нормы традиционной маскулинности существенно препятствуют обращению мужчин за психологической помощью, что подчеркивает необходимость разработки культурно-ориентированных вмешательств, направленных на устранение этих барьеров» [9]. Эти установки становятся многомерным барьером на пути к сохранению здоровья и благополучия мужского населения.

Т. Н. Каменева с соавторами, анализируя практики здоровьесберегающего поведения в Курской и Белгородской областях, отмечают более низкую вовлеченность мужчин в профилактические осмотры и менее регулярное использование медицинской помощи по сравнению с женщинами, связывая выявленные различия с социокультурной ролевой спецификой и сложившимися образцами поведения [10]. В совокупности эти результаты позволяют говорить о том, что социокультурные представления о «мужской роли» и связанные с ними гендерные стереотипы способствуют терпимому отношению к рискованному поведению, недооценке профилактики и отсрочке обращения за медицинской помощью, что усиливает неблагоприятные медико-демографические исходы у мужчин.

Социологический анализ здоровьесбережения мужчин целесообразно основывать на определении здоровья Всемирной организации здравоохранения, поскольку оно характеризуется состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов [11]. Мужское здоровье включает в себя заболевания и состояния как специфичные (связанные с мужской анатомией), так и неспецифичные для мужского пола, но с более высокой распространенностью или особым воздействием у мужчин. При этом важнейшую роль играют поведенческие факторы, более характерные для мужчин, чем для женщин: курение, употребление психоактивных веществ, рискованное поведение и низкий уровень использования ресурсов здравоохранения для профилактики заболеваний [12].

Сделаем предположение, что повышение продолжительности жизни и улучшение здоровья мужчин требует не только разработки и реализации национальных проектов, нацеленных на поддержку мужского здоровья, но и осознанности самих мужчин в вопросах собственного здоровья, их активное вовлечение в процессы профилактики и лечения. Исследование стереотипов о мужском здоровье позволит выявить барьеры и поведенческие стратегии, препятствующие раннему обращению за медицинской помощью, соблюдению рекомендаций врачей и ведению здорового образа жизни.

Материалы и методы

Социологическое исследование проведено в 2024 г. Метод сбора информации — онлайн-опрос. Респонденты исследования — проживающие в восьми российских федеральных округах мужчины в возрасте 18 лет и старше. Объем выборочной совокупности — 6 280 респондентов (репрезентативность по ключевым квотам (возраст, регион) обеспечивает предельную ошибку выборки не более 1,5%. Отклонения от официальной статистики (Росстат) не превышают 2–3% по контрольным признакам). Рекрутинг респондентов осуществлялся с использованием контактных баз, предоставленных органами муниципального управления (рассылка приглашений по электронной почте и мессенджерам с уникальными ссылками на анкету), и через профессиональные онлайн-панели. При формировании выборки учитывался возможный перекося в сторону более активных пользователей интернета. Для его минимизации приглашения направлялись по адресным базам муниципалитетов, что позволило включить в исследование мужчин с различной интенсивностью использования цифровых ресурсов.

Выборка пропорциональная. На первом этапе конструирования выборки все населенные пункты федеральных округов были сгруппированы по численности населения (мегаполисы, большие, средние, небольшие и малые города, сельские населенные пункты), и рассчитывались пропорции между числом жителей мужского пола населенных пунктов каждой категории и их общим числом в федеральном округе. Далее в каждом федеральном округе случайным образом отбиралось по два населенных пункта каждой категории, в отношении которых задавались квоты по числу респондентов.

жителей, с соблюдением рассчитанных пропорций. Также рассчитывались возрастные пропорции населения каждого федерального округа, в соответствии с которыми определялось число респондентов различных возрастных групп из отобранных населенных пунктов. Таким образом, профиль общей выборочной совокупности воспроизводит структуру населения России по таким критериям, как: административно-территориальное деление, численность населения территорий по полу и возрастная структура федеральных округов.

Для сбора данных использовался авторский социологический инструментарий (анкета), содержащий закрытые и полужакрытые вопросы.

Результаты

Данные социологического исследования позволили выделить несколько категорий, описывающих отношение мужчин к своему здоровью, и выявить существенные различия в здоровьесберегающих поведенческих стратегиях, реализуемых мужчинами определенных категорий. На рисунке 1 отражено распределение ответов респондентов на вопрос «Как вы относитесь к своему здоровью?»

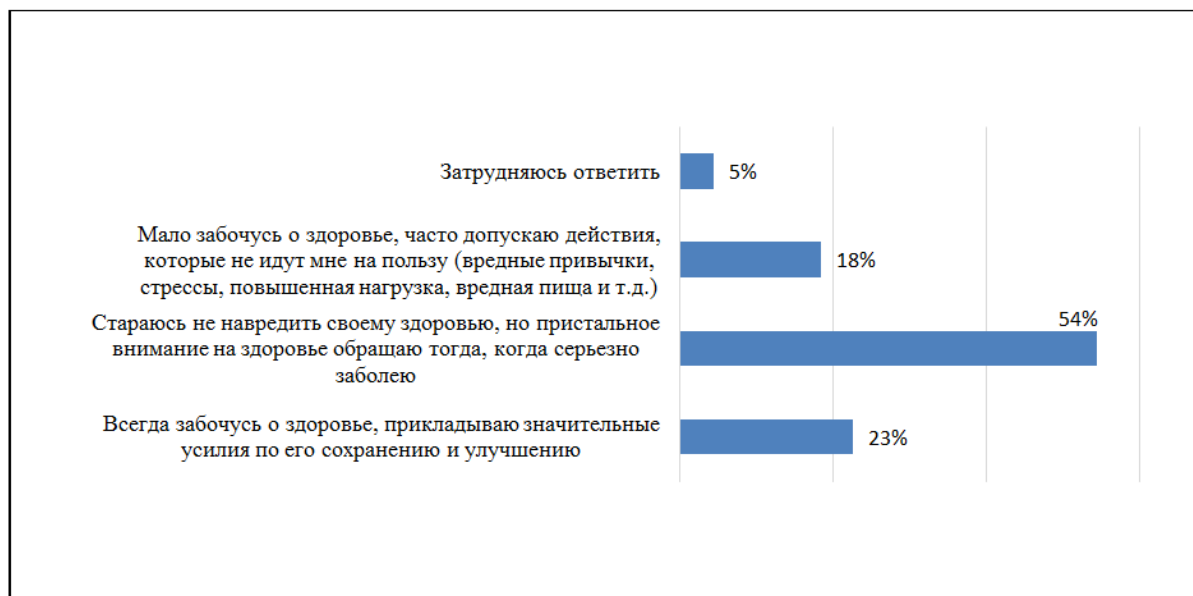

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос «Как вы относитесь к своему здоровью?»
(% от общего числа респондентов, n=6280)

Fig. 1. Distribution of responses to the question “How do you relate to your health?” (% of total respondents, n = 6,280)

Анализ распределения ответов на вопрос «Как вы относитесь к своему здоровью?» показывает, что мужчины неодинаково оценивают собственные усилия по его сохранению. В их ответах просматривается как декларация систематической заботы

о здоровье, так и признание частых действий, которые не идут на пользу здоровью.

Примерно четверть мужчин (23 %) демонстрирует последовательную вовлеченность в сохранение и улучшение здоровья, которая предполагает регулярные личные усилия. Эту категорию мужского населения условно можно назвать «проактивно-ориентированные».

Значительная доля респондентов, участвовавших в опросе, демонстрируют недостаточную вовлеченность в заботу о собственном здоровье. Так, примерно половина опрошенных (54 %) фокусируются на избегании явного вреда здоровью. Эти мужчины переходят к активным действиям по его улучшению лишь при возникновении серьезных проблем. Очевидно, что эта группа респондентов склонна откладывать профилактику и недооценивать долгосрочные риски ухудшения состояния здоровья. Подобная реактивная модель скорее не является прямой демонстрацией пренебрежения, но создает предпосылки для систематического накопления негативных последствий, особенно в условиях влияния стрессов, нерационального питания или отсутствия физической активности. Эту категорию мужского населения условно можно назвать «реактивно-ориентированные».

Почти пятой части респондентов (18 %) свойственно пренебрежение состоянием своего здоровья. Они открыто признаются в недостаточной заботе о здоровье, что выражается в сознательном допущении вредных привычек, пренебрежении режимом нагрузок и подверженности деструктивным практикам. Возможно, что причины выбора такой модели поведения связаны с недостатком мотивации на сохранение здоровья, влияния средовых факторов, например, рабочего графика, ограничивающего возможности для восстановления, или культурных установок, связывающих пренебрежение здоровьем с традиционными представлениями о мужественности. Данную категорию мужского населения условно можно назвать «пренебрегающие».

Относительно небольшая часть респондентов (5 %), характеризуется недостаточной рефлексией своих действий по сохранению здоровья. Опрошенные не смогли выразить отношение к собственному здоровью. Эту категорию мужского населения условно можно назвать «нерефлексирующие».

Безусловно, отдельный ответ на один вопрос анкеты не позволяет однозначно отнести респондента к той или иной модели поведения, поскольку один и тот же мужчина может одновременно считать, что «всегда заботится о здоровье», но при этом часто допускать вредные для него практики и обращать пристальное внимание на здоровье только при заболевании. Поэтому условные «ключевые категории отношения мужчин к здоровью» в настоящем исследовании выделяются не по одному вопросу, а по совокупности показателей, отражающих как субъективную оценку заботы о здоровье, так и конкретные поведенческие практики. В частности, к группе «пренебрегающих» отнесены мужчины, которые сами признают, что мало заботятся о здоровье и часто допускают действия, не идущие ему на пользу, что позволяет рассматривать эту катего-

рию как индикатор пренебрежительной модели отношения к здоровью.

Распределение мужчин, признающих недостаточную заботу о здоровье и выделенных в условную категорию «пренебрегающие», демонстрирует зависимость данной поведенческой модели от возрастного фактора. Пренебрежение здоровьем наиболее выражено в активных возрастных группах, где мужчинам свойственны высокая нагрузка, совмещение карьеры с личной жизнью, сформированные деструктивные привычки, накопление хронических стрессов и т. д. Наибольшая доля респондентов из категорий, демонстрирующих пренебрежительное отношение, приходится на группу 31–55 лет (22 %), а в возрастной категории 26–30 лет она достигает 19 %, что указывает на постепенное усиление пренебрежения здоровьем по мере вхождения во «взрослую» жизнь. Среди мужчин 25 лет и младше этот показатель ниже (14 %), что, вероятно, объясняется большей физической выносливостью, иллюзией неуязвимости и меньшим опытом столкновения с последствиями вредных привычек. Мужчины же старшего возраста наиболее склонны заботиться о своем здоровье в связи с тем, что у них происходит переоценка жизненных приоритетов, возможное ухудшение самочувствия или медицинские рекомендации побуждают их изменять образ жизни. На рисунке 2 отражено распределение по возрастным группам респондентов, заявивших, что они мало заботятся о здоровье.

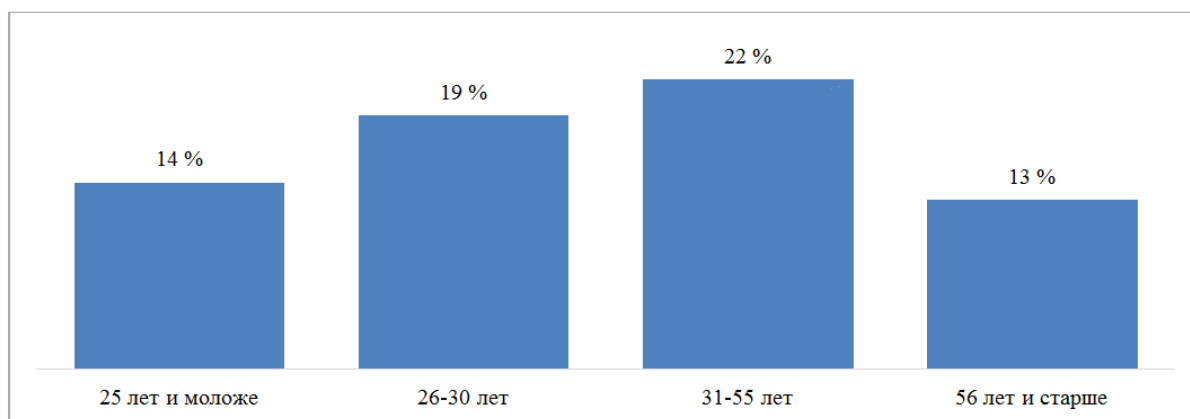

Рис. 2. Распределение численности респондентов по возрастным группам, заявляющих о пренебрежительном отношении к своему здоровью, в %

Fig. 2. Distribution of respondents by age groups reporting neglectful attitudes toward their health (%)

Таким образом, результаты опроса указывают на то, что большая часть мужчин не склонна систематически заботиться о здоровье. Это выражается либо в осознанном пренебрежении практиками его сохранения, либо в пассивном избегании профилактики заболеваемости.

В ходе исследования выявлены факторы, которые, по мнению мужского населе-

ния, в наибольшей степени влияют на состояние его здоровья.

В рейтинге мужских здоровьесберегающих факторов самым значимым является здоровое питание, которое считает основой хорошего самочувствия 41 % респондентов. На втором месте — крепкий сон. Давшие такой ответ респонденты (38 %) подчеркнули важность восстановительных процессов для организма. Каждый третий (29 %) отметил необходимость соблюдения режима труда и отдыха, что указывает на осознание важности баланса режима дня в повседневной жизни.

Также наиболее значимыми факторами респонденты назвали постоянные физические нагрузки (24 %) и качественное медицинское обслуживание (24 %), демонстрируя равную важность активного образа жизни и профессиональной помощи. Далее в рейтинге следуют такие аспекты, как стрессоустойчивость (23 %), отказ от курения (23 %), прогулки на свежем воздухе (22 %), своевременное обращение к врачам (20 %) и самоконтроль состояния здоровья (17 %). Стоит заметить, что перечень значимых факторов не исчерпывается этими позициями, однако остальные варианты получили существенно меньшую поддержку респондентов. На рисунке 3 приведено распределение ответов респондентов на вопрос «Как Вы считаете, что в первую очередь обеспечивает человеку хорошее состояние здоровья?».

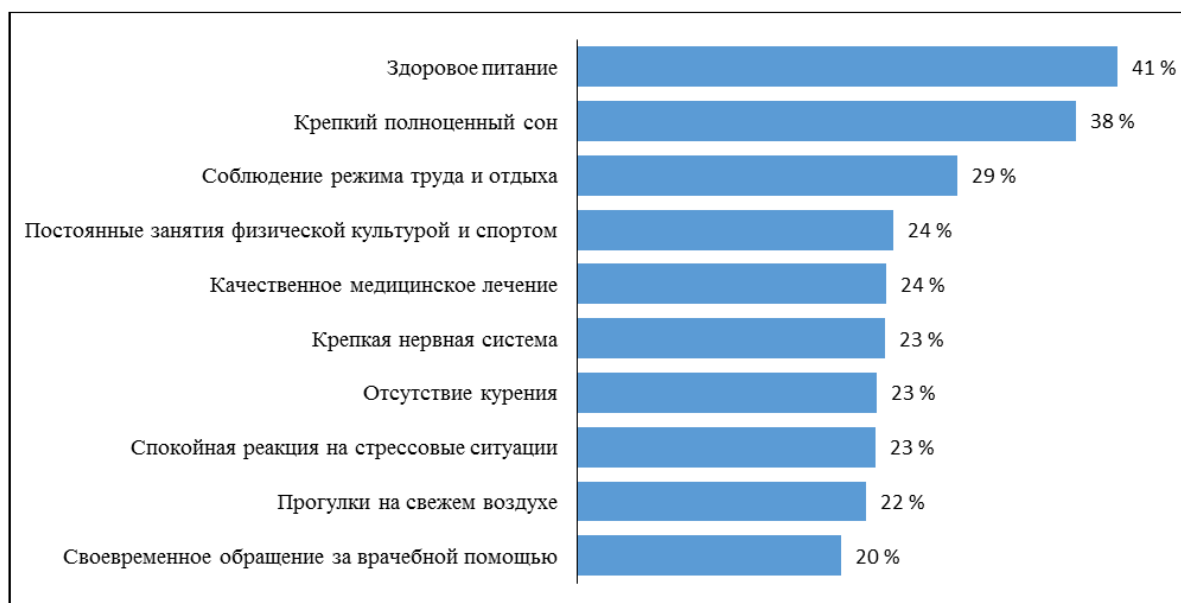

Рис. 3 Распределение ответов на вопрос «Как Вы считаете, что в первую очередь обеспечивает человеку хорошее состояние здоровья?» (в % от общего числа респондентов, n=6280, множественный выбор)

Fig. 3. Distribution of responses to the question “What, in your opinion, primarily ensures good health?” (% of total respondents, n = 6,280; multiple choice)

Полученные результаты показывают, что мужчины в первую очередь связывают хорошее состояние здоровья с повседневными практиками — питанием, сном и физической активностью, тогда как медицинские аспекты воспринимаются скорее как вспомогательные. Такой подход отражает, с одной стороны, стремление к самостоятельной поддержке организма, а с другой — потенциальный риск недооценки важности профессиональной медицинской диагностики, способной выявить скрытые заболевания, связанные с возрастными изменениями, которые могут быть не замечены на ранних стадиях.

Выявленные приоритеты в восприятии здоровьесберегающих факторов получили дополнительное подтверждение после проведенного авторами кластерного анализа. Он подтвердил доминирование повседневных практик и раскрыл структуру мужских представлений о здоровье через четыре категории. Первый и наиболее значимый кластер «Поведение и образ жизни» (47 %) систематизирует ключевые элементы здоровьесберегающих факторов — от питания до режима сна, подчеркивая установку на самостоятельное управление здоровьем. Второй кластер «Профилактика» (23 %) отражает важность медицинского сопровождения и профилактики заболеваний, тогда как третий кластер «Гигиенические факторы» (18 %) и четвертый «Отказ от вредных привычек» (12 %) образуют базовый, но пассивный фундамент. Такая структура наглядно показывает, что при осознании комплексности здоровьесберегающих факторов акцент смещен в сторону индивидуальных усилий респондента, а системная медицинская профилактика остается на периферии.

После того, как мы выяснили, какие факторы мужчины считают важными для сохранения своего здоровья, был задан вопрос о готовности реализовать их в повседневной жизни. Наиболее популярный шаг, на который готовы пойти мужчины ради здоровья, — это начать заниматься спортом (51 %). Чуть менее распространена готовность к соблюдению строгой диеты (41 %) и пересмотру режима труда и отдыха (39 %). Готовность к более радикальным мерам выражена слабее: лишь 35 % согласны отказаться от алкоголя, 30 % — сменить работу, 22 % — поменять место жительства, тогда как на крайние меры вроде продажи имущества, чтобы вылечиться, пошли бы 10 %, занимающие последнюю позицию. Полный отказ от изменений своего образа жизни ради сохранения здоровья демонстрируют 11 % респондентов. На рисунке 4 представлено распределение ответов на вопрос «На что Вы готовы пойти ради своего здоровья?».

Приведенные данные показывают, что признание важности здоровья не всегда означает готовность к кардинальным переменам: мужчины демонстрируют наибольшую готовность к тем изменениям, которые не требуют серьезного нарушения привычного уклада жизни.

С помощью кластерного анализа (метод К-средних) выделены три типичные стратегии поведения, объясняющие выявленные закономерности:

1. Пассивная стратегия (46 %) включает лишь минимальные изменения привычного образа жизни или полный отказ от них. Это объясняет, почему радикальные меры, такие как смена работы, места жительства, продажа имущества, оказались наименее популярны.
2. Комплексная стратегия (30 %) демонстрирует готовность к изменениям в образе жизни, в том числе соблюдение диеты, начало занятий физической культурой и т. д.;
3. Точечная стратегия (24 %) включает только отказ от вредных привычек.

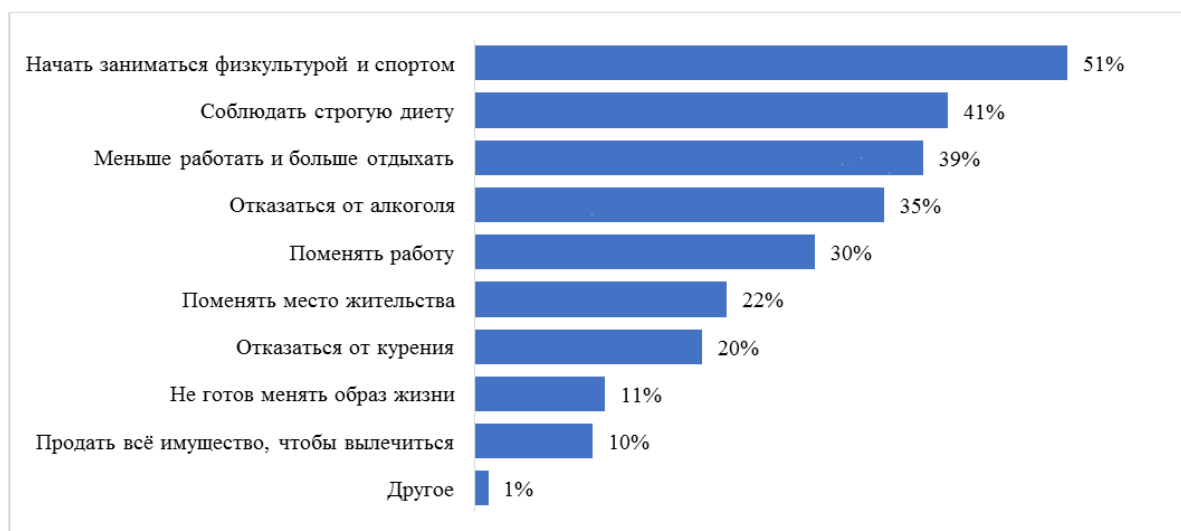

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос «На что Вы готовы пойти ради своего здоровья?» (в % от общего числа респондентов, n=6280, множественный выбор)

Fig. 4. Distribution of responses to the question “What are you willing to do for your health?” (% of total respondents, n = 6,280; multiple choice)

На рисунке 5 показано распределение кластеров мужских стратегий улучшения здоровья.

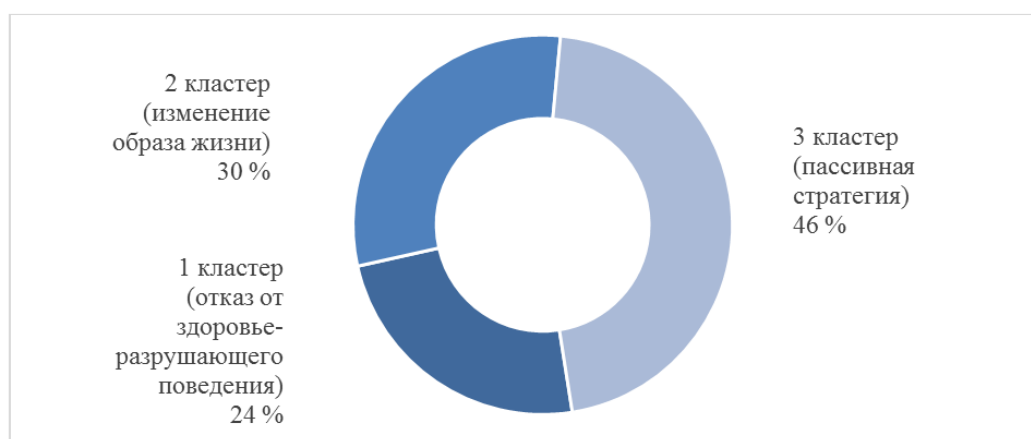

Рис. 5. Распределение респондентов по кластерам мужских стратегий улучшения здоровья (в % от общего числа респондентов, n=6280)

Fig. 5. Distribution of respondents by clusters of male health improvement strategies (% of total respondents, n = 6,280)

Представленные стратегии подтверждают, что даже среди мотивированных мужчин лишь меньшинство готово к системной трансформации привычного уклада жизни. Забота о здоровье остается для большинства мужчин важной, но не приоритетной ценностью, уступающей привычному образу жизни.

Подавляющее большинство мужчин (80 %) возлагает ответственность за сохранение и поддержание здоровья исключительно на себя, что согласуется с ранее выявленной ориентацией на самостоятельное управление своим состоянием. Другие варианты получили минимальную поддержку: лишь 10 % респондентов считают, что ответственность лежит на партнерше, и совсем незначительные доли упоминают государство (4 %), врачей (3 %) или работодателя (1 %). Такое распределение подчеркивает, что мужчины воспринимают здоровье как сугубо личную сферу, практически исключая внешние факторы. Эти данные объясняют ранее выявленные тенденции: сильный акцент на самостоятельных мерах поддержки должного уровня здоровья, скептическое отношение к профилактике и неготовность к системным изменениям. Подобная гипертрофированная автономия имеет как сильные стороны — ответственность за себя, так и определенные риски — недооценка профессиональной помощи и социальных детерминант здоровья. На рисунке 6 отражено распределение ответов респондентов на вопрос «По Вашему мнению, кто в первую очередь отвечает за здоровье мужчины?»

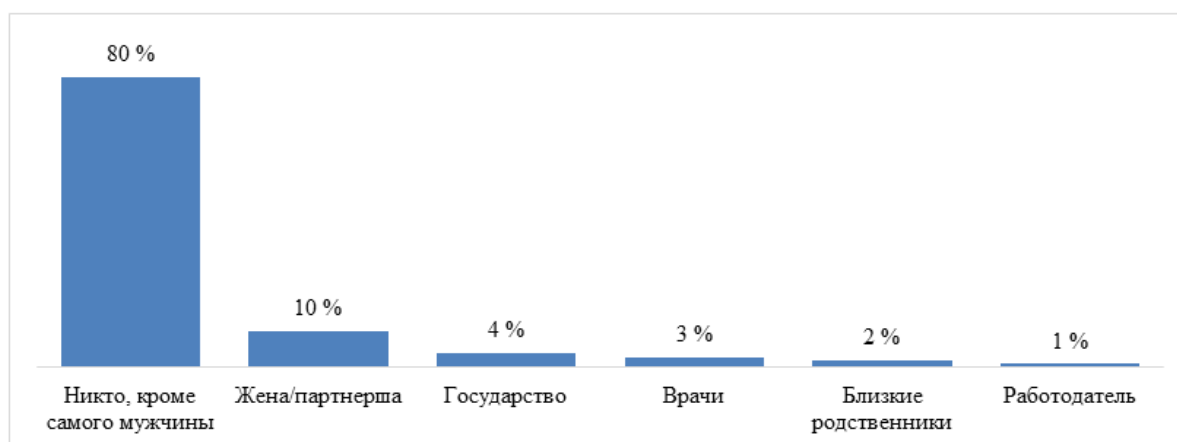

Рис. 6. Распределение ответов респондентов на вопрос «По Вашему мнению, кто в первую очередь отвечает за здоровье мужчины?» (в % от общего числа респондентов, n=6280)

Fig. 6. Distribution of responses to the question “Who, in your opinion, is primarily responsible for a man’s health?” (% of total respondents, n = 6,280)

При явном доминировании установки на личную ответственность за здоровье возникает закономерный вопрос: что же мешает мужчинам реализовывать эту ответственность на практике? Дальнейший анализ позволил выявить ключевые барьеры, препятствующие здоровьесберегательным действиям.

Главным ограничением для мужчин становится дефицит временных ресурсов — более трети респондентов (36 %) указывают на отсутствие возможности выделить время для заботы о здоровье. Финансовые барьеры (27 %) и нежелание взаимодействовать с медицинской системой (30 %) формируют вторую линию сопротивления, демонстрируя, что, осознавая ответственность, мужчины сталкиваются с объективными и субъективными сложностями.

Менее значимые, но показательные барьеры — страх процедур (17 %), отсутствие медучреждений поблизости (15 %), неготовность менять привычки (13 %), отсутствие информации о профилактических мероприятиях (12 %) и отсутствие доверия медицине (7 %), которые показывают инфраструктурные, психологические и поведенческие факторы, формирующие комплексное сопротивление профилактике различных заболеваний. На рисунке 7 приведены ответы респондентов на вопрос «Что в первую очередь Вам мешает уделять своему здоровью больше внимания, заняться профилактикой заболеваний?».

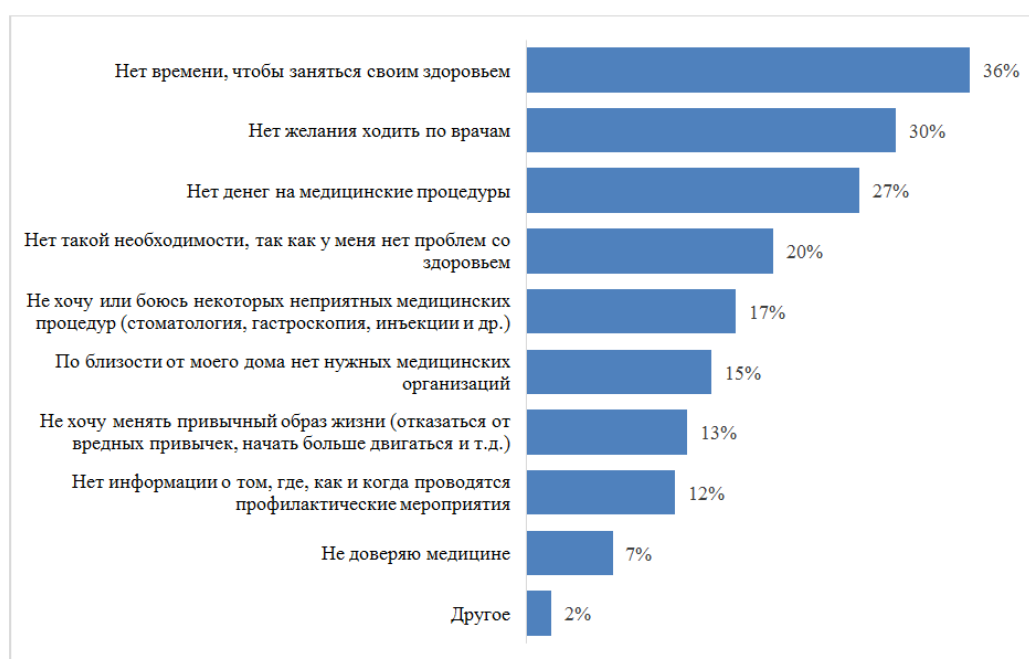

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос «Что в первую очередь Вам мешает уделять своему здоровью больше внимания, заняться профилактикой заболеваний?» (в % от общего числа респондентов, n=6280, множественный выбор)

Fig. 7. Distribution of responses to the question “What primarily prevents you from paying more attention to your health and engaging in disease prevention?” (% of total respondents, n = 6,280; multiple choice)

Данные, полученные с помощью социологического исследования, раскрывают парадокс мужского отношения к здоровью: при декларируемой личной ответственно-

сти ее реализация блокируется системой взаимосвязанных ограничений, где практические обстоятельства (время, деньги) усиливаются психологическими установками (недоверие, отрицание рисков). Это объясняет разрыв между признанием важности здоровья и реальной практикой заботы о нем.

В ходе исследования мужчинам было предложено оценить ряд утверждений о здоровье, выбрав те, с которыми они согласны. Результаты опроса демонстрируют высокую распространенность стереотипных представлений среди мужчин — 98% респондентов согласились хотя бы с одним из предложенных утверждений. Наиболее укоренились стереотипы, связанные с повседневными практиками: подавляющее большинство респондентов (85 %) считают регулярный секс укрепляющим здоровье, а две трети (67 %) верят в необходимость совершения 10 тысяч шагов ежедневно. Значительную поддержку получили заблуждения, связанные с физиологическими процессами: 61 % мужчин уверен, что нервные клетки не восстанавливаются, 58 % — что стать отцом можно в любом возрасте, а 55 % считают мужчин стабильнее женщин эмоционально. Примерно одна треть опрошенных — это мужчины (31 %), уверенные в том, что платная медицина безусловно превосходит бесплатную.

Относительно мужского здоровья выявлен комплекс специфических стереотипов. Половина опрошенных (50 %) отрицает существование мужского климакса, а 37 % убеждены в негативном влиянии гаджетов на мужскую эрекцию. При этом 14 % респондентов отрицают возможность возникновения остеопороза у мужчин.

Особую группу составляют заблуждения, связанные с хроническими заболеваниями и их лечением. Считает гепатит С неизлечимым заболеванием 41 % респондентов, а 32 % полагают, что люди с ВИЧ опасны для общества. Распространены стереотипы о терапевтических практиках: в пользу малых доз алкоголя верят 37 %. Каждый пятый (20 %) разделяет мнение об опасности прививок для здоровья и жизни, 17 % — о целительной силе голодания, а 10 % — о всесильности антибиотиков. В стереотип о всеобщей распространенности храпа среди мужчин верят 17 % опрошенных.

Наименее распространенными оказались убеждения в том, что веганство является путем к здоровью (8 %), а также в том, что здоровый образ жизни доступен только молодым (8 %). Заблуждение, что инфаркты и инсульты бывают только у стариков, разделяют 5 % мужчин.

Представленные данные о стереотипах мужского здоровья раскрывают две ключевые проблемы: глубокую укорененность псевдонаучных представлений и селективное доверие к информации. Например, вера в «безопасный» алкоголь (37 %) и целительную силу голодания (17 %) сочетается со скептическим отношением к доказательной медицине (20 % против прививок) и одновременно с высоким уровнем доверия к платной медицине (31 %). Такая избирательность подчеркивает необходимость адресных просветительских программ с опорой на авторитетные для мужчин источники. На рисунке 8 приведены утверждения о здоровье, а также доля мужчин, согласных с этими утверждениями.

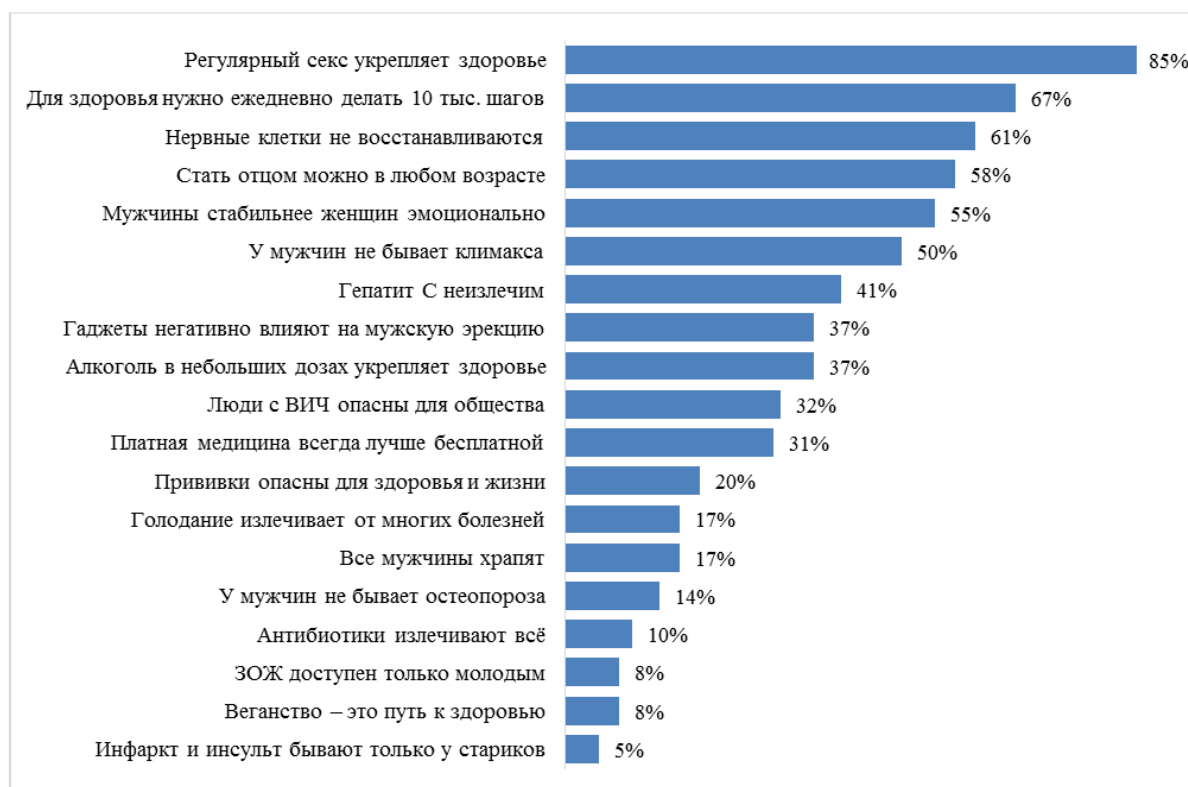

Рис. 8. Доля мужчин, согласных с утверждениями о здоровье (в % от общего числа респондентов, согласных хоть с одним утверждением, $n=6154$, множественный выбор)

Fig. 8. Share of men agreeing with statements about health (% of respondents who agreed with at least one statement, $n = 6,154$; multiple choice)

Таким образом, полученные в ходе исследования эмпирические данные позволяют сделать вывод, что отношение мужчин к здоровью формируется под влиянием комплекса взаимосвязанных факторов, где доминирующую роль играют социокультурные стереотипы. Выявленные поведенческие модели демонстрируют преобладание реактивных и пренебрегающих стратегий, которые подкрепляются распространенными псевдонаучными представлениями. Парадокс между декларируемой личной ответственностью и реальными практиками здоровья объясняется системой психологических и социальных барьеров, ограничивающих возможность систематической заботы о здоровье.

Обсуждение

По данным Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), абсолютное большинство россиян (88 % — в 2024 г., 90 % — в 2022 г.) декларирует соблюдение принципов здорового образа жизни, в том числе половина (53 %) по самооценке придерживаются их всегда, а треть (35 %) — иногда. Только 11 % в ходе опроса при-

знались, что не соблюдают такие принципы [14]. Однако данные о реальных практиках обращения за медицинской помощью демонстрируют существенное расхождение между декларируемыми намерениями и фактическим поведением. Согласно ВЦИОМ (2022) треть опрошенных обращается в медицинские учреждения в случае острой необходимости, когда откладывать прием больше нельзя (32 %). Почти вдвое реже визит к врачу совершают, когда не удается справиться с возникшими жалобами самостоятельно (18 %). Такая же доля опрошенных записывается на прием сразу при возникновении жалоб или обострении хронических заболеваний (17 %). Наконец, наименее распространенный мотив похода к врачу — регулярный контроль состояния здоровья (14%) [14].

Эти данные соотносятся с результатами социологического исследования, проведенного Д. К. Танатовой и И. В. Королевым, выявивших недостаточную вовлеченность мужчин в заботу о собственном здоровье: более половины (54 %) переходят к активным действиям по улучшению здоровья лишь при возникновении серьезных проблем [15]. Подобные результаты согласуются с выводами В. В. Лемиш, которая установила, что мужчинам свойственно бездействие при плохом самочувствии и ожидание, когда все само собой пройдет [16]. Автор объясняет это тем, что стереотип маскулинности блокирует своевременное обращение за медицинской помощью: запрет на выражение отрицательных эмоций («мужчины не плачут») приводит к тому, что упускается время для диагностики и лечения заболеваний. В. В. Лемиш также подчеркивает, что отношение к здоровью и здоровьесохранительное поведение взрослых мужчин в значительной степени определяется стереотипами маскулинности, при этом мужчины на всех этапах онтогенеза в большей степени, чем женщины, склонны к саморазрушительному поведению и недооценке влияния собственных усилий на здоровье. Стереотип маскулинности проявляется в том, что мужчины чаще жертвуют своим здоровьем ради работы и считают это нормальным, что согласуется с полученными нами данными о доминирующей роли социокультурных стереотипов в формировании отношения мужчин к здоровью.

Выявленная в исследовании авторов тенденция к реактивным и пренебрегающим стратегиям находит подтверждение в работе Ю. О. Камаева, С. Н. Черкасова, А. В. Федяевой, А. В. Мартиросова, которые показали, что использование самолечения является широко распространенной моделью поведения среди пациентов обоих полов [17]. Важно отметить, что такое поведение обусловлено не только экономическими факторами (пациенты с более низким уровнем располагаемого дохода чаще используют самолечение в облигатном режиме), но и субъективным восприятием пациентами своих знаний о лечении. Это наблюдение соотносится с обнаруженным нами распространением среди респондентов псевдонаучных представлений о здоровье.

Особого внимания заслуживает проблема обращения за профессиональной психологической помощью. Исследование В. О. Аникиной, А. Г. Поповой, Н. Л. Васильевой установило, что мужчины придерживаются более негативного отношения к профессиональной психологической помощи, чем женщины [18]. Исследователями опре-

делено, что отрицание необходимости помощи у мужчин связано с потребностью в контроле и самодостаточностью. Примечательно, что мужчины более склонны отрицать необходимость психологической помощи даже при высокой оценке тяжести состояния, что объясняет выявленный в нашем исследовании парадокс между декларируемой личной ответственностью и реальными практиками здоровья.

Системное влияние гендерных стереотипов на здоровьесберегающее поведение подробно описано в работе О. М. Драпкиной и О. Т. Ким, которые продемонстрировали, что традиционные стереотипы о социальных нормах становятся причиной неверной оценки мужчинами состояния собственного здоровья, позднего обращения за медицинской помощью и низкой приверженности к лечению [19]. Авторы отмечают, что женщины чаще посещают врачей, принимают больше лекарств и проводят больше дней в больницах, что свидетельствует о том, что социальное ожидание женской гендерной роли заставляет женщин внимательнее относиться к физическому дискомфорту и болезням. Эти наблюдения объясняют выявленную нами систему психологических и социальных барьеров, ограничивающих возможность систематической заботы о здоровье у мужчин.

Что касается профилактических осмотров, то, анализируя отношение россиян к здоровому образу жизни, ВЦИОМ выявил, например, что профилактические осмотры чаще проходят граждане в возрасте 60 лет и старше (19 %). Эти данные подтверждают наш вывод, полученный в ходе исследования, о том, что мужчины старшего возраста более склонны заботиться о своем здоровье потому, что у них происходит переоценка жизненных приоритетов, возможное ухудшение самочувствия или медицинские рекомендации побуждают их изменять образ жизни. Эти факторы подчеркиваются и в исследовании Е. Н. Новосёловой [20].

Заметим, что сегодня разрабатываются просветительские программы формирования у детей и молодежи устойчивых стереотипов здорового образа жизни [21]. Однако, на наш взгляд, такие программы, информирующие о факторах риска различных заболеваний, объясняющие важность регулярных медицинских осмотров, нужны и для лиц старшего возраста. Более того, с учетом выявленного в исследовании авторов и подтвержденного в работах других исследователей влияния гендерных стереотипов на здоровьесберегающее поведение мужчин, представляются целесообразными разработка специализированных программ, ориентированных на преодоление барьеров, связанных с традиционными представлениями о маскулинности, и формирование проактивного отношения к собственному здоровью у мужчин различных возрастных групп.

Выводы

Проведенное социологическое исследование убедительно демонстрирует, что общественные стереотипы о маскулинности и мужском здоровье представляют собой системный барьер, определяющий здоровьесберегающее поведение мужчин в России. Эти стереотипы проявляются на трех взаимосвязанных уровнях: поведенческом, когнитивном и ценностном.

На поведенческом уровне стереотипы маскулинности формируют преимущественно реактивные и пренебрегающие стратегии отношения к здоровью. Представления о «настоящем мужчине» как физически выносливом, эмоционально сдержанном и самодостаточном приводят к тому, что подавляющее большинство респондентов откладывает профилактические меры и переходит к активным действиям лишь при возникновении серьезных проблем со здоровьем. Характерно, что готовность к изменениям ради здоровья ограничивается действиями, не нарушающими привычный уклад жизни, тогда как радикальные меры встречают минимальную поддержку.

На когнитивном уровне стереотипы проявляются в повсеместном распространении псевдонаучных представлений о мужском здоровье. Практически все респонденты разделяют хотя бы одно стереотипное утверждение, многие из которых непосредственно касаются специфических аспектов мужского здоровья и препятствуют своевременной диагностике заболеваний. Особенно показательны стереотипы, отрицающие существование мужского климакса, возможность возникновения остеопороза у мужчин или утверждающие способность стать отцом в любом возрасте. Эти заблуждения отражают устойчивые стереотипные представления о «неуязвимости» мужского организма.

На ценностном уровне центральным проявлением стереотипов является парадокс между декларируемой личной ответственностью за здоровье и реальными практиками его сохранения. Подавляющее большинство мужчин возлагает ответственность за здоровье исключительно на себя, практически полностью исключая роль внешних факторов. Однако эта гипертрофированная автономия, отражающая стереотип о мужской самодостаточности, не воплощается в систематических здоровьесберегающих действиях. Стереотипные представления о здоровье как сфере личной ответственности сочетаются с недооценкой роли профессиональной медицинской помощи и профилактики.

Выявленная возрастная динамика подтверждает социокультурную природу обнаруженных закономерностей. Усиление пренебрежительного отношения к здоровью по мере вхождения во «взрослую» жизнь и его ослабление в старшем возрасте демонстрируют, что стереотипы о маскулинности наиболее сильно влияют на мужчин в период максимальной социальной и профессиональной активности, когда давление традиционных гендерных ожиданий достигает пика.

Таким образом, исследование показывает, что стереотипы о мужском здоровье формируют устойчивые установки, которые блокируют профилактику заболеваний, своевременное обращение за медицинской помощью и ведение здорового образа жизни. Традиционные представления, связывающие мужественность с физической выносливостью и пренебрежением к самочувствию, в сочетании с недостаточной медицинской грамотностью создают многомерный барьер на пути к сохранению мужского здоровья. Преодоление существенного гендерного разрыва в продолжительности жизни требует трансформации этих глубоко укорененных социокультурных стереотипов о маскулинности и формирования новых представлений, в которых забота о здоровье воспринимается как проявление ответственности и силы.

Вклад авторов

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Authors' contributions

All authors contributed equally to the preparation of the manuscript.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests. The authors declare no conflicts of interest.

Список источников

1. Танатова, Д. К. Социальные факторы увеличения продолжительности здоровой жизни (по материалам социологических исследований) / Д. К. Танатова, М. В. Вдовина, Т. Н. Юдина. – <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-3-468-473>. – Текст : непосредственный // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2021. – Т. 29, № 3. – С. 468–473.
2. Is gender equality in health the right goal? Exploring issues of definition and measurement / A. Y. Chang, S. Hawkes, K. Buse, V. Zarulli. – <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2024-017900>. – Text : direct // BMJ Global Health. – 2025. – Vol. 10. – Issue 4.
3. Зинькина, Ю. В. Разрыв в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин: обзор генетических, социальных и ценностных факторов / Ю. В. Зинькина, А. В. Коротаев. – Текст : непосредственный // Демографическое обозрение. – 2021. – Т. 8, № 1. – С. 106–126.
4. Всемирная организация здравоохранения. Рейтинг стран мира по уровню продолжительности жизни. – Текст : электронный – URL: <https://gtmarket.ru/ratings/healthy-life-expectancy-index> (дата обращения: 24.10.2025).
5. Горошко, Н. В. Социальные факторы смертности мужского населения: Россия на мировом фоне / Н. В. Горошко, С. В. Пацала. – <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-53-4-81-96>. – Текст : непосредственный // Социально-трудовые исследования. – 2023. – № 53 (4). – С. 81–96.
6. Драпкина, О. М. Профилактика хронических неинфекционных заболеваний в Российской Федерации. Национальное руководство 2022 / О. М. Драпкина, А. В. Концевая, А. М. Калинина. – <https://doi.org/10.15829/1728-8800-2022-3235>. – Текст : непосредственный // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. – 2022. – Т. 21, № 4. – Ст. 3235.
7. Проблемы здравоохранения села: монография / В. И. Стародубов, А. А. Калининская, К. Г. Дзугаев, В. В. Стрючков. – Москва : Издательский дом Академии Естествознания. – 2012. – 207 с. – Текст : непосредственный.
8. Гендерные особенности осведомленности и отношение к здоровому образу жизни у пользователей медицинских интернет-ресурсов / А. Н. Коробейникова, М. В. Беззубцева, А. Е. Демкина [и др.]. – <https://doi.org/10.17116/profmed20232610162>. – Текст : непосредственный // Профилактическая медицина. – 2023. – Т. 26, № 10. – С. 62–69.
9. Mokhwelepa, L. W. Men's mental health matters: The impact of traditional masculinity norms on men's willingness to seek mental health support; a systematic review of literature /

L. W. Mokhwelepa, G. O. Sumbane. – <https://doi.org/10.1177/15579883251321670>. – Text : direct // American Journal of Men's Health. – 2025. – Vol. 19, Issue 3.

10. Каменева, Т. Н. Гендерные различия в отношении к здоровью: региональный аспект / Т. Н. Каменева, И. В. Лескова, Е. В. Чанкова. – Текст : непосредственный // Мир науки. Социология, филология, культурология. – 2022. – Т. 13, № 1. – С. 1–9. URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/53SCSK122.pdf> (дата обращения: 24.10.2025).

11. Устав Всемирной организации здравоохранения. – Текст : электронный // Всемирная организация здравоохранения: сайт. – URL: <https://www.who.int/ru/about/governance/constitution> (дата обращения: 24.10.2025).

12. Мужское здоровье: взгляд экспертов на проблему / Т. А. Соколовская, А. В. Зубко, Е. А. Варавикова, В. С. Ступак. – <https://doi.org/10.17116/profmed20252806192>. – Текст : непосредственный // Профилактическая медицина. – 2025. – Т. 28, № 6. – С. 92–98.

13. Здоровый образ жизни : мониторинг. – Текст : электронный // ВЦИОМ : официальный сайт. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-monitoring> (дата обращения: 24.10.2025).

14. Здоровый образ жизни и как его придерживаться. – Текст : электронный // ВЦИОМ : официальный сайт. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-i-kak-ego-priderzhivatsja> (дата обращения: 24.10.2025).

15. Танатова, Д. К. Достижения и преграды для продолжительной и активной жизни старшего поколения в России / Д. К. Танатова, И. В. Королёв. – https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_384_395. – Текст : непосредственный // Уровень жизни населения регионов России. – 2025. – Т. 21, № 3. – С. 384–395.

16. Лемиш, В. В. Системный анализ социальных представлений о здоровье у мужчин на разных этапах взрослости / В. В. Лемиш. – <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2022.43.3.03>. – Текст : непосредственный // Системная психология и социология. – 2022. – № 3(43). – С. 25–34.

17. Модели поведения, связанные с обращением за медицинской помощью пациентов с разным уровнем располагаемого дохода / Ю. О. Камаев, С. Н. Черкасов, А. В. Федяева, А. В. Мартыросов. – <https://doi.org/10.21638/spbu11.2023.106>. – Текст : непосредственный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Медицина. – 2023. – Т. 18, № 1. – С. 70–78.

18. Аникина, В. О. Субъективные факторы обращения за психологической помощью мужчин / В. О. Аникина, А. Г. Попова, Н. Л. Васильева. – Текст : непосредственный // Мир науки. Педагогика и психология. – 2020. – Т. 8, № 5. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/38PSMN520.pdf> (дата обращения: 27.10.2025).

19. Драпкина, О. М. Половые и гендерные различия в здоровье и болезни. Часть II. Клиническая и медико-социальная / О. М. Драпкина, О. Т. Ким. – <https://doi.org/10.15829/1728-8800-2023-3831>. – Текст : непосредственный // Кардиоваскулярная терапия и профилактика. 2023. Т. 22, № 12. – Ст. 3831.

20. Новосёлова, Е. Н. Здоровье в пожилом возрасте: стереотипы и объективные показатели / Е. Н. Новосёлова. – <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2024-30-1-32-52>. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 18: Социология и политология. – 2024. – Т. 30, № 1. – С. 32–52.

21. Вачков, И. В. Разработка просветительских программ формирования у детей и молодежи устойчивых стереотипов здорового образа жизни: методические рекомендации /

И. В Вачков. – Москва : ФГБУ «Центр защиты прав и интересов детей», 2021. – 108 с. – Текст : непосредственный.

References

1. Tanatova, D. K., Vdovina, M. V., & Yudina, T. N. (2021). Social factors of increasing healthy life expectancy (based on sociological research data). *Problemy social'noj gigieny, zdra-voohraneniya i istorii mediciny=Problems of Social Hygiene, Public Health and History of Medicine*, 29(3), pp. 468-473. (In Russ.) <https://doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-3-468-473>.
2. Chang, A. Y., Hawkes, S., Buse, K., & Zarulli, V. (2025) Is 'gender equality in health the right goal? Exploring issues of definition and measurement. *BMJ Global Health*, 10(4). (In English). <https://doi.org/10.1136/bmjgh-2024-017900>
3. Zinkina, Y. V., Korotaev, A. V. (2021) The gap in life expectancy between men and women: a review of genetic, social, and value factors. *Demograficheskoe obozrenie=Demographic Review*, 8(1), pp. 106-126. (In Russ.).
4. World ranking by life expectancy. Available at: <https://gtmarket.ru/ratings/healthy-life-expectancy-index> (accessed: 24.10.2025).
5. Goroshko, N. V., & Patsala, S. V. (2023). Social factors of male mortality: Russia on the world stage. *Social'no-trudovye issledovaniya=Socio-Economic Research*, 53(4), pp. 81-96. (In Russ.) <https://doi.org/10.34022/2658-3712-2023-53-4-81-96>
6. Drapkina, O. M., Kontsevaya, A. V., & Kalinina, A. M. (2022) Prevention of chronic non-communicable diseases in the Russian Federation. National guideline. *Kardiovaskulyarnaya tera-piya i profilaktika=Cardiovascular Therapy and Prevention*, 21(4), 3235. (In Russ.) <https://doi.org/10.15829/1728-8800-2022-3235>
7. Starodubov, V. I., Kalininskaya, A. A., Dzugaev, K. G., & Stryuchkov, V. V. (2012) Problems of rural healthcare. Moscow, Izdatel'skij dom Akademii Estestvoznaniya Publ., 207 p. (In Russ.).
8. Korobeynikova, A. N., Bezzubtseva, M. V., Demkina, A. E., Yuldasheva, A. D., Popova, S. V., Pivenshteyn, A. L., Isaeva, A.V.[et al.]. (2023). Gender features of awareness and attitude towards a healthy lifestyle among users of medical Internet resources. *Russian Journal of Preventive Medicine*, 26(10), pp. 62-69. (In Russ.) <https://doi.org/10.17116/profmed20232610162>
9. Mokhwelepa, L. W., & Sumbane, G. O. (2025). Men's Mental Health Matters: The Impact of Traditional Masculinity Norms on Men's Willingness to Seek Mental Health Support; a Systematic Review of Literature. *American Journal of Men's Health*, 19(3), (In English). <https://doi.org/10.1177/15579883251321670>.
10. Kameneva, T. N., Leskova, I. V., & Chankova, E. V. (2022). Gender differences in attitudes towards health: regional aspect. *Mir nauki. Sociologiya, filologiya, kul'turologiya=World of Science. Sociology, Philology, Cultural Studies*, 13(1), pp. 1–9. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/53SCSK122.pdf> (accessed: 24.10.2025). (In Russ.).
11. Constitution of the World Health Organization. – Available at: <https://www.who.int/ru/about/governance/constitution> (accessed: 24.10.2025). (In Russ.).
12. Sokolovskaya, T. A., Zubko, A. V., Varavikova, E. A., & Stupak, V. S. (2025). Men's health: experts' view to the problem. *Russian journal of preventive medicine and public health*, 28(6), pp. 92–98. (In Russ.) <https://doi.org/10.17116/profmed20252806192>

13. Healthy lifestyle: monitoring. (In Russ.). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-monitoring> (accessed: 24.10.2025).
14. Healthy lifestyle and how to adhere to it. (In Russ.). Available at: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/zdorovyi-obraz-zhizni-i-kak-ego-priderzhivatsja> (accessed: 24.10.2025).
15. Tanatova, D. K., & Korolev, I. V. (2025). Achievements and barriers to a long and active life for the older generation in Russia. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 21(3), pp. 384-395. (In Russ.) https://doi.org/10.52180/1999-9836_2025_21_3_3_384_395
16. Lemish, V. V. (2022). System analysis of social representations of health in men at different stages of adulthood. *System Psychology and Sociology*, 3(43), pp. 25–34. (In Russ.) <https://doi.org/10.25688/2223-6872.2022.43.3.03>
17. Kamaev, Yu. O., Cherkasov, S. N., Fedyaeva, A. V., Martirosov, A. V. (2023). Behavioral models related to seeking medical care in patients with different levels of disposable income. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Medicina=Vestnik of Saint Petersburg University. Medicine*, 18(1), pp. 70-78. (In Russ.) <https://doi.org/10.21638/spbu11.2023.106>
18. Anikina, V. O., Popova, A. G., Vasilyeva, N. L. (2020). What stops men from seeking psychological help. *The World of Science. Pedagogy and Psychology*, 8(5). – Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/38PSMN520.pdf> (accessed: 27.10.2025). (In Russ.).
19. Drapkina, O. M., Kim, O. T. (2023). Sex and gender differences in health and disease. Part II. Clinical and medical-social. *Cardiovascular Therapy and Prevention*, 22(12), 3831. (In Russ.) <https://doi.org/10.15829/1728-8800-2023-3831>
20. Novoselova, E. N. (2024). Health in old age: stereotypes and objective indicators. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya=Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science*, 30(1), pp. 32–52. (In Russ.) <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2024-30-1-32-52>
21. Vachkov, I. V. (2021). Development of educational programs for forming sustainable healthy lifestyle stereotypes in children and youth: methodological recommendations. Moscow, FGBU “Centr zashchity prav i interesov detej” Publ., 108 p. (In Russ.).

Информация об авторах / Information about the authors

Танатова Дина Кабдуллиновна, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии факультета политических и социальных наук, Российский государственный социальный университет, Москва, dktanatova@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7924-2242>

Dina K. Tanatova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Russian State Social University, Moscow, dktanatova@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7924-2242>

Королёв Иван Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, заведующий лабораторией социологического анализа кафедры социологии, Российский государственный социальный университет, Москва, iv_king@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1317-2317>

Леонтьева Таисия Викторовна, кандидат социологических наук, эксперт лаборатории социологического анализа кафедры социологии, Российский государственный социальный университет, Москва, taechka_2511@mail.ru; ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1257-2896>

Ivan V. Korolev, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Head of the Laboratory of Sociological Analysis, Russian State Social University, Moscow, iv_king@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1317-2317>

Taisia V. Leonteva, Candidate of Sociological Sciences, Expert of the Laboratory of Sociological Analysis, Russian State Social University, Moscow, taechka_2511@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1257-2896>

Поступила в редакцию / Received 16.01.2026

Поступила после рецензирования / Revised 05.02.2026

Принята к публикации / Accepted 20.02.2026

Научная статья / Original research article

УДК 316.47

DOI: <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-125-141>

EDN: FGPFY

Социально-организационные механизмы регулирования проектной деятельности

А. В. Фомушкин

Отделение Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Тюменской области, Тюмень, Российская Федерация

anton.fomushkin@bk.ru

Аннотация. Целью статьи выступает изучение характеристики содержания понятия «социально-организационный механизм регулирования» применительно к проектной деятельности, концептуализация данной категории и выработка авторской трактовки ее содержания. Актуальность работы связана с тем, что в научной литературе отсутствуют исследования, нацеленные на концептуализацию категории «социально-организационный механизм» регулирования проектной деятельности, и изучение этой категории в современной социологии носит незавершенный характер. Системный и структурно-функциональный подходы позволили выявить цели, компоненты, функции социально-организационного механизма и проанализировать институциональную среду проектной деятельности. Посредством комплексного анализа трудов научной литературы исследована характеристика содержания понятия «социально-организационный механизм». К результатам исследования следует отнести концептуализацию этой категории и выработку авторской трактовки ее содержания. Под социально-организационным механизмом регулирования проектной деятельности понимаем интегрированную совокупность способов, приемов и инструментов, которые используются для упорядочения социальных взаимодействий, организации и управления социальными процессами и отношениями, функционирующими в рамках конкретной социальной организации и обеспечивающими достижение проектных целей социальных систем. Сделан вывод, что эффективность функционирования механизма достигается путем усиления обратной связи между различными уровнями управления, расширения участия исполнителей в процессах принятия решений и регулярного мониторинга промежуточных и итоговых результатов. Теоретическая значимость состоит в концептуализации категории «социально-организационный механизм» регулирования проектной деятельности. Материалы исследования могут представлять интерес для ученых, изучающих проблематику регулирования проектной деятельности. Практическую значимость обосновывает возможность использования материалов исследования при подготовке лекционных курсов по дисциплине «Социология управления».

Ключевые слова: социальные системы, государственные учреждения, упорядочение социальных взаимодействий, управление социальными процессами, совокупность способов, достижение проектных целей

Для цитирования: Фомушкин, А. В. Социально-организационные механизмы регулирования проектной деятельности / А. В. Фомушкин. – <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-125-141> // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. – 2026. – № 1. – С. 125–141. – EDN: FGPFY

Socio-organizational mechanisms for regulating project activities

Anton V. Fomushkin

Department of the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation for the Tyumen Region, Tyumen, Russian Federation

anton.fomushkin@bk.ru

© А. В. Фомушкин, 2026

Abstract. This article aims to explore the concept of a socio-organizational mechanism of regulation in relation to project activities, to conceptualize this category, and to develop the author's interpretation of its content. The relevance of this study arises from the lack of research in the existing literature concerning the conceptualization of socio-organizational mechanisms for regulating project activities. In modern sociology, this concept remains insufficiently developed. Using systemic and structural-functional approaches, we identified the goals, components, and functions of the socio-organizational mechanism and analyzed the institutional environment of project activities. Also, we conducted a comprehensive review of scientific literature to examine the content of the concept of a socio-organizational mechanism. The main result of the study include the conceptualization of this category and the formulation of the author's interpretation. We treat socio-organizational mechanism for regulating project activities as an integrated set of methods, tools, and practices designed to organize social interactions and manage social processes and relationships within a specific social organization to achieve project goals. We concluded that the effectiveness of this mechanism relies on enhancing feedback between various levels of management, increasing participant involvement in decision-making processes, and consistently monitoring both intermediate and final results. The theoretical significance of the study lies in the conceptualization of the term "socio-organizational mechanism" in the regulation of project activities. The study materials may be of interest to scientists studying the regulation of project activities. The practical significance of the study is justified by the possibility of using the research materials in the preparation in teaching courses such as Sociology of Management. The practical significance of the research is justified by the possibility of using the research materials in the preparation of lecture courses in the discipline "Sociology of Management".

Key words: social systems, government agencies, regulation of social interactions, management of social processes, a set of methods, achievement of project goals

For citation: Fomushkin, A. V. (2026). Socio-organizational mechanisms for regulating project activities. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Sociology. Economics. Politics*, (1), pp. 125-141. (In Russ.). <https://doi.org/10.31660/1993-1824-2026-1-125-141>

Введение

Проблематика изучения функционирования социально-организационного механизма регулирования проектной деятельности имеет сравнительно недолгую историю. Это объясняется тем, что активно метод проектов в производственном обучении и в образовательных процессах стал использоваться только в 1965 г. Проектная деятельность применялась для построения социальных коммуникаций внутри производственно-образовательного пространства при решении проблем и достижении определенных результатов.

Основоположниками проектной деятельности являются Дж. Дьюи и У. Херд Килпатрик [1], а в России ее развитие тесно связано с именами С. Т. Шацкого, И. И. Мазура, В. Д. Шапиро, Н. Г. Ольдерогге [2]. Проектная деятельность направлена на достижение заранее определенного результата, создание определенного уникального продукта или услуги. Особую актуальность имеет осмысление данного аспекта в контексте функционирования государственных учреждений, действующих в роли важнейшего института российского государства. В. С. Родичева отмечала, что «целью внедрения проектного подхода выступает мобилизация и структурирование бюджетных ресурсов в условиях заданных ограничений для достижения запланированных результатов» [3].

Основоположники структурно-функционального подхода в социологии Р. Мертон [4] и Т. Парсонс [5] заложили основы теоретического анализа, исследующего влияние социальной среды на состояние и поведение включенных в нее членов общества, что имеет ключевое значение в контексте регулирования проектной деятельности. Проектная деятельность носит социальный характер, поскольку нацелена на удовлетворение общественных интересов за счет создания и внедрения социальных инноваций и тесно связана с социальной сферой. Эту точку зрения подтверждает постулат российского исследователя Л. В. Кузнецовой: «Социально-проектная деятельность понимается как теоретическая и в то же время практическая деятельность по внедрению социальных инноваций» [6].

А. М. Кирпиченко, указывая на «механизм социального управления как явления в социологии», отмечал необходимость изучения теоретических аспектов его функционирования, анализа его целей, элементов и функций [7]. Н. Д. Кремлев говорил, что в процессе контроля за деятельностью организации и поведением ее персонала задача менеджмента «уметь эффективно отреагировать и реализовать оптимальные механизмы регулирования» [8]. О. И. Ильянова, исследуя возможности потенциала субъектов взаимодействия, участвующих в реализации государственных функций, утверждала, что «в современных условиях необходимо регулирование динамики социально-стратификационных изменений, происходящих на всех уровнях управления» [9].

Отсюда следует закономерный вывод, что социально-организационный механизм регулирования проектной деятельности включает реализацию управленческих мероприятий, направленных как на изменение социально-организационных условий проекта посредством регулирования социальных процессов, протекающих в государственных учреждениях, так и на изменение личностных характеристик участников проектной деятельности, связанных с их социальным мировоззрением.

Оценивая общий уровень разработанности проблемы, отметим, что в настоящее время существует значительное количество исследований, на уровне которых производится отражение отдельных аспектов функционирования социально-организационного механизма. М. Ю. Алимова, С. И. Деменева, И. И. Давлетов, С. А. Черникова, А. М. Кирпиченко, С. А. Шилина в своих научных трудах изучали процессы социального и организационного взаимодействия внутри социальных систем и социально-организационные связи с другими системами и их внешним окружением. Е. Н. Звягинцева, Л. В. Кузнецова, И. М. Дудина, В. С. Родичева раскрывали особенности социально-проектной деятельности. С. Измалков, К. Сонин, М. Юдкевич, О. И. Ильянова, Н. Д. Кремлев, С. А. Волк, К. Б. Сафонов рассматривали механизмы регулирования экономического, организационного, социального взаимодействия.

Вместе с тем в научной литературе отсутствуют исследования, нацеленные на концептуализацию категории «социально-организационный механизм» регулирования проектной деятельности. Изучение этой категории в современной социологии отличается незавершенным характером. Этот фактор определяет актуальность исследования и

важность теоретических разработок в данной сфере.

Цель статьи — изучение характеристики содержания понятия «социально-организационный механизм регулирования» применительно к проектной деятельности, концептуализация данной категории и выработка авторской трактовки ее содержания. Гипотезой исследования выступает предположение, что социально-организационный механизм регулирования сам предстает в качестве процесса, направленного на преобразование «входа» (выработка и передача управленческих решений проектной команде исполнителей) в «выход» (отработанные управленческие решения определяют достижение запланированных результатов), обеспечивающего получение максимального эффекта при минимальных затратах ресурсов, усилий и времени.

Теоретическая значимость заключается в концептуализации категории «социально-организационный механизм» регулирования проектной деятельности. Материалы исследования могут представлять интерес для ученых, изучающих проблематику регулирования проектной деятельности. Практическая значимость состоит в обосновании возможности использования этих материалов при подготовке лекционных курсов по дисциплине «Социология управления».

Материалы и методы

Теоретико-методологическую основу исследования составили созданные ведущими отечественными и зарубежными учеными фундаментальные труды и прикладные работы, посвященные теории систем и аспектам функционирования социально-организационного механизма, изучению процессов социального и организационного взаимодействия внутри социальных систем и их социально-организационных связей с другими системами и внешним окружением.

Эмпирической базой послужили нормативно-правовые акты и внутренние регламенты Отделения Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Тюменской области (Отделение), а также информационно-аналитические материалы, характеризующие практику проектной деятельности в указанном учреждении.

Отделение было выбрано ввиду его активной вовлеченности в проекты, направленные на социальную поддержку пожилых граждан региона. Отметим, что за период 2019–2025 гг. Отделение неоднократно завоевывало признание на конкурсах профессионального управления проектной деятельностью «Проектный Олимп» в Российской Федерации в номинациях: «Проектное управление в системе Пенсионного фонда РФ»; «Системы управления проектной деятельностью в государственных корпорациях, компаниях с государственным участием, коммерческих и общественных организациях, а также институтах развития»; «Система бережливого управления»; «Компетентный проектный офис» и «Комплексная система управления организацией».

В период 2019–2025 гг. достижение Отделением высоких результатов стало возможным во многом благодаря внедрению концепции «ЦЕНТР», разработанной автором

настоящей статьи — руководителем проектного офиса, куратором и руководителем многих проектов вышеуказанного учреждения.

Учреждение обладает богатым опытом внедрения инновационных подходов к организации проектов, что делает его удобным объектом для изучения особенностей социально-организационного механизма регулирования.

Методы исследования включали:

- комплексный анализ научной литературы по проблемам социального и организационного регулирования;
- сравнительное сопоставление существующих моделей и подходов к управлению проектами;
- интервью с ключевыми сотрудниками отдела проектного управления;
- наблюдение за ходом реализации пилотных проектов;
- качественный анализ внутренней документации и отчетности.

Всего было проанализировано 12 действующих проектов различного масштаба, проведено 7 интервью с руководителями проектов и членами проектных команд, обработано около 40 внутренних документов и отчетов.

В процессе решения поставленных задач применялись общенаучные методы научного познания: комплексный анализ трудов научной литературы, синтез, индукция и дедукция, сравнение и группировка. С их помощью была исследована характеристика содержания понятия «социально-организационный механизм» регулирования проектной деятельности, концептуализирована данная категория и выработана авторская трактовка ее содержания. Системный и структурно-функциональный подходы позволили определить цели, компоненты, функции «социально-организационного механизма» и осуществить анализ институциональной среды проектной деятельности, имеющей ключевое значение для решения социальных проблем целевой группы в условиях, ограниченных по времени и бюджету и сфокусированных на достижении заранее запланированных результатов, которые возможно измерить.

Доказано, что социально-организационный механизм регулирования предстает в виде сложной и многогранной системы, обеспечивающей функционирование проектной деятельности и ее развитие на базе грамотной организации социально-организационных процессов, которая способствует эффективному управлению, решению социальных проблем и достижению поставленных проектом целей. Характеристика социально-организационного механизма применительно к регулированию проектной деятельности имеет ключевое значение. Подтверждена гипотеза исследования и сделан вывод, что эффективность функционирования механизма достигается путем усиления обратной связи между различными уровнями управления, расширения участия исполнителей в процессах принятия решений и регулярного мониторинга промежуточных и итоговых результатов.

Результаты

Институциональная среда проектной деятельности является условием функционирования социально-организационного механизма регулирования [10]. Особенно актуально осмысление этого аспекта в контексте функционирования государственных учреждений, выступающих важнейшим институтом российского государства. Подчеркнем, что социально-организационное регулирование проектной деятельности государственных учреждений реализуется в процессе выполнения государственных функций и задач перед обществом через профессиональных управленцев/менеджеров (госслужащих), с учетом как запросов государства, так и запросов общества, ориентированных на удовлетворение потребностей заинтересованных сторон, при возможном взаимодействии с общественными организациями и институтом бизнеса, функционирующим в рамках государственно-частного партнерства [11].

С одной стороны, проектная деятельность нацелена на более эффективное использование ресурсов государственных учреждений и минимизацию всех видов потерь, которая достигается за счет улучшения координации управления персоналом, повышения его мотивации в развитии своих знаниевых компетенций, совершенствования процессов государственных учреждений путем внедрения комплексного и оперативного анализа информации, мониторинга выполнения мероприятий, строгой подотчетности и прозрачности выполняемой работы, что обеспечивает организацию успешного достижения поставленных целей.

С другой стороны, проектная деятельность государственных учреждений имеет социальный характер, поскольку она нацелена на удовлетворение общественных интересов за счет создания и внедрения социальных инноваций. Этот вид деятельности направлен на решение социальных проблем и эффективную организацию социальной работы, напрямую способствующую развитию социальной сферы.

Рассматривая характеристику содержания понятия «социально-организационный механизм регулирования», выделим термин «социально-организационный» и отметим, что он относится к области, которая изучает социальные отношения, функционирование социальных систем и различных типов организаций (государственные учреждения, общественные организации, коммерческие предприятия, государственно-частные партнерства), их структур и протекающих в них процессов [12].

Эта характеристика социально-организационного механизма имеет ключевое значение для регулирования проектной деятельности, направленной на решение определенной социальной проблемы целевой группы, так как грамотная организация социально-организационных процессов способствует эффективному управлению, решению социальных проблем и достижению поставленных проектом целей, ограниченных по времени и бюджету и сфокусированных на достижении командой исполнителей заранее запланированных результатов, которые возможно измерить.

В подтверждение сделанного вывода выделим термин «социально-

организационный» в качестве непрерывной системы координируемой деятельности команды исполнителей, занятых преобразованием материальных и трудовых ресурсов и поиском уникальных решений социальных проблем на базе внедрения проектных социальных инноваций, реализуемых в том числе и через взаимодействие с другими системами и их внешним окружением. В условиях консолидации всех видов ресурсов программно-целевой метод служит инструментом социально-организационного механизма регулирования, обеспечивающего выполнение действий и мероприятий по регулированию получения заранее запланированных результатов на базе принятых планов и программ.

Таким образом, характеристика содержания понятия «социально-организационный механизм регулирования» раскрывается с позиции комплекса действий и мероприятий, направленных на выполнение задачи по регулированию получения заранее запланированных результатов проектной деятельности, предназначенных для решения актуальных социальных проблем/вопросов определенной целевой группы.

В научно-технической терминологии понятие «механизм» применяют, как правило, для технического толкования внутреннего устройства машин и агрегатов. В экономику понятие «механизм» впервые ввел Л. Гурвиц, раскрывая эту категорию с позиции взаимодействия экономических субъектов и их центра. Но А. Кульман обосновал наличие взаимосвязи различных экономических явлений и их элементов и расширил трактовку понятия, указав на взаимозависимость объекта управления и субъектов управления и их элементов, выступающих как самостоятельными единицами, так и неотъемлемой частью системы, и подчеркнул регуляторную функцию «экономического механизма», сфокусированного на регулировании процессов рыночной деятельности на базе совокупности методов и средств воздействия [13].

С течением времени экономические системы эволюционировали, и в научной литературе появился термин «организационный механизм». Исследователи рассматривают его в контексте организационного механизма регулирования процессов функционирования и развития организации, а также в контексте инструмента системы управления, базирующегося на нормативно-правовых актах, закрепленных законами, инструкциями и кодексами, которые служат рычагами воздействия на объекты и субъекты управления и системы мер, реализующей комплекс управляющих действий и мероприятий контроля и надзора в синергизме совокупных взаимодействий организационных структур, регулирующих органов, объектов и субъектов управления [14].

Таким образом, организационный механизм регулирования проектной деятельности представляет собой комплекс совокупности методов и средств воздействия на взаимосвязанные элементы системы, объекты и субъекты управления, что обеспечивает эффективное управление проектами.

Основные компоненты организационного механизма регулирования проектной деятельности включают цели управления проектами, структуру управления проектами, распределение ответственности, процессы принятия решений, координацию действий

участников, а также инструменты и методы для планирования, контроля и реализации проектов (рис. 1).

Организационные механизмы регулирования проектной деятельности могут быть представлены: нормативно-правовыми актами — законами, постановлениями, приказами, регламентирующими правила и процедуры проектной деятельности; методическими рекомендациями по управлению проектами (стандарты ISO 21500, PMBOK и др.); системами управления проектами, которые автоматизируют процессы, связанные с планированием, контролем, отчетностью и взаимодействием участников; Проектными комитетами и Проектными офисами; структурными подразделениями, которые специализируются на поддержке и координации проектной деятельности.

Рис. 1. Основные компоненты организационного механизма регулирования проектной деятельности

Fig. 1. Key components of the organizational mechanism for regulating project activities

Термин «социальный механизм» прочно вошел в социологию и определяется с позиции социального управления, обеспечивающего воздействие на факторы, от состояния которых зависит результат деятельности управляемого объекта [15]. Трактовку содержания понятия «социальный механизм» можно представить как регулирование взаи-

модействия социальных структур, норм, правил, процедур и методик принятия решений, институтов, образцов поведения и т. д., посредством которого обеспечивается функционирование социальной системы. Результатом его реализации является управленческое решение, формирующее управленческое воздействие, объединяя субъект и объект управления [16].

Социальные механизмы регулирования проектной деятельности — это совокупность способов и средств, с помощью которых руководящие органы и представители общественности воздействуют на поведение людей и общественные отношения, придавая им определенную направленность и обеспечивая стабильность проектной деятельности.

Социальные механизмы включают в свою структуру нормативные, ненормативные, информационные, директивные регуляторы, а также различные социальные институты и структуры. Основные компоненты социальных механизмов регулирования проектной деятельности приведены на рисунке 2.

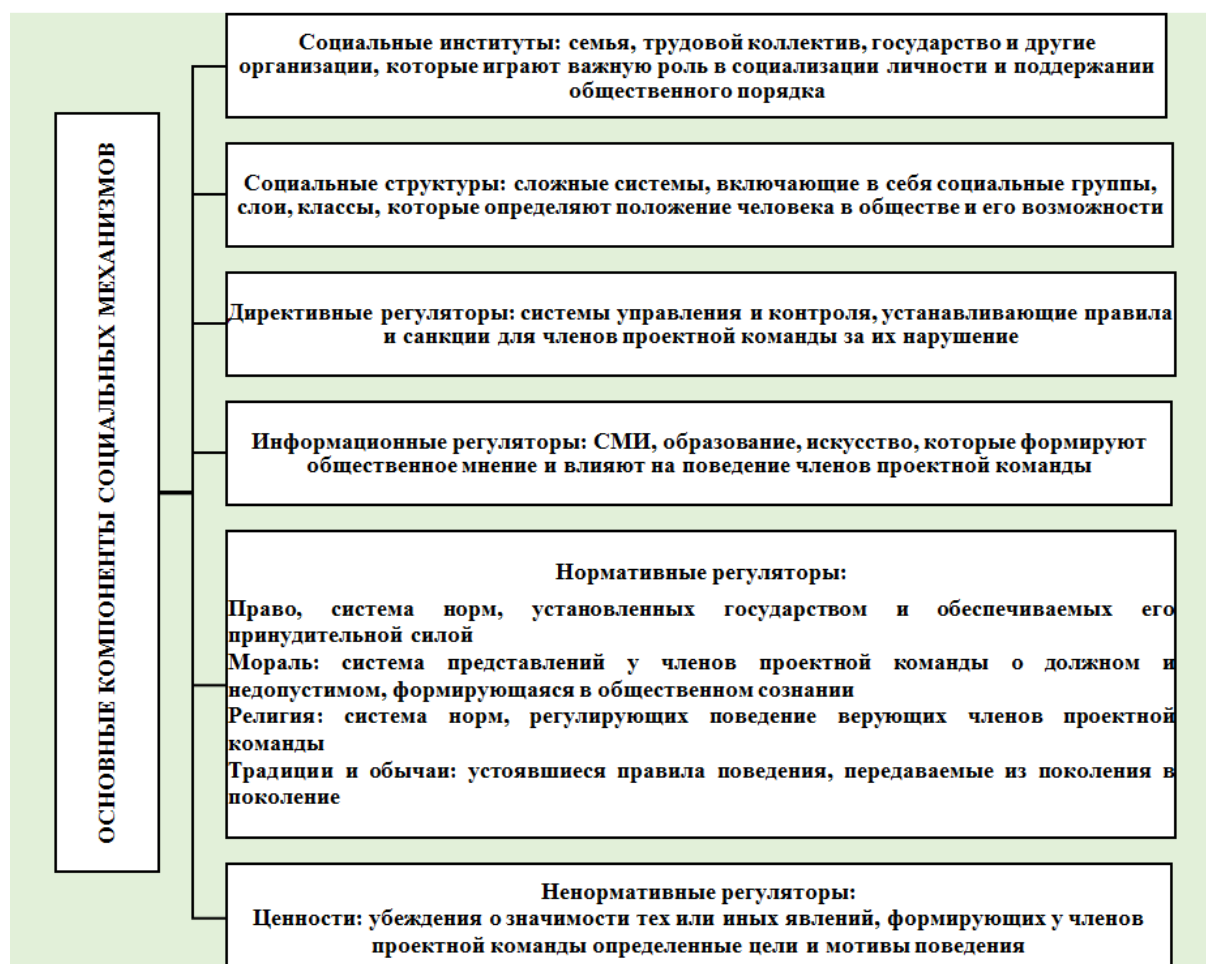

Рис. 2. Основные компоненты социальных механизмов регулирования проектной деятельности

Fig. 2. Key components of the social mechanisms for regulating project activities

Таким образом, социальные механизмы регулирования можно представить в виде сложной и многогранной системы, обеспечивающей функционирование проектной деятельности и ее развитие.

Они нацелены на выполнение следующих функций:

- социализация (формирование личности членов проектной команды в плане усвоения социальных норм и ценностей);
- интеграция (обеспечение единства членов проектной команды, устойчивости и стабильности командной работы);
- контроль (наблюдение за поведением членов проектной команды и применение санкций к нарушителям проектной деятельности);
- развитие (изменение отношений членов проектной команды в соответствии с потребностями общества и требованиями проектной деятельности);
- взаимодействие (социальные механизмы регулирования не действуют изолированно, так как взаимодействуют друг с другом, усиливая или ослабляя влияние).

Отсюда проистекает закономерный вывод, что социально-организационный механизм регулирования проектной деятельности выступает составной частью системы управления организацией, которая включает в свою структуру взаимоотношения членов проектной команды, исполняющих конкретные функции по решению определенных социальных задач, способствующих развитию социальной сферы.

Социально-организационные механизмы регулирования проектной деятельности государственных учреждений осуществляют регулирование социального и организационного взаимодействия с другими системами и их внешним окружением, общественными организациями и институтом бизнеса, функционирующим в рамках государственно-частного партнерства, путем упорядочения социальных и организационных связей. Регулирование социального и организационного взаимодействия с другими системами и их внешним окружением можно рассматривать с позиции функционального предназначения объединений институционального характера и институтов гражданского общества и места элементов социальной структуры в проектной деятельности. Отталкиваясь от вышеизложенного, заключим, что характеристика социально-организационного механизма применительно к регулированию проектной деятельности имеет ключевое значение, поскольку социально-организационный механизм регулирования сам предстает в качестве процесса, направленного на преобразование «входа» в «выход», где необходимая информация, предназначенная для выработки управленческих решений, поступает на «вход» и передается команде исполнителей, а отработанные управленческие решения поступают на «выход» и определяют достижение запланированных результатов и получение максимального эффекта при минимальных затратах ресурсов, усилий и времени.

Обсуждения

Теория систем и системный анализ в управлении организациями раскрывает сущность социально-организационного механизма регулирования через понятия «система» и «совокупность». Система в них представлена определенной целостностью, единством, динамичным соединением множества элементов, находящихся во взаимосвязях и отношениях друг с другом и приводящих в движение объект, а совокупность определяется общими свойствами, существенными для характеристики множества элементов, которые воздействуют на развитие объекта [17].

Существенные различия между вышеуказанными категориями отражают крайние состояния функционирования или развития системы, выраженные либо закономерностью целостности (эмерджентностью — возникновением новых свойств системы, отсутствующих у ее элементов), либо закономерностью аддитивности, предполагающей возможность исчерпывающего объяснения свойств целого из свойств частей.

Следовательно, структуру социально-организационного механизма регулирования проектной деятельности возможно представить: объектами — управляемыми элементами (участниками проектной деятельности и ее партнерами), которые изменяются под воздействием центров активности социально-организационного механизма регулирования; управляющими элементами (центрами активности социально-организационного механизма регулирования: руководящими органами управления и представителями общественности), воздействующими на участников проектной деятельности и ее партнеров в рамках социально-коммуникационного взаимодействия институциональной среде; субъектами-носителями предметно-практической деятельности, задействованными в трансформации процессов проектной деятельности; алгоритмами работы социально-организационного механизма регулирования; организационной, социальной и технической инфраструктурой институциональной среды; параметрическим описанием запланированных результатов достижения целевой эффективности социально-организационного механизма регулирования проектной деятельности, представленных итогами высокоэффективных проектных решений.

Социальная инфраструктура — это совокупность различных учреждений и объектов, служащих для обеспечения жизнедеятельности населения и его благосостояния [18]. Отделение Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Тюменской области⁷ выступает в качестве социальной организации институционального типа и активно реализует проектную деятельность в Центрах общения старшего поколения при клиентских службах.

Один из новых механизмов социально-организационного регулирования проектной деятельности в данном государственном учреждении представлен Концепцией «ЦЕНТР», разработанной нами и внедренной в 2020 г. в деятельность Отделения Фонда

⁷ До 01.01.2023 учреждение называлось «Государственное учреждение — Отделение Пенсионного фонда Российской Федерации по Тюменской области»

пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Тюменской области (утверждена Положениями Приказа № 250 от 01.09. 2020 года) [19].

Организационные механизмы регулирования проектной деятельности в Отделении представлены нормативно-правовыми актами: Приказ № 437 «Об утверждении Положения о системе управления проектной деятельностью Отделения ПФР по Тюменской области» от 30 декабря 2016 года; Приказ № 439 «Об утверждении Положения о Проектном офисе государственного учреждения» от 30 декабря 2016 года и Приказ № 575 от 29 декабря 2017 года об утверждении «Положения о Проектном комитете государственного учреждения» [20]. В вышеуказанных директивных документах установлены правила организации и направления развития проектной деятельности, определены функции Проектного комитета, Проектного офиса, выступающего координационно-контрольным органом проектной деятельности и проектных офисов территориальных органов.

Социальные механизмы регулирования проектной деятельности в Отделении представлены нормативно-правовыми актами: методическими рекомендациями по организации работы центров общения старшего поколения при клиентских службах отделений Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации, нацеленными на обеспечение методической поддержки для организации деятельности этих центров и повышение качества жизни пожилых граждан; Приказом № 417 «О внедрении технологий бережливого производства» от 30 декабря 2020 года и Приказом № 250 от 01.09. 2020 года о внедрении «Концепции ЦЕНТР», которые регламентируют формат обучения сотрудников государственного учреждения принципам, технологиям, инструментам и методам бережливого производства и устанавливают принципы бережливого управления, обеспечивая операционную эффективность и ресурсную устойчивость государственному учреждению; стимулируют передовую генерацию идей проектного управления за счет распространения лучших практик территориальных подразделений и развитие лучших организационных, практических и технических инициатив на основе передачи опыта территориальным подразделениям государственного учреждения в рамках организованного сотрудничества с организациями из различных секторов социальной сферы [21].

Опираясь на практический опыт работы в государственном учреждении (социальной системе) и теоретический анализ научных работ в контексте темы исследования, понимаем под социально-организационным механизмом регулирования проектной деятельности интегрированную совокупность способов, приемов и инструментов, используемых для упорядочения социальных взаимодействий, организации и управления социальными процессами и отношениями, функционирующими в рамках конкретной социальной организации и обеспечивающими достижение проектных целей социальных систем.

Проектная деятельность предстает целостным, системным социальным феноменом, предопределяющим конкретные функциональные требования к социально-организационному механизму регулирования в контексте социализации личности члена

проектной команды. Закрепление мотивов государственных служащих для выполнения поставленных проектом целей и достижения результатов опирается на ценностно-формирующую, целеориентирующую, интегративную, интериоризационную, нормативно-правовую, санкционирующую функции, поскольку мотивы побуждают к действиям, а ценности выступают ориентиром проектной деятельности. Процессы целеполагания требуют волевого усилия от государственных служащих для достижения цели и запланированных результатов проекта. Успешная интеграция личности в коллектив проектной команды требует принятия установленных норм и правил, укрепления взаимосвязей между личностью и коллективом. Культура проекта требует поддержания образца ведения деятельности и влияния социума на формирование сознания индивида (определенная модель поведения личности, приемлемая для корпоративной культуры). Нормативно-правовой процесс фиксирует правила и нормы поведения членов команды проекта и балансирует отношения между индивидом и социумом, государством, а санкции за совершение каких-либо неприемлемых действий в отношении членов команды проекта закрепляют одобряемую заинтересованными сторонами и социумом модель поведения внутри коллектива.

Социально-организационный механизм регулирования проектной деятельности направлен на минимизацию воздействия деструктивных факторов, приводящих к срыву проекта, и конфликтов в среде государственных служащих, выступающих участниками проектной команды, на формирование социальной сплоченности и укрепление стремления членов проектной деятельности внести значимый вклад в ее эффективность.

Выводы

Подводя итоги, отметим, что содержание социально-организационного механизма регулирования проектной деятельности государственных учреждений основывается на системном и структурно-функциональном подходах, которые позволяют наглядно рассмотреть основные корреляции и взаимосвязи центров активности, объекта и субъектов управления и элементов социальной структуры. На организационно-функциональном уровне фокус регулирования упирается в организационную среду, в которой государственный служащий, выполняя свои должностные обязанности, реализует проектную деятельность. На личностном уровне фокус регулирования направляется на оптимизацию социальных ожиданий государственных служащих и их интеграцию в команду проекта, на мотивацию и применение социальных санкций. Отсюда делаем вывод, что социально-организационный механизм регулирования государственных учреждений нацелен на создание благоприятных условий для ведения проектной деятельности и на обеспечение активного вовлечения в нее государственных служащих, на предоставление команде проекта возможностей, связанных с профессиональным и личностным развитием, что требует учета институционально-средовых и личностных факторов.

Зависимость приемлемого способа регулирования проектной деятельности от степени соответствия ситуации взаимодействия ее участников с окружающей социальной средой представляет собой основополагающий принцип, определяющий первостепенную важность целенаправленного воздействия органов управления различных уровней на структурные элементы проектной деятельности. При этом анализ адресных мероприятий, направленных на преобразование конкретной ситуации для приведения проекта к его эталонному состоянию, способствует формированию благоприятных организационных условий профессиональной среды, созданных для выполнения профессиональных функций.

Дальнейшие направления исследования могут быть связаны с выявлением основных запросов заинтересованных сторон для приведения в соответствие с их требованиями характеристик социально-организационного механизма регулирования под цели, нужды, нормы и принципы взаимодействия, принятые в локальной среде проектной деятельности, и составлением классификации социально-организационных механизмов регулирования.

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interests. The author declares no conflicts of interest.

Список источников

1. Основы проектной деятельности. – URL : <https://sgpi.ru/user/121/umk/%D0%9B%D0%B5%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F%201.pdf> (дата обращения: 07.08.2025).
2. Звягинцева, Е. Н. Основатели проектной деятельности в России / Е. Н. Звягинцева. – Текст : непосредственный // Экономика и социум. – 2022. – № 12-1(103). – С. 1371–1374.
3. Родичева, В. С. Организация проектной деятельности в органах государственной власти / В. С. Родичева. – <https://doi.org/10.47475/2618-9852-2024-9-2-12-17>. – Текст : непосредственный // Общество, экономика, управление. – 2024. – Т. 9, № 2. – С. 12–17.
4. Merton, R. K. Social Theory and Social Structure / R. K. Merton. – New York: Free Press. – 1949. – Text : direct.
5. Parsons, T. Values, Motives, and Systems of Action. Toward a General Theory of Action / T. Parsons, E. Shils. – Cambridge : Harvard University Press. – 1954. – 360 p. – Text : direct.
6. Кузнецова, Л. В. Социально-проектная деятельность в сфере государственной образовательной политики в Российской Федерации / Л. В. Кузнецова. – <https://doi.org/10.12737/18848>. – Текст : непосредственный // Вестник государственного и муниципального управления. – 2016. – № 1 (20). – С. 49–52.
7. Кирпиченко, А. М. Механизм социального управления / А. М. Кирпиченко. – Текст : непосредственный // Экономика. Социология. Право. – 2021. – № 4(24). – С. 86–106.
8. Кремлев, Н. Д. Механизмы регулирования социально-экономического поведения населения в условиях структурных изменений / Н. Д. Кремлев. – <https://www.doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2024.1.100.888>. – Текст : непосредственный // Национальная ассоциация ученых. – 2024. – № 100. – С.104–111.

9. Ильянова, О. И. Механизмы регулирования социального взаимодействия органов внутренних дел со средствами массовой информации / О. И. Ильянова. – <https://doi.org/10.23672/SAE.2023.81.14.008>. – Текст : непосредственный // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 8. – С. 25–30.
10. Основы проектной деятельности : учебно-методическое пособие / сост. И. М. Дудина ; Яросл. гос. ун-т им. П. Г. Демидова. – Ярославль : ЯрГУ, 2019. – 28 с. – Текст : непосредственный.
11. Сафонов, К. Б. Социальные механизмы регулирования предпринимательской деятельности / К. Б. Сафонов. – Текст : непосредственный // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2014. – № 2(18). – С. 25–30.
12. Деменева, С. И. Социальная организация, ее особенности, конфликты. Функции социального менеджмента / С. И. Деменева, И. И. Давлетов, С. А. Черникова. – Текст : непосредственный // Вестник науки. – 2024. – Т. 5, № 3 (72). – С. 414–422.
13. Измалков, С. Теория экономических механизмов / С. Измалков, К. Сонин, М. Юдкевич. – Текст : непосредственный // Вопросы экономики. – 2018. – № 1. – С. 4–26.
14. Волк, С. А. Организационный механизм управления государственными промышленными предприятиями в Российской Федерации : специальность 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Волк, Сергей Александрович. – Москва, 2006. – 20 с. – Текст : непосредственный.
15. Киселёв, А. Г. Информация в периметре управления: алгоритмы реконструкции / А. Г. Киселёв. – Текст : непосредственный // Социологическая наука и социальная практика. – 2016. – № 1 (13). – С. 35–47.
16. Шилина, С. А. Управленческий дискурс как социальная технология коммуникации в системе отношений социума и власти / С. А. Шилина. – Текст : непосредственный // Концепт. – 2015. – № Т13. – С. 1821–1825.
17. Теория систем и системный анализ в управлении организациями: Справочник: учеб. пособие / под ред. В. Н. Волковой и А. А. Емельянова. – Эл. изд. – 1 файл pdf: 847 с. – Москва : Финансы и статистика, 2021. – Текст : электронный.
18. Алимова, М. Ю. Сущность и особенности формирования социальной инфраструктуры / М. Ю. Алимова. – Текст : непосредственный // Экономика и социум. – 2022. – №10-1(101). – С. 226–231.
19. Фомушкин, А. В. Адаптация концепции бережливого производства «Lean» в рамках российской системы проектного бережливого управления / А. В. Фомушкин. – Текст : непосредственный // Russian Economic Bulletin. – 2025. – Т. 8, № 1. – С. 209–218.
20. Отделение Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Тюменской области : [сайт]. – URL : <https://sfr.gov.ru/branches/tyumen/> (дата обращения: 07.08.2025). – Текст : электронный.
21. Фомушкин, А. В. Синергия проектного и бережливого управления в системе государственных учреждений / А. В. Фомушкин. – <https://doi.org/10.37882/2223-2974.2025.05.37>. – Текст : непосредственный // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики: Серия «Экономика и Право». – 2025. – № 5. – С. 205–213.

References

1. Fundamentals of project activity. (In Russ.). Available at : <https://sgpi.ru/user/121/umk/%D0%9B%D0%B5%D0%BA%D1%86%D0%B8%D1%8F%201.pdf>.
2. Zvyagintseva, E. N. (2022). Founders of project activities in Russia. *Economics and society*, 12-1(103), pp. 1371-1374. (In Russ.)
3. Rodicheva, V. S. (2024). Organization of project activities in public authorities. *Society, economy, management*, 9(2), pp. 12-17. (In Russ.) <https://doi.org/10.47475/2618-9852-2024-9-2-12-17>
4. Merton, R. K. (1949). *Social Theory and Social Structure*. New York, Free Press. (In English).
5. Parsons, T., Shils, E. (1954). *Values, Motives, and Systems of Action. Toward a General Theory of Action*. Cambridge, Harvard University Press Publ., 360 p. (In English).
6. Kuznetsova, L. V. (2016). Social and design activity in the sphere of the state educational policy in the Russian Federation. *Journal of public and Municipal Administration*, 1 (20), pp. 49-52. (In Russ.) <https://doi.org/10.12737/18848>
7. Kirpichenko, A. M. (2021). The mechanism of social management. *Economy. Sociology. Law*, 4(24), pp. 86-106. (In Russ.).
8. Kremlev, N. D. (2024). Mechanisms for regulating the socio-economic behavior of the population in the context of structural changes. *National Association of Scientists*, (100), pp. 104-111. (In Russ.) <https://www.doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2024.1.100.888>
9. Ilyanova, O. I. (2023). Mechanisms for regulating social interaction of internal affairs bodies with the media. *Humanities, social-economic and social sciences*, (8), pp. 25-30. (In Russ.) <https://doi.org/10.23672/SAE.2023.81.14.008>.
10. Fundamentals of project activity : an educational and methodical manual. (2019). Yaroslavl, YarGU Publ., 28 p. (In Russ.).
11. Safonov, K. B. (2014). Social mechanisms of business regulation. *Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology*, 2(18), pp. 25-30. (In Russ.).
12. Demeneva, S. I., Davletov I. I., & Chernikova S. A. (2024). Social organization, its features, conflicts. *Social management functions. Science Bulletin*, 3(72), pp. 414-422. (In Russ.).
13. Izmalkov, S., Sonin, K., Yudkevich, M. (2018). Theory of economic mechanisms. *Questions of Economics*, (1), pp. 4-26. (In Russ.).
14. Volk, S. A. (2006). *Organizacionnyj mekhanizm upravleniya gosudarstvennymi promyshlennymi predpriyatiyami v Rossijskoj Federacii*. Avtoref. diss. ... kand. ekon. nauk. Moscow, 20 p. (In Russ.).
15. Kiselev, A. G. (2016). Information in the management perimeter: reconstruction algorithms. *Sociological science and social practice*, 1(13), pp. 35-47. (In Russ.).
16. Shilina, S. A. (2015). Managerial discourse as a social communication technology in the system of relations between society and government. *Concept*, (T13), pp. 1821-1825. (In Russ.).
17. *Systems Theory and Systems Analysis in Organization Management: A Handbook*. (2021). Moscow, Finance and Statistics Publ., 847 p. (In Russ.).
18. Alimova, M. Yu. (2022). Essence and features of the formation of social infrastructure. *Economics and Society*, 10-1(101), pp. 226-231. (In Russ.).

19. Fomushkin, A. V. (2025). Adaptation of the lean manufacturing concept 'Lean' within the framework of improvement of the Russian project safe management system. *Russian Economic Bulletin*, 8 (1), pp. 209-218. (In Russ.).

20. Department of the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation for the Tyumen region. (In Russ.). Available at : <https://sfr.gov.ru/branches/tyumen/>

21. Fomushkin, A. V. (2025). Synergy of project and lean management in the system of public institutions. *Modern science: actual problems of theory and practice: The series "Economics and Law"*, (5), pp. 205-213. (In Russ.) <https://doi.org/10.37882/2223-2974.2025.05.37>

Информация об авторе / Information about the author

Фомушкин Антон Владимирович,
заместитель управляющего, Отделение Фон-
да пенсионного и социального страхования
Российской Федерации по Тюменской обла-
сти, г. Тюмень, anton.fomushkin@bk.ru

Anton V. Fomushkin, Deputy Manager,
Department of the Pension and Social Insurance
Fund of the Russian Federation for the Tyumen
Region, anton.fomushkin@bk.ru

Поступила в редакцию / Received 12.01.2026

Поступила после рецензирования / Revised 11.02.2026

Принята к публикации / Accepted 16.02.2026

На научный журнал

«Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика»

(подписной индекс: 19420) можно оформить **подписку** на сайте Объединенного каталога **«Пресса России»**: <https://www.pressa-rf.ru/cat/1/edition/t19420/>,

а также можно подписаться через интернет-магазин

«Пресса по подписке»:

https://www.akc.ru/itm/izvestiy_a-vy_iss_hih-uc_hebny_ih-zavedeniy-sot_siologiy_a-y_ekonomika-politika/

Дата выхода в свет 31.03.2026. Формат 60х90 1/8.

Уч.-изд. л. 9,58. Усл. печ. л. 17,75. Тираж 500. Заказ № 3209

Распространяется по подписке. Цена свободная.

Центр развития публикационной активности федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования

«Тюменский индустриальный университет».

625000, Тюмень, ул. Володарского, 38.

Типография библиотечно-издательского комплекса ТИУ

625027, Тюмень, ул. Киевская, 52.